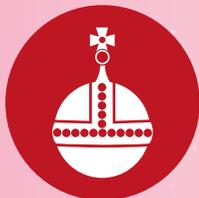

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ

Политология

Психология

Филология

1 / 2022

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 1 / 2022

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 1 / 2022

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific
specialties:**

- 23.00.00 – Political Science (23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology of Political Science,
23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies);
- 19.00.00 – Psychological sciences (19.00.05 – Social psychology,
19.00.07 – Pedagogical psychology);
- 10.02.00 – Philological Sciences, Linguistics (10.02.19 Language Theory).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд.псх.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., заведующий кафедрой теории языка и англистики (Московский государственный областной университет).

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010. Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Moscow Region State University

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow Region State University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow Region State University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow Region State University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science Lomonosov Moscow State University;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana N. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Triave, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatia);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia)).

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street,10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Абрамов А. В., Бозоян Т. Р., Дашкина И. В., Демчук А. Л., Емельянова Н. Н., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Колесников С. И., Князева М. С., Мустафин Б. Е., Пашин М. М., Перус Маркос Агустин Куева, Свечникова М. В., Хо Дун</i>	
МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВ В ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19	8
<i>Буров А. С.</i>	
ТАНДЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПО АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЁЖИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	49
<i>Федоров В. И., Ежов Д. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАТА: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА	65
<i>Хабаров И. А.</i>	
СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОШЛОГО В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА: «IT'S NOT EVEN PAST» (К ВОПРОСУ АКТИВАЦИИ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ РЕЗЕРВОВ)	84
<i>Хлопов О. А.</i>	
УГЛЕВОДОРОДНЫЕ РЕСУРСЫ СРЕДИ ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИРИИ	101
<i>Комлева Н. А.</i>	
«ИРАНСКИЙ КВАДРАТ» ПРОТИВ «ТУРЕЦКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»	116
<i>Кузнецова А. А.</i>	
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	133
<i>Новаковский Е. А.</i>	
ОБРАЗ УКРАИНЫ КАК ВРАГА РОССИИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	149

Воропаева М. А.

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VIII СОЗЫВА	165
---	-----

ПСИХОЛОГИЯ

Дятлов Д. А., Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИДЕРОВ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ ЗНАЧИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ	174
---	-----

Орлова Е. А., Горскина И. Н.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОВЗ)	188
---	-----

Селезнева Е. В.

ВОЗРАСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ МОЛОДОСТИ	203
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Левченко М. Н.

МОДАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА	226
---------------------------------------	-----

Савицкая Е. В.

К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН»	240
---	-----

Сажина Е. В.	253
---------------------------	-----

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПЕЧАТНЫХ СМИ	253
--	-----

POLITICAL SCIENCE

Abramov A. V., Bozoyan T. R., Dashkina I. V., Demchuk A. L., Emelianova N. N., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., Kolesnikov S. I., Knyazeva M. S., Mustafin B. E., Pashin M. M., Perus Marcos Agustin Kueva, Svechnikova M. V., Ho Dong

MOBILIZATION MECHANISMS OF STATES IN THE POLICY OF COUNTERING
THE COVID-19 PANDEMIC 9

A. Burov

TANDEM OF POLITICAL TECHNOLOGIES AND LEGAL MECHANISMS
FOR ADAPTATION AND INTEGRATION OF THE YOUTH FROM CENTRAL
ASIA IN MODERN RUSSIA 50

V. Fedorov, D. Ezhov

FEATURES OF REMOTE ELECTRONIC VOTING REPRESENTATION IN THE MINDS
OF THE RUSSIAN ELECTORATE: RESULTS OF SOCIAL MEDIA ANALYSIS 66

I. Khabarov

THE SYMBOLIC POTENTIAL OF THE PAST IN THE PROCESS OF CONSTRUCTING
SPACE: "IT'S NOT EVEN PAST" (ON THE ISSUE OF ACTIVATING SYSTEM-FORMING
RESERVES) 84

O. Khlopov

ON THE CAUSES AND ROLE OF HYDROCARBON RESOURCES IN THE ORIGIN
OF THE SYRIAN CONFLICT 102

N. Komleva

"IRANIAN SQUARE" AGAINST "TURKISH TRIANGLE" 116

A. Kuznetsova

HISTORY OF BIOPOLITICS' FORMATION AS AN APPROACH OF POLITICAL
STUDIES 134

E. Novakovskiy

IMAGE OF UKRAINE AS AN ENEMY IN THE CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN CITIZENS 150

M. Voropaeva

ON THE ISSUE OF INCREASING THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF THE STATE DUMA OF THE VIII CONVOCATION	166
--	-----

PSYCHOLOGY***D. Dyatlov, V. Gryazeva-Dobshinskaya, Yu. Dmitrieva***

SOCIAL IDENTITY OF LEADERS IN A STRESS SITUATION OF SIGNIFICANT ACTIVITIES OF THE GROUP	175
--	-----

E. Orlova, I. Gorskina

HARDINESS AND COPING STRATEGIES DISTINCTIONS IN WOMEN WITH DIFFICULT LIFE SITUATIONS (ON THE EXAMPLE OF WOMEN HAVING CHILDREN WITH DISABILITIES)	189
--	-----

E. Selezneva

AGE AND CULTURAL FEATURES OF REPRESENTATIONS OF THE AGE BOUNDARIES OF YOUTH	204
--	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES***M. Levchenko***

MODALITY OF PHILOSOPHICAL TEXT	226
--------------------------------------	-----

E. Savitskaya

THE NOTION OF COGNITIVE PATTERN: A RATIONALE	240
--	-----

A. Sazhyna

THE COMMUNICATIVE-COGNITIVE MODEL OF THE POLEMIC DISCOURSE OF THE PRINT MEDIA	254
--	-----

УДК 327:32.019.51

Абрамов А. В., Бозоян Т. Р., Дашкина И. В., Демчук А. Л., Емельянова Н. Н., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Колесников С. И., Князева М. С., Мустафин Б. Е., Пашин М. М., Перус Маркос Агустин Куева, Свечникова М. В., Хо Дун

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВ В ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

АННОТАЦИЯ

В рамках круглого стола с международным участием, организованного кафедрой сравнительной политологии МГУ имени М. В. Ломоносова и электронным журналом «Вестник Московского государственного областного университета», состоялось обсуждение вопроса о мобилизационных механизмах государств (России, КНР, Индии, Канады, Великобритании, Казахстана и др.) в противостоянии пандемии COVID-19. Основные темы обсуждения: государственные мобилизационные механизмы в ситуации первой и последующих волн пандемии COVID-19, взаимодействие граждан и властей, восприятие населением противоэпидемических мер правительств, изменения, происходящие под влиянием пандемии в социальной, экономической, политической сферах жизни общества, в областях цифровизации и образования, прогнозирование хода борьбы с пандемией. В качестве экспертов на круглом столе выступили политологи Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Национального автономного университета Мексики (г. Мехико, Мексика), Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан), университетов КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пандемия COVID-19, мобилизационные механизмы государства, Индия, Китай, Латинская Америка, Канада, Казахстан, АСЕАН

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31210 «Мобилизационные механизмы современных государств в условиях эпидемиологических угроз (сравнительный анализ опыта противодействия пандемии COVID-19)».

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

СТРУКТУРА

[Вступительное слово](#)

[Существует ли социально-политический long Covid?](#)

[Мобилизационные механизмы государства в условиях противодействия пандемии COVID-19: канадский опыт](#)

[Особенности борьбы с пандемией COVID-19 в Великобритании в условиях «Brexit»](#)

[Успех на первой волне: уникальный опыт КНР в борьбе с пандемией COVID-19](#)

[Преимущества китайской политической системы в профилактике и контроле COVID-19](#)

[COVID-19 в Индии: институты государственного управления перед лицом санитарно-эпидемиологических угроз](#)

[Казахстан в условиях пандемии 2020–2021 гг.](#)

Методы борьбы АСЕАН с COVID-19 в условиях геополитического противостояния в регионе

Политика правительства в отношении COVID-19 в Латинской америке: от лечения к вакцинам

Анализ первой волны COVID-19 в странах Латино-Карибской Америки

Вакцинная политика и средства мотивации к вакцинации в странах Латинской Америки

Строгость и эффективность ограничительных мер в период пандемии: подходы к количественному анализу

Доверие как фактор эффективности политической интернет-коммуникации в условиях пандемии

COVID-19 и контуры грядущего общества

Заключение

Abramov A. V., Bozoyan T. R., Dashkina I. V., Demchuk A. L., Emelianova N. N., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., Kolesnikov S. I., Knyazeva M. S., Mustafin B. E., Pashin M. M., Perus Marcos Agustin Kueva, Svechnikova M. V., Ho Dong

MOBILIZATION MECHANISMS OF STATES IN THE POLICY OF COUNTERING THE COVID-19 PANDEMIC

ABSTRACT

In the course of a round table with international participation organized by the Department of Comparative Political Science of Lomonosov Moscow State University and the electronic journal "Bulletin of Moscow State Regional University", a discussion was held on the mobilization mechanisms of states (Russia, China, India, Canada, Great Britain, Kazakhstan, etc.) in countering the COVID-19 pandemic. The main topics of discussion include the following: state mobilization mechanisms in the situation of the first and subsequent waves of the COVID-19 pandemic, interaction between citizens and authorities, the perception of the population of anti-epidemic measures of governments, changes occurring under the influence of the pandemic in the social, economic, political spheres of society, in the areas of digitalization and education, forecasting the progress of the fight against the pandemic. The experts at the round table were political scientists of the Lomonosov Moscow State University, National Autonomous University of Mexico (Mexico City, Mexico), Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan), universities of the People's Republic of China.

KEYWORDS

COVID-19 pandemic, state mobilization mechanisms, India, China, Latin America, Canada, Kazakhstan, ASEAN

ACKNOWLEDGMENTS

The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31210 "Mobilization mechanisms of modern states in the face of epidemiological threats (comparative analysis of the experience of countering the COVID-19 pandemic)".

This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Демчук А. Л.,

*доктор политических наук, заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета
политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: arthur@leadnet.ru*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тема пандемии COVID-19 – самая обсуждаемая в обществе и в научных кругах в течение уже почти двух лет. И политологи не остаются в стороне от ведущихся дискуссий: проводятся исследования, издаются статьи и книги.

Как и в любые «трудные времена» человеческой истории, перед лицом войн, природных катастроф, эпидемий и других угроз люди ждут от государства помощи и поддержки, мобилизации ресурсов для защиты населения своей страны. Для этого граждане платят налоги, рассчитывая на государство во время опасности, оценивают его решения и действия (также и от отдельных политиков) по тому, насколько эффективно «парируются», быстро устраняются сами угрозы и нанесённый ими ущерб. Сегодня граждане оценивают способность государства мобилизовать ресурсы для предотвращения распространения коронавируса, снижения рисков заболеваемости, повышения эффективности лечения, смягчения экономических и социальных последствий пандемии.

Кафедра сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова совместно со специалистами других кафедр проводит изучение мобилизационных механизмов государств в политике противодействия пандемии COVID-19. Цель данного «круглого стола» – сравнить применяемые разными странами механизмы и методы мобилизации ресурсов и реализации мер противодействия пандемии, выявить «лучшие практики», изучение которых способно помочь оптимизировать государственную политику противодействия эпидемиологическим угрозам в будущем. Мы рассмотрим вопросы, касающиеся мобилизации государством ресурсов для борьбы с пандемией COVID-19 в России, Индии, Казахстане, Канаде, странах Восточной Азии, Европейского Союза и Латинской Америки.

Колесников С. И.,

*доктор медицинских наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: sikolesnikov2012@gmail.com*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ LONG COVID?

Вначале определимся с понятиями, вынесенными в заголовок. Социальная политика представляет собой систему мероприятий, направленных, как правило, на улучшение качества жизни больших социальных групп, проводимых органами власти и финансируемых из средств бюджета или других общественных источников. К её основным направлениям принято относить в том числе и регулирование здравоохранения.

Постковидный синдром (Long Covid), по мнению Всемирной организации здравоохранения, – это длительные последствия подтверждённого COVID-19: депрессия и усталость, одышка, нарушение когнитивных функций, которые негативно влияют на повседневную деятельность. Симптомы могут меняться и рецидивировать с течением времени¹.

Есть ли эти симптомы в постковидной социальной политике (т. е. в жизни)?

За обоснование возможности экономического анализа так называемых экспериментов в естественных условиях в 2021 г. была присуждена Нобелевская премия по экономике². А COVID-19 – это своеобразный эксперимент в естественных условиях, хотя, конечно, анализ влияния пандемии представляет собой весьма сложную проблему в силу значительного количества коррелирующих факторов.

Если с учётом такого понимания причинно-следственных связей в жизни общества обратиться к анализу ситуации в России, мы находимся на пике очередного повышения заболеваемости. На 28 октября 2021 г. в мировой статистике Россия, к сожалению, как по зарегистрированным случаям заражения, так и по общему числу умерших занимает 5 место в мире. Смертность вообще зашкаливает – 2,8 на 100 случаев заражения (в мире – 2,02). В России очень низкий процент вакцинированных – 93 место среди 198 стран. Важно учитывать кумулятивный эффект: общее количество умерших на 100 тыс. человек. Россия находится по этому показателю в красной зоне (300+). Правда,

¹ A clinical case definition of post COVID-19 condition by a Delphi consensus, 6 October 2021 // World Health Organization : [сайт]. URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO-2019-nCoV-Post_COVID-19_condition-Clinical_case_definition-2021.1 (дата обращения: 27.09.2021).

² Press release: The Prize in Economic Sciences 2021 // The Nobel Prize : [сайт]. [11.10.2021]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2021/press-release> (дата обращения: 17.10.2021).

и в других странах, в том числе ведущих, отмечается подъём и заболеваемости, и смертности на протяжении последних двух-трёх месяцев.

Под медицинским наблюдением находятся более 1 млн человек. По всей стране развёрнуто 300 тыс. ковидных коек. Есть регионы, где резерв коек исчерпан и под больницы перепрофилируют самые разнообразные помещения. Естественные потери населения в России в 2020–2021 гг. выросли на 30% по сравнению с 2019 г.: за 2020 г. составили 500 тыс. чел., а в 2021 г. – уже более 600 тыс. И когда «Bloomberg» анализирует эффективность политики государств в этой сфере, Россия и США занимают последние места. В то же время есть страны, которые весьма успешно справляются с вызовами пандемии. Это, например, Новая Зеландия, Австралия и Сингапур. И, конечно, Китай.

Сколько потерь принёс и ещё принесёт COVID-19, будем считать позднее, но, к сожалению, очевидно, что большие потери приносит уже сама борьба с пандемией. Из-за введённых ограничений многие больные с хроническими болезнями остались без необходимой медпомощи – от 20 до 80% планируемых операций отложено. Любая отсрочка может стать смертным приговором. Более 100 млн детей по всему миру не получили плановых прививок. Отмечается рост самоубийств и психических заболеваний. Минимум на 40% снизилось оказание медпомощи плановым больным, и резко осложнилась помощь неотложным. И Россия здесь не исключение. А это уже большие, пока не просчитанные потери, которые могут иметь достаточно долговременные последствия. Кроме того, остановилась реализация национальных проектов в России, в т. ч. реорганизация системы первичной медпомощи.

С учётом этого, если вновь вернуться к определению постковидного синдрома, важно подчеркнуть, что COVID-19 – это не только поражение лёгких. Это поражение практически всех органов, потому что кровеносные сосуды стали основной точкой удара. Коронавирус «бьёт» по всему организму, но прицельно – по больному органу человека.

Это также проблема роста смертности среди пожилых людей в условиях кризиса: падение ВВП на 10% приводит к росту смертности среди пожилых людей на 3%. Об этом говорят статистика и прогнозы федерального бюджета среднегодового числа получателей страховых пенсий до 2024 г. (снижение с 39,82 млн до 37,79 млн). «Потеря» около 2 млн. пенсионеров – это последствия и пандемии, и кризиса, и только в малой степени – повышения пенсионного возраста.

Происходит серьёзная психологическая травматизация во всех странах мира. Рост депрессии и тревожных расстройств отмечают исследователи России и США. Происходит взлёт игромании, компьютерного мошенничества, всплеск порнографии, что будет также долговременным социальным Long Covid.

Растёт глобальный кризис доверия к социальным институтам. Многие не получили ожидаемой помощи, особенно беднейшие слои населения. В России уровень доверия к социальным институтам составляет 30%; за недоверием к социальным институтам стоит недоверие к государству в целом, в том числе и к правящим элитам.

Одновременно с этим начали разрушаться мировая кооперация и разделение труда. На повестке дня формирование «Нового мирового беспорядка (The new world disorder)», о котором говорит и Давосский форум. Так называемый «Индекс нормальности», который рассчитывается в США, показывает, что в период пандемии всё-таки наиболее выигрышно выглядит Китай. А наименее – Индия и Британия (август 2021 г.).

Если же говорить о динамике ВВП, показатели большинства стран обвалились. Растёт неравенство в доходах. Пандемия только усугубила ситуацию – ещё один постковидный симптом.

На этом фоне в 2020 г. вновь отмечается естественная убыль населения России. Вновь появился зловещий «Русский крест» 1990 гг. на фоне резкого падения продолжительности жизни: почти на 2 года – это самый высокий уровень в Европе (с 73 с лишним лет до 71 года). Таким образом, отставание от «новых-8» стран ЕС выросло до 5 лет, а со «старыми» государствами ЕС – до 10 лет. И вновь это продлится не один год.

Всё это происходит в условиях усугубляющегося кризиса системы здравоохранения. Значительные суммы, которые выделяются в настоящее время в России, идут исключительно либо на борьбу с пандемией, либо на «латание дыр», которые накопились за прошедшие годы. Во многих регионах борьба с пандемией держится, по сути, на энтузиазме медиков. Отсюда и высокая смертность медицинских работников, они работают на «износ». В силу этого те надежды, которые порой выказывают даже в научных кругах, что после COVID-19 система здравоохранения станет сильнее, у нас представляются маловероятными, если не вкладывать в инфраструктуру и кадры, – вновь социальный Long Covid. И он будет долговременным, поскольку бюджет на здравоохранение в реальном выражении не растёт, а падает³.

Это неизбежно приведёт к тому, что доступность медпомощи населению будет сокращаться, смертность населения РФ продолжит расти, ожидаемая продолжительность жизни до 78 лет к 2030 г. не будет достигнута и провозглашённые Президентом России нацпроекты не будут реализованы.

Непринятие необходимых мер чревато нарастанием социального недовольства, обычно измеряемого выполнением условий «квадрата социального качества», включающего социально-экономическую защищённость, социальную включённость, социальную сплочённость и социальные полно-

³ См.: Законопроект № 1258295-7 «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258295-7> (дата обращения: 17.10.2021).

мочия. И диспропорции будут нарастать, поскольку дополнительно накладываются такие особенности пандемии, как:

- здоровье и угроза ему – одни из основных методов управления сознанием общества и его поведением;
- «вирусное» распространение информации и облегчение управления общественным сознанием через панические настроения и фейки;
- усиление авторитарных методов управления, контроль и «атомизация» общества;
- снижение уровня жизни, социальной и медицинской защищённости. Рост стоимости лекарств и медицинских изделий.

Психологи подтверждают, что в период пандемии и кризиса радикализация общества становится неизбежной. Это происходит, как показывает практика, в самых разных странах.

По тактическому реагированию страны можно условно разделить на 4 группы:

1. Беднейшие страны просто не реагировали на вызовы COVID-19. Они не имеют ресурсов и рассчитывают на внешнюю поддержку. Заболеваемость, по известным данным, невысокая (страны Африки) по одной простой причине: низкое состояние санитарии поддерживает иммунитет населения.

2. Страны с жёсткой дисциплиной использовали преимущественно полицейские ограничительные меры (КНР, Сингапур, Япония, Вьетнам, Куба и др.). Заболеваемость и смертность в них низкие.

3. Развитые страны – это карантинизация, развёрнутые меры социальной поддержки (до 30% от ВВП), направленные на поддержание платёжеспособного спроса и бизнеса, инвестирование в здравоохранение и разработку вакцин и лекарств. В них заболеваемость высокая, смертность умеренная.

4. Страны с «ручным» (Россия) или политизированным (США, Бразилия) управлением – это разные уровни социальной поддержки, введение слабо контролируемых мер социального дистанцирования, региональная карантинизация, спонтанность и запаздывание принятия решений, слабая ориентация на мнение авторитетных учёных и др. Заболеваемость и смертность высокие.

В целом, анализируя социальную политику и меры поддержки здравоохранения в России и развитых странах в период пандемии COVID-19, можно выделить как сходства – карантинизацию, тестирование, разработку вакцин и технологий лечения, – так и различия. К последним относятся:

- отсутствие единого центра управления и делегирования полномочий региональным властям. Противоречия в заявлениях официальных лиц и экспертов. Отсутствие достоверных статистических данных, что приводит к неверным управленческим решениям;
- отсутствие анализа эффективности проводимых мероприятий и организационных выводов из этого. Либеральная тактика исполнения предписаний;

- хаотичность предоставления материальной и иной помощи, что снижает эффективность проводимых мероприятий;
- ошибочное представление, что система здравоохранения справится с «ковидным цунами» без увеличения финансирования. Отсутствие резерва коек, оборудования, персонала, лекарств и др. (как известно, в советский период всегда создавался т.н. «неприкосновенный запас»);
- незначительное выделение бюджетных ресурсов для обеспечения противоэпидемических мероприятий, разработки вакцин и лекарств. Так, только создание двух вакцин финансировалось из государственного бюджета. В целом расходы по данному направлению составили всего 10% от расходов в западных странах;
- хаотичность мер по поддержке медицинского сектора науки;
- провальная политика СМК и властей в отношении вакцинации.

И, наконец, ещё раз возвращаясь к явлению постковидного синдрома (Long Covid) с целью его сравнительного анализа с социально-политическим постковидным синдромом (Socio-political Long Covid; СППКС). Как и медицинский, СППКС характерен для стран с серьёзным ущербом от COVID-19, продолжается в течение неопределённого времени. Для СППКС характерны долговременное падение жизненного уровня, инфляция, рост безработицы и цен на энергоносители, социальная депрессия и социальные протесты, нарушения аналитических и когнитивных функций у руководителей, рост авторитаризма и социального дистанцирования, национальный изоляционизм, провоцирование международных конфликтов и др.

Для характеристики такого положения (если оно будет продолжаться) мы с моим американским другом и коллегой А. М. Шнайдером предложили ввести термин «социально-политический апоптоз». В науке апоптоз, или запрограммированная смерть клетки, представляет собой процесс, посредством которого внутренние или внешние факторы, активируя генетическую программу, приводят к гибели клетки и её удалению из ткани. Соответственно, социально-политический апоптоз, или запрограммированная смерть общества (государства), представляет собой процесс, посредством которого внутренние или внешние факторы, активируя предзаложенную, имманентно присутствующую программу, приводят к гибели сообщества (государства) и его эффективному удалению из мирового сообщества.

Причём смерти как клетки, так и государства (либо его части) могут быть как заторможены, так и ускорены адекватными или неадекватными действиями (бездействием), основанными на правильном или ошибочном диагнозе ситуации.

Завершая анализ, можно вспомнить известное суждение М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления». В нашем случае изумляет то, что действенные выводы из пандемии пока не сделаны, для этого необходимо серьёзное обсуждение

проблем с экспертами. М. Е. Салтыков-Щедрин как мудрый администратор был убеждён, что при открытом обсуждении не только ошибки, но самые не-
лестности легко устраняются.

Демчук А. Л.,

*доктор политических наук, заведующий кафедрой сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: arthur@leadnet.ru*

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: КАНАДСКИЙ ОПЫТ

В контексте сравнительного анализа мобилизационных механизмов современных государств в период пандемии COVID-19 интересным представляется изучение опыта Канады.

В условиях разделения компетенций между федеральным и провинциальным (территориальным) уровнями власти здравоохранение в Канаде в значительной степени входит в компетенцию региональных правительств, и большинство ограничений в период пандемии были введены на региональном уровне. Федеральное правительство сосредоточило внимание на входящих в его компетенцию вопросах (ограничение поездок, финансирование здравоохранения, меры поддержки экономики, социальная поддержка населения, закупка вакцин), поэтому основное бремя финансовых расходов легло на федеральное правительство.

Пандемия COVID-19 нанесла серьёзный ущерб экономике страны ввиду локдауна и вынужденной реорганизации ряда видов экономической деятельности.

В рамках разработанного правительством Канадского Плана экономического реагирования на COVID-19 (Canada's COVID-19 Economic Response Plan) федеральное правительство страны приняло масштабные меры по сглаживанию и преодолению последствий пандемии. План сосредоточен на мерах поддержки системы здравоохранения, граждан (физических лиц) и бизнеса, оказывая помощь в первую очередь тем, кто нуждался в ней в большей степени.

В первые месяцы пандемии правительство Канады выделило сотни миллиардов канадских долларов на меры прямой адресной финансовой поддержки физических лиц и бизнеса, укрепление системы здравоохранения.

Среди основных мер – введение чрезвычайной субсидии на заработную плату (CEWS), специального единовременного пособия на ребёнка (CCB), пособия в условиях чрезвычайной ситуации (CERB), чрезвычайного пособия

для студентов (CESB), программы экстренного субсидирования заработной платы (CEWS), бридж-финансирования предприятий, программы доступности кредитов для бизнеса (BCAP), чрезвычайной помощи в области коммерческой аренды (CECRA). Были также предусмотрены меры поддержки пожилых людей, общин коренных народов, наиболее уязвимых категорий населения (бездомных, малообеспеченных, людей с ограниченными возможностями), наиболее пострадавших от пандемии регионов и отраслей экономики (энергетика, рыбное хозяйство и др.). На меры прямой государственной поддержки пришлось более 10% ВВП Канады (в среднем по странам G7 – 6,7%).

Предпринимаемые канадским государством меры противодействия пандемии коронавируса получили поддержку населения страны. Вместе с тем ряд неэффективных стратегий локдауна, изоляции, сомнения по поводу вакцин, а также нескоординированность в реализации программ вакцинации способствовали некоторому снижению доверия канадцев государственным институтам.

Канадский опыт позволяет сделать выводы о важности сбора и анализа достоверных данных, выявления краткосрочных и долгосрочных трендов, прогнозирования возможных сценариев развития ситуации, оценки рисков и последствий предпринимаемых государством мер для принятия оптимальных управленческих решений с учётом требований системного подхода, взаимного влияния множества факторов, необходимости координации действий различных органов государственной власти и управления. Важно с самого начала выделить приоритеты государственной политики, наладить «обратную связь» с обществом, способствующую доверию к принимаемым мерам и эффективной их реализации.

Князева М. С.,

*аспирантка кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: 227925@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ «BREXIT»

31 января 2020 г. зарегистрирован первый случай заражения коронавирусной инфекцией на территории г. Йорка. 30 января 4 руководителя медицинской службы Соединённого Королевства (Chief Medical Officers) объявили, что в стране повышен уровень риска с «низкого» до «умеренного», а 10 февраля министр здравоохранения М. Хэнкок заявил о «введении особого положения в стране в сфере здравоохранения». В Великобритании с этого времени началась информационная кампания в области охраны обществен-

ного здоровья – была заявлена цель: дать людям максимально полезные советы, как снизить риск распространения вируса и уберечь себя.

Однако де-факто в тот период мер по борьбе с COVID-19 не предпринималось.

С 9 по 16 февраля 2020 г. все занятия, встречи и традиционные мероприятия проходили в штатном режиме. Более того, пабы (символ системы коммуникации британцев) работали без ограничений; учитывая достаточно компактный формат любого из заведений, нужно понимать, что ни о каком соблюдении социальной дистанции речи не шло. Все контакты проходили в условиях большой скученности. Безусловно, такая выжидательная позиция британского Правительства вызывала серьёзную обеспокоенность.

11 марта ВОЗ объявила о вспышке COVID-19, и только с этого периода начали закрываться английские школы, местные авиакомпании стали отменять рейсы. Из-за несвоевременно принимающихся мер у британцев началась потребительская паника. К этому моменту число подтверждённых случаев заболевания возросло до 1140, а общее число умерших увеличилось до 21.

Локдаун был объявлен в Великобритании лишь 24 марта. Накануне пришли неутешительные цифры, которые показали необходимость введения срочных бескомпромиссных мер: 6650 случаев заражения и 335 летальных исходов – смертность от COVID в Великобритании оказалась выше, чем в Италии, локдауны вводились чаще, чем в России:

- 1) с 25 марта 2020 г. по середину июня 2020 г. – тотальный локдаун;
- 2) с 5 ноября 2020 г. по 2 декабря 2020 г. – в этот период был обнаружен «британский» штамм, который оказался на 70% более заразным;
- 3) с 23 декабря 2020 г. по 12 апреля 2021 г. – с постепенным выходом из карантина регионов с учётом количества заболевших в Соединённом Королевстве.

Локдауны стали одной из главных особенностей в борьбе с пандемией COVID-19 в Великобритании. Этот фактор в дальнейшем повлиял и на прививочную кампанию. Правительство ясно дало понять британцам, что если они не будут вакцинироваться, то в их отношении будет применена тактика «структурного насилия». Как итог: в Британии привито 75,1% населения. Несмотря на демократическо-либеральный уклон в политике, власти острова уже прививают школьников от COVID-19 без разрешения родителей.

Замедленная реакция британских властей на создавшуюся угрозу здоровью граждан была вызвана выполнением полного перечня процедур по выходу Великобритании из состава ЕС (правительство Соединённого Королевства не было готово действовать автономно и самостоятельно; Британия, напомним, входила в ЕС с 1973 г.). “Brexit” сильно повлиял на качество жизни англичан, пандемия и выход из ЕС фактически совпали и создали напряжённую ситуацию в самых разных областях: сбой в системе доставки продуктов, нехватка топлива, отсутствие возможности передвижения по континенталь-

ной Европе (Евросоюз только в конце октября 2021 г. признал сертификаты Великобритании о вакцинации от COVID-19).

Для англичан шаг «отсоединения» от континентальной Европы был последовательным в контексте их исторического наследия. В конце XIX в. курс внешней политики Великобритании обозначался как «блестящая изоляция» (отказ от длительных международных союзов). Но кто же предполагал такое наслоение «одного на другое»? Что в итоге изоляция Великобритании (политическая и номинальная) в XXI в. окажется столь «плачевной и безжизненной»?

Капицын В. М.,

*доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: kapizin@yandex.ru*

УСПЕХ НА ПЕРВОЙ ВОЛНЕ: УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ КНР В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

В КНР на 13 ноября 2021 г. уровень смертности от COVID-19 был 0,4 на 100 тыс. (5 697 смертей). Заболеваний в Китае – 127 199: по уровню заболеваемости (9,2 на 100 000) уступает только Палау, Кирибати, Самоа. Успешно проведена вакцинация (77,94% населения⁴).

Как удалось в КНР добиться такого результата? Ответ на вопрос необходимо искать в анализе действий властей на первой волне пандемии, начало которой определено с 1 февраля 2020 г. Хотя, на наш взгляд, в КНР эту волну правильнее определять с 1 января, поскольку уже в это время появились больные, и было много сделано для успеха борьбы с COVID-19. Распространению COVID-19 способствовали массовые поездки для празднования китайского Нового года. Пик заболеваний пришёлся на 13 февраля (15136). Всего на 20 февраля 2020 г. в Национальной системе медицинской отчётности было зарегистрировано 75465 заболеваний. Смертность от COVID-19 на 20.02.2020 составила в среднем 3,8% от числа инфицированных: от 5,8% в Ухане до 0,7% в других провинциях.

Вначале не удалось избежать случаев паники, чему способствовали растерянность властей на местах, а также ажиотаж СМИ. Тем не менее ситуация была взята под контроль правительством и руководством КПК [6]. 2 января 2020 г. завершилась официальная расшифровка генома COVID-19. Сразу после этого ЦК КПК и правительство создали Центральную руководящую группу для противодействия эпидемии, обеспечения профилактики и контроля над процессом (ЦРГ). ЦРГ взаимодействовала со всеми госструктурами в центре и на местах, с НОАК, органами правопорядка и безопасности, медучреждениями.

⁴ Коронавирус: статистика // Яндекс : [сайт]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat#vaccinations> (дата обращения: 16.11.2021).

В Белой книге (май 2020 г.) был поэтапно обобщён опыт действий на «первой волне», названной «народной войной».

I этап (27.12.2019 – 19.01.2020). COVID-19 немедленно включён законом в группу инфекционных болезней класса Б. К 10 января 2020 г. разработаны протоколы наблюдения, эпидемиологического расследования, лечения и лабораторного тестирования. Обеспечено производство диагностических комплектов, развёрнуто массовое тестирование.

II этап (20.01.2020 – 20.02.2020). 23 января 2020 г. осуществлён переход к полному закрытию г. Ухань. 24 января 2020 г. Хубэй и другие 13 материковых провинций, а также Тибет 29 января 2020 г. ввели 1-й уровень реагирования в условиях ЧС, что дало полномочия получать ресурсы, координировать лечение, проводить расследования в зоне эпидемии, объявлять зоны эпидемиологического контроля, публиковать информацию и отчёты, закрыть границы провинции Хубэй и многие города страны с помощью НОАК и других служб [9].

III этап (21.02.2020 – 17.03.2020). 07 марта 2020 г. Министерство здравоохранения определило новый Протокол профилактики и борьбы с COVID-19. Совместная международная миссия по борьбе с COVID-19 отметила, что в КНР поведена «крупнейшая в мире кратковременная эпидемиологическая операция».

IV этап (18.03.2020 – 28.04.2020). В провинции Хубэй зафиксирована «нулевая» заболеваемость. В течение 7 дней на остальной территории не фиксировались случаи заболевания. 25 марта 2020 г. в провинции Хубэй сняты ограничения передвижений, за исключением г. Ухань.

V этап (с 29.04.2020 г.). В Белой книге отмечено, что КНР перешла из состояния «народной войны» в режим «профилактики и контроля»⁵.

Успех в борьбе с COVID-19 также обусловлен введённым ранее сетевым управлением в районах городов (комитеты жителей – *ju wei hui*). Ими руководили назначенные чиновники. Комитеты жителей оказывали социальные услуги, фиксировали запросы жителей, посредничали в спорах. В Ухане было около 10 000 таких сетей мониторинга и контроля. Низовые чиновники («сетевые контролёры») отвечали примерно за 1 тыс. жителей, обеспечивая в условиях карантина доставку еды и лекарств. Один из них – Т. Дин, член КПК, последние 5 лет работающий «сетевым контролёром» в районе Цзянань (всего в Ухане 12 тыс. таких работников) говорил: «В течение последних 50 дней ... я заканчивал свою работу в полночь с опухшими ногами и тремя полностью разряженными батареями питания мобильных телефонов»⁶.

⁵ Fighting COVID-19: China in Action // Xinhua.net : [сайт]. URL: http://xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (дата обращения: 16.10.2021).

⁶ Zheng W. Grass-roots officials take lead role on the front line of Wuhan's grid-by-grid battle against coronavirus [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202006/07/content_WS5edc559ac6d066592a449030.html (дата обращения: 13.11.2021).

Как удалось пролонгировать эффективность после первой волны? КПК и Госсовет взвешенно решали задачу информирования, чтобы избежать паники. Пресса нагнетала напряжение. Корреспондент из США прочил неудачу китайскому руководству в интернете, заявляя, что руководство КНР столкнётся со сценарием, подобным чернобыльскому. 21 января 2020 г. руководство КНР предостерегло чиновников от искажения картины заражений. Верховный суд КНР 28 января 2020 г. отметил, что непрозрачность публичной информации способствует появлению фальшивых новостей. Необходимо отметить, что Совместная международная миссия по борьбе с COVID-19 дала высокую оценку работе властей и медиков КНР⁷.

В борьбе с COVID-19 проявился патриотизм, соединённый с вигитализмом (цифровой бдительностью, выражаемой в негативной реакции в сетях на нарушения кем-то ограничений). Всё это подкреплялось сетевым управлением. Горожане положительно воспринимали отслеживание с помощью мобильных приложений контактов жителей с инфицированными лицами. Такого вигитализма, помноженного на патриотизм, проявленного с помощью сетевого территориального самоуправления и активного участия людей, не хватало России, Индии, Германии, Вьетнаму и другим странам, которые относительно удачно преодолели первую волну COVID-19, но затем растеряли свои достижения.

Хо Дун,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: hd0504@mail.ru*

ПРЕИМУЩЕСТВА КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ И КОНТРОЛЕ COVID-19

В борьбе с основными инфекционными заболеваниями меры, принимаемые странами по всему миру, и отношение людей к борьбе с эпидемией окажут самое непосредственное влияние на эпидемическую ситуацию. COVID-19 чрезвычайно заразен и имеет длительный инкубационный период, что затруднило противодействие пандемии, нанесло вред жизни, здоровью людей и нормальному порядку общественной жизни. Пандемия COVID-19 началась в Ухане, провинции Хубэй. На ранних стадиях профилактика и борьба с эпидемией столкнулись с невообразимыми трудностями. Однако под руководством Си Цзиньпина эпидемия была взята под эффективный контроль по всей стране менее чем за два месяца. Опыт Китая может стать основой

⁷ Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). 16–24 February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (дата обращения: 14.10.2021).

глобальной модели профилактики и борьбы с COVID-19. В процессе борьбы с COVID-19 китайская система сыграла основополагающую роль, в значительной степени продемонстрировала свои преимущества и эффективность, укрепила уверенность нашего народа в китайской системе.

Приверженность руководству КПК является существенной чертой социалистической системы с китайской спецификой. Партия как движущая сила во всех начинаниях подчиняется требованиям демократического централизма. Единство руководства КПК – основная гарантия победы в войне против COVID-19. Чтобы как можно скорее взять под контроль COVID-19 и выиграть битву за предотвращение, контроль и сдерживание пандемии, ЦК КПК издал «Уведомление об укреплении руководства партии и предоставлении сильных политических гарантий для победы в битве за предотвращение, контроль и сдерживание эпидемии». Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин председательствовал на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и создал Центральную руководящую группу (ЦРГ) для борьбы с эпидемией. Он лично отправился в Хубэй, чтобы выслушать отчёт о работе ЦРГ.

ЦРГ активно проводила работу и координировала правительства на всех уровнях, что сыграло важную роль в сдерживании распространения COVID-19 и стабилизации политической и экономической ситуаций. Исходя из тяжести пандемии COVID-19 и её высокой степени заражения, ЦК КПК оценивает ситуацию, стимулирует научные исследования, уделяет внимание профилактике и контролю, проводит чёткую противоэпидемическую политику. В соответствии с законом пандемия COVID-19 включена в группу инфекционных заболеваний категории Б. Для управления ею осуществляются меры первого уровня реагирования (класс А), включая принципы и требования по привлечению экспертов, ресурсов и лечению в зависимости от состояния больных. В Ухане и других городах провинции Хубэй были выработаны и реализованы основные принципы борьбы с COVID-19. В Хубэе, как и в других провинциях, руководство было укреплено новыми кадрами, развёрнуто единое командование профилактикой и борьбой с пандемией.

Социалистическая система с китайской спецификой – заслуга КПК и китайского народа. Это – национальная система, гарантирующая, что и КПК, и правительство, и народ несут ответственность; ответственность руководства от высшего до низшего уровней, участие граждан являются неотъемлемой чертой социалистической демократической политики. Такая линия ЦК КПК поддерживается массами. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что «демократия должна использоваться для решения проблем, которые хочет решить народ»⁸. Эта ориентированная на людей философия управления обеспечивает прочную ценностную основу для борьбы с COVID-19.

⁸ Рабочая конференция Центрального собрания народных представителей 2021 г. // Китайское информационное агентство Синьхуа : [сайт]. URL: <https://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 14.10.2021).

Вспышка COVID-19 в Ухане, провинции Хубэй, совпала с периодом «Весеннего фестиваля», а также была пиковым сезоном для туризма, активного взаимодействия и общения людей в различных местах. Принятие строгих мер по профилактике эпидемии, «закрытие городов» негативно влияли на туризм и тормозили местное экономическое развитие. Тем не менее, чтобы эффективно предотвратить распространение COVID-19 и обеспечить безопасность жизни и здоровья людей, ЦК КПК решительно принял самые строгие меры по профилактике и борьбе с эпидемией. В национальном экономическом развитии была нажата «кнопка паузы», когда пандемия была наиболее опасна; различные местные органы власти приняли решение отложить открытие школ и возобновление работы предприятий. Закрытие крупных торговых центров и заводов обеспечило время для борьбы с COVID-19.

Процесс борьбы Китая с COVID-19 в полной мере продемонстрировал миру преимущества китайской системы. Централизованное и единое руководство КПК, ориентированное на безопасность людей, опирается на соответствующую философию управления. Сосредоточение усилий на проведении крупных мероприятий сочетается с повседневной целеустремлённой работой на местах, что является основополагающей предпосылкой успехов в профилактике и борьбе с COVID-19. Быстрая и сильная мобилизация ЦК КПК и правительством всех уровней управления вовлекла граждан в общенациональную борьбу с эпидемией, соединила уверенность людей в своих возможностях с институциональными преимуществами системы.

Емельянова Н. Н.,

*кандидат политических наук, старший научный сотрудник
кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: nata.emelyanova86@gmail.com*

COVID-19 В ИНДИИ: ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Усиление геостратегического значения Южной Азии в начале XXI в. определяется доминированием в регионе Индии, претендующей одновременно и на статус глобальной державы. Нью-Дели стремится усилить интеграционные процессы в субрегионе благодаря развитию таких организаций, как СААРК и БИМСТЕК. К примеру, в первую волну COVID-19 в начале 2020 г. Индия предпринимала попытки усилить интеграционный потенциал СААРК, сплотив её членов вокруг эпидемиологической повестки. Так, координация государств Южной Азии, оказавшихся в крайне сложной ситуации в условиях глобальной пандемии из-за высокой плотности населения, с марта 2020 г. по инициативе индийского премьер-министра Н. Модии начала осуществляться.

ся через специальный фонд – Чрезвычайный фонд СААРК COVID-19 (SAARC COVID-19 Emergency Fund). В деятельности Чрезвычайного фонда приняли участие 8 стран: Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Бангладеш, Непал, Бутан, Мальдивская Республика и Афганистан. Своеобразный «ковидный апокалипсис» весны – лета 2021 г. в Индии, конечно, существенным образом урезал первоначальные цели и задачи этой инициативы, реализация которой в настоящее время приостановлена.

В 2020 г. Индия с COVID-19 в целом справилась. Однако в 2021 г. страна оказалась в крайне сложной ситуации: причиной тому стал резко обострившийся весной 2021 г. рост заболеваемости из-за распространения нового штамма вируса «дельта», или индийского штамма. Плачевность сложившейся в 2021 г. ситуации наглядно демонстрирует статистика по заболевшим (совокупно и по дням) и смертности (совокупно и по дням). Если обратиться к статистике по дням, которая показывает прирост по новым заболевшим, в 2020 г. пик по заболевшим пришёлся на 16 сентября 2021 г. – 97 860 чел. Для сравнения: на пиковой волне заболеваемости в 2021 г. было зафиксировано 414 280 человек с диагнозом COVID-19, что превысило аналогичный показатель 2020 г. в 4,2 раза. По количеству умерших от коронавирусной инфекции в день пиковые значения 2021 г. (09.06.2020 – 6 139 чел.) превысили пиковые значения 2020 г. (30.09.2020 – 1 179 чел.) в 5,2 раза⁹. Скорее всего, количество инфицированных и смертей на самом деле превышало официальные данные статистики.

Некорректно утверждать, что государственные структуры Индии оказались совершенно не готовы к распространению коронавирусной инфекции. В Индии довольно быстро стала разрабатываться нормативно-правовая база, регламентирующая ограничения по COVID-19. Основным источником регулирования стало Министерство внутренних дел Индии. К ключевым нормативно-правовым актам по ограничительным мерам относятся: Меморандум от МВД Индии № I-28011/02/2020/SSO-I от 18.03.2020 (первые ограничения); приказ МВД Индии № 40-3/2020-D от 24.03.2020 (первые массовые ограничения); дополнительные постановления МВД Индии от 14.04.2020 по ограничениям и продлению локдауна; приказ МВД Индии № 40-3/2020-DM-I(A) от 30.05.2020; дополнения от 30.06.2020, 30.09.2020, 27.10.2020, 29.04.2021, 28.08.2021 и др.

В целом меры Правительства Индии по противодействию новой коронавирусной инфекции, как и в других государствах, можно разделить на ограничительные, штрафные и меры государственной поддержки.

Самый первый заражённый прибыл в Индию из Уханя 30 января 2020 г. (это был индийский студент). На 55 день после прибытия первого носите-

⁹ Coronavirus Outbreak in India [Электронный ресурс]. URL: <https://www.covid19india.org/> (дата обращения: 17.10.2021).

ля COVID-19 был, соответственно, введён локдаун (25.03.2020 – 14.04.2020) по всем субъектам Индии. Правительство Индии среагировало достаточно оперативно. Ключевым фактором, позволившим Индии достаточно успешно выдержать первый локдаун, стали суровость и беспрецедентность вводимых мер: полностью закрывались отдельные регионы и города. Для Индии тотальный локдаун 2020 г. в условиях высокой плотности населения (примерно 419 чел. на кв. км.), наличия многочисленных трущоб, в которых вообще отсутствует какое-либо понимание о санитарных мерах, стал единственно верным решением. Во время тяжелейшего обострения ситуации с заболеваемостью COVID-19 в 2021 г. Правительство Индии переложило принятие решений о целесообразности введения локдауна и комендантского часа на уровень штатов. Федеральный центр достаточно силён в Индии и в системе государственного управления страны выступает выраженным организующим началом. Поэтому перекалывание ответственности на уровень штатов существенным образом дезорганизовало координацию по противодействию COVID-19.

Собственно, и штрафные санкции также определялись на уровне штатов и достаточно сильно варьировались. К примеру, сумма штрафа за отсутствие масок в разных штатах Индии колеблется от 200 до 1000 рупий (при средней заработной плате по стране – 32 800 рупий).

Меры государственной поддержки в условиях распространения коронавирусной инфекции разрабатываются Министерством финансов Индии. К основным программам относятся:

1) специальная программа поддержки Pradhan Mantri Gareeb Kalyan Yojana (PMGKBY) для решения экономических проблем. В пакет мер программы вошли: организация бесплатного питания для «бедных слоев населения»; поддержка фермеров и работников сельского сектора;

2) специальная программа Artmanirbhar package для целевой поддержки населения и бизнеса. Меры финансовой поддержки позволили сгладить ситуацию «ковидного апокалипсиса» в Индии. В частности, соцопросы показывают достаточно высокий уровень поддержки населением федерального правительства и лично премьер-министра Н. Модии. Самый массовый опрос «Настроение нации – 2021» показал, что индийцы отвечают на вопрос «Как бы Вы оценили то, как Премьер-министр Модии справился с пандемией COVID-19?» следующим образом: отлично – 23%, хорошо – 50%, средне – 18%¹⁰.

Правительство разработало подробную коммуникационную стратегию для решения проблем, связанных с нерешительностью в отношении вакцинации и дезинформацией о побочных эффектах. Были выделены: осо-

¹⁰ Результаты опроса «Настроение нации-2021» // India Today : [сайт]. URL: <https://www.indiatoday.in/mood-of-the-nation-survey-2021> (дата обращения: 17.10.2021).

бые целевые районы для просветительских акций; районы, в которых население традиционно негативно настроено против любого вида вакцинации. Отдельной частью стратегии стала информационная кампания «Дождись своей очереди», направленная на работу с возрастной группой до 50 лет, так как её стали вакцинировать на 2 этапе. В Министерстве здравоохранения Индии также была создана Национальная группа быстрого реагирования в средствах массовой информации с опытными сотрудниками СМИ для рассмотрения всей информации о вакцинации¹¹.

В целом государственные органы Индии показали работоспособность даже в условиях катастрофически складывающейся ситуации, контроль над которой не был полностью потерян. Однако в 2020 г. реакция властей по ограничительным мерам была более оперативной, чем в 2021 г. В качестве положительных практик можно выделить: организацию работы по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции в тесной связке с госкомпаниями (находкой стала практика перепрофилирования железнодорожных составов для больных коронавирусом; этот процесс полностью взяла на себя госкомпания «Индийские железные дороги»); IT-разработки Индии в области организации вакцинации (онлайн-платформа Co-Win); быстрый запуск производства вакцин в 2021 г. на мощностях индийских фармацевтических компаний.

Мустафин Б. Е.,

*докторант (PhD) кафедры политологии и политических технологий
Казахского национального университета имени аль-Фараби;
Республика Казахстан, г. Алматы, 050038, пр. аль-Фараби, 71;
e-mail: baurmustafin@gmail.com*

КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ 2020–2021 ГГ.

Первые случаи заражения COVID-19 в Казахстане официально зарегистрированы 13 марта 2020 г., а 26 марта 2020 г. умерла женщина. Руководство страны выбрало рекомендованный ВОЗ китайский вариант борьбы с эпидемией. Были приостановлено авиасообщение, полностью или частично закрыты госграницы, введён карантин для прибывающих в страну граждан (особенно КНР, Ирана, Южной Кореи, Италии). Президент Казахстана объявил на всей территории страны чрезвычайное положение с 16 марта до 15 апреля 2020 г. Режим ЧП был снят 11 мая 2020 г. Закрытие границ сильно ударило по социальному самочувствию на приграничных территориях. Пасажирское железнодорожное сообщение РК и РФ было прервано; на автомо-

¹¹ Government Frames Strategy to Build Public Confidence in Vaccines // The Economic Times : [сайт]. [01.01.2021]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/govt-frames-strategy-to-build-public-confidence-in-vaccines/articleshow/80050615.cms?from=mdr> (дата обращения: 17.10.2021).

биле или пешком разрешалось навестить только близких родственников на короткий срок.

С 19 марта введён карантин в Алматы, Нур-Султане и Шымкенте: в городах и окрестностях выставлены блокпосты полиции и Национальной гвардии, части биологической защиты вооружённых сил приступили к дезинфекции. Закрыты детские сады, школы. Студенты перешли на онлайн-обучение. Запрещены развлекательные и спортивные массовые мероприятия, приостановлена служба религиозных конфессий, включая чтение пятничной молитвы в мечетях.

Работу потеряли около 2 млн человек (почти четверть работающего населения). Большие потери понесли малый и средний бизнес (МСБ). Около 50% частных предприятий торговли были закрыты. 31 марта 2020 г. Президент РК К.-Ж. Токаев заявил о поддержке субъектов МСБ. В наиболее пострадавших секторах экономики для них на 6 месяцев были отменены начисления и уплата налогов, а также платежи с фонда оплаты труда (сфера общественного питания, некоторые сферы торговли, транспортные и консультационные услуги, IT-сектор, гостиничный бизнес, туризм). Президент РК дал поручение поддержать мелкие и средние крестьянские хозяйства (цены на дизельное топливо для сельхозпроизводителей снизились на 15%; государство выделило 390 тыс. тонн дизтоплива по льготной цене).

Обнародован антикризисный план (10 млрд долл.). Поддержку оказали международные финансовые организации и страны-партнёры. Казахстан получил около 1,6 млн. долл. по линии USAID.

Идёт вакцинирование. В Казахстане применяются несколько видов вакцин: QazVac (Казахстан); Sputnik V (РФ); CoronaVac, Hayat-Vax (Китай); Pfizer (США, Германия). Для стимулирования и поддержки медикам были назначены доплаты и надбавки – более 26 тыс. врачей получили надбавку к зарплате (в 3 группах риска уровень выплат различался (5–20 МРЗП, от 215 тыс. до 850 тыс. тенге)).

Всего зарегистрировано заболевших – 80753, летальных случаев – 5080, выздоровевших – 70490. Число людей, получивших прививку 1 компонентом, – 8 501 тыс.; число людей, получивших прививку 2 компонентом, – 7 777 тыс. чел¹².

Не обошлось без социальных волнений. В Алматинской области была разгромлена одна из сельских амбулаторий, когда жители узнали о планах переоборудования её в обсервационный центр для пациентов с подозрением на COVID-19; на Тенгизском месторождении после выявления в вахтовом посёлке человека с подтверждённым диагнозом «коронавирус» забастовали

¹² Информация о заболеваемости пневмонией с признаками коронавирусной инфекции на 27 октября 2021 года // Coronavirus2020.kz : [сайт]. [27.10.2021]. URL: https://www.coronavirus2020.kz/ru/informaciya-o-zabolevaemosti-pnevmoniey-s-priznakami-koronavirusnoy-infekcii-na-27-oktyabrya-2021-goda_a3854065 (дата обращения: 27.10.2021).

500 рабочих. Появилась новая линия напряжения в обществе – «ваксеры» и «антиваксеры». В 2021 г. казахстанский блогер привлечён к уголовной ответственности за публикации с призывом бить дезинфекторов и стрелять по вертолётам, которые, по его мнению, распыляют вирус.

Пандемия и вызванные ею кризисные явления проверили на прочность целый ряд институтов государства и общества. Казахстан благодаря запасу прочности (средства Национального фонда) и внутривнутриполитическому консенсусу смог ответить на вызов.

Бозоян Т. Р.,

*аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: bozoyantamara@gmail.com*

МЕТОДЫ БОРЬБЫ АСЕАН С COVID-19 В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В РЕГИОНЕ

С конца 2019 г. мир охватила глобальная пандемия, и, несмотря на краткосрочную стабилизацию ситуации, обстановка остаётся напряжённой. Пандемия выявила серьёзные недостатки в управлении общественным здравоохранением, поскольку ответные меры правительств разных государств на сложившиеся вызовы оказались недостаточными.

Юго-Восточной Азии сравнительно лучше удалось сдержать распространение пандемии и снизить уровень смертности. Прошлый опыт борьбы региона с различными заболеваниями позволил АСЕАН создать ряд существенных механизмов для обеспечения готовности к пандемии. Подобные меры включают создание оперативных центров АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения [7]. Встречи на высшем уровне послужили основанием для заключения соглашений о региональных медицинских и экономических мерах по борьбе с пандемией.

Из-за последствий новой волны коронавируса, начавшейся в 2021 г., страны АСЕАН остро нуждаются в поставках вакцины из стран-партнёров. С учётом возрастания роли и значимости Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике поставки вакцины в регион способствуют развитию конкуренции среди стран, желающих оказывать влияние в Юго-Восточной Азии. Китай первым оказал поддержку и начал поставки вакцины в страны АСЕАН. КНР, используя соглашение о ВРЭП, обещает значительно снизить тарифы на поставку вакцины и медицинского оборудования. В свою очередь, Вашингтон предоставил членам АСЕАН более 23 млн доз вакцины и более 158 млн долл. в виде чрезвычайной медико-санитарной и гуманитарной по-

мощи для борьбы с COVID-19¹³. При этом США активизируют своё присутствие в регионе при помощи развития Индо-Тихоокеанского партнёрства на платформе блока QUAD, а также новообразованного военного блока AUKUS. Лидеры QUAD договорились поставить более миллиарда доз вакцины против коронавируса в АСЕАН к концу 2022 г. [8]. Важно отметить, что США и КНР намеренно избегают терминов «вакцинная дипломатия», утверждая, что основная цель – обеспечить регион вакциной и минимизировать распространение коронавируса в АСЕАН. В этой связи России необходимо усиливать собственные позиции в АТР. Поставляя вакцину в страны организации, Россия улучшит взаимоотношения со странами Юго-Восточной Азии в вопросе здравоохранения и приобретёт новые пути политико-экономического сотрудничества.

Перус Маркос Агустин Куева,

доктор политических наук, научный сотрудник Института социальных исследований, профессор факультета политических и социальных наук Национального автономного университета Мексики; 04510, Мехико, Койокан, ул. Марио де ла Куева, Мексиканские Соединённые Штаты; e-mail: cuevaperus@yahoo.com.mx

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ COVID-19 В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ОТ ЛЕЧЕНИЯ К ВАКЦИНАМ

Государственная политика в отношении COVID-19 в странах Латинской Америки была различной. Интересен опыт Гаити: несмотря на неразвитую систему здравоохранения и различные трудности, в первую волну пандемии в стране было зафиксировано незначительное количество смертельных случаев (можно говорить практически об их отсутствии). Гаити импортировала полынь с Мадагаскара¹⁴ и использовала хлорохин в качестве профилактики. Гораздо более серьёзной и опасной для страны была эпидемия холеры несколько лет назад, от которой погибли тысячи гаитян. За весь период пандемии COVID-19 в стране погибли чуть более 500 человек.

В Эквадоре возникли проблемы информирования. В первые месяцы кризиса системы здравоохранения в новостных сводках фигурировала ситуация в Гуаякиле, самом экономически важном городе. В новостях показывали трупы на улицах и на порогах домов, но те же новости умалчивали о том, что произошло дальше: благодаря экстренному вмешательству бывшего мэра города Х. Небота и группы бизнесменов были ввезены в массовом по-

¹³ Королев А. С. Экспертный семинар «После Трампа: какой будет политика США в Азии?» // Аналитический меморандум ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. Москва, 2021. С. 1–9.

¹⁴ Hanti se tourne vers Madagascar et son remède naturel pour lutter contre le Covid-19 // Le portail des Outre-mer : [сайт]. URL: <https://la1ere.francetvinfo.fr/martinique/haiti-se-tourne-madagascar-remede-naturel-lutter-contre-covid-19-834498.html> (дата обращения: 15.10.2021).

рядке гидроксихлорохин и азитромицин. В течение месяца смертность снизилась почти до нуля¹⁵.

Интересна обстановка с борьбой с пандемией на «Острове свободы». Поражает, что Куба избежала смертности в домах престарелых благодаря препарату биомодулин¹⁶ и что государству удалось создать собственные вакцины: Абдала, Соберана и Мамбиса. Проблема здоровья на острове находится под постоянным контролем, хотя она резко обострилась, когда были сняты ограничения на туризм. Большая часть населения уже вакцинирована, и вакцины можно экспортировать¹⁷.

Никарагуа, которая начала использовать интерферон¹⁸, и Венесуэла, которая пользовалась хлорохином, а затем изготовила растительный препарат (Карвативир), сумели хорошо контролировать течение пандемии. Никарагуа решила статистически отделить случаи смерти от Covid-19 от случаев смерти Covid-19 с тяжёлой формой протекания. Венесуэла комбинировала использование трав с медикаментами, как это делал Китай¹⁹. Официальный протокол добавил к хлорохину применение ивермектина, азитромицина и интерферона альфа 2В.

Республика Сальвадор приняла радикальные меры по содержанию животных, а затем в кратчайшие сроки начала вакцинацию населения, помогая даже Гондурасу. В последнее время кризис находится под контролем благодаря специальной схеме лечения с использованием ивермектина, цинка, витамина D3 и витамина С. В Мексике, вопреки официальным рекомендациям, правительство приняло решение использовать ивермектин, благодаря чему в начале прошлого года удалось быстро вернуться к низким показателям смертности и ослаблению пандемии, а не критическому распространению вируса²⁰.

¹⁵ Coronavirus: excalde de Guayaquil explico el uso de hidroxyclo-roquina en Ecuador // Marcelo Longobardi : [сайт]. URL: <https://marcelolongobardi.cienradios.com/coronavirus-excalde-de-guayaquil-explico-el-uso-de-hidroxyclo-roquina-en-ecuador> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁶ Destacan logros de la Biomodulina T en el enfrentamiento a la COVID-19 en Cuba // Agencia Cubana De Noticias : [сайт]. URL: <http://www.acn.cu/salud/83888-destacan-logros-de-la-biomodulina-t-en-el-enfrentamiento-a-la-covid-19-en-cuba> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁷ Cuba inicia exportación de vacuna covid Abdala con envío a Vietnam // Excelsior : [сайт]. URL: <https://www.excelsior.com.mx/global/cuba-inicia-exportacion-de-vacuna-covid-abdala-con-envio-a-vietnam/1473544> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁸ ¿Por qué Nicaragua dejó de usar contra el Covid-19 el interferón comprado a Cuba? // Diario De Cuba : [сайт]. [07.06.2020]. URL: https://diariodecuba.com/cuba/1591481013_22890.html. (дата обращения: 13.10.2021).

¹⁹ Это не использование трав в качестве основного лечения. Следует напомнить, что в Китае растительные препараты против симптоматических форм Covid-19 использовались в Ухане.

²⁰ Médicos en CDMX suministran ivermectina y azitromicina para tratar pacientes con COVID-19 // El Financiero : [сайт]. [22.01.2021]. URL: <https://www.elfinanciero.com.mx/salud/medicos-en-cdmx-suministran-ivermectina-y-azitromicina-para-tratar-pacientes-con-covid-19> (дата обращения: 15.10.2021).

Примеры выше показывают, что до начала массовой вакцинации можно было минимизировать ущерб с помощью конкретных схем лечения. В этом смысле, учитывая вышеупомянутые результаты, становится ясно, что существуют схемы лечения, которые работают, но такие случаи замалчивались; утверждалось, что единственным решением является вакцинация. На примере Мексики мы увидели, как при борьбе с пандемией власти, ориентирующиеся на позицию США, не принимали вовремя решения использовать существующие эффективные методы лечения. Политика «примите парацетамол и возвращайтесь, когда не сможете дышать» была катастрофической для мексиканского населения с учётом того, что высокий процент смертей приходился на людей с сопутствующими хроническими заболеваниями (диабет и гипертония). В некоторых случаях существовали ограничения, обусловленные федеральной системой страны, как и в США: так было в Бразилии, когда она хотела продвигать использование хлорохина. Есть также страны, которые отказались от эффективных методов лечения незадолго до вакцинации: это случай Боливии с диоксидом хлора, который официально одобрен и по которому у нас есть несколько свидетельств (в Мексике), что это эффективное решение.

Государственная политика вакцинации не обошлась без сложностей: Гаити, например, пришлось отказаться от «щедрого пожертвования» США в виде просроченных партий вакцин²¹. В Чили, несмотря на скорость вакцинации и использование бустерных вакцин, в той мере, в какой они выбрали американские и китайские вакцины, наблюдались скачки инфекции в зависимости от разновидности вируса. Некоторые правительства допускали странности: в Мексике вопреки тому, что вакцина «Спутник V» пользовалась популярностью, власти утверждали, что «все вакцины одинаковы», хотя доказано было собственной статистикой правительства по отслеживанию побочных эффектов, что по сравнению со «Спутником V» эффективность прочих вакцин была низкой. Серьёзные побочные эффекты имелись от вакцин AstraZeneca и особенно Pfizer, и возможны долгосрочные последствия этих «генных терапий».

В настоящее время ещё слишком рано делать окончательные выводы о кризисе систем здравоохранения, вызванном пандемией COVID-19, начавшейся в начале 2020 г. Мы не уверены в ряде вещей, например, в использовании N-ацетилцистеина правительством Колумбии²². К сожалению, у нас нет достаточной информации о том, почему первоначальное лечение

²¹ Devolverá Haití 250 mil vacunas COVAX a punto de caducar // El Comentario : [сайт]. URL: <https://elcomentario.ucol.mx/devolvera-haiti-250-mil-vacunas-covax-a-punto-de-caducar> (дата обращения: 14.10.2021).

²² N-Acetilcisteína: la molécula que puede contribuir a salvar vidas // El Heraldo : [сайт]. URL: <https://www.elheraldo.co/salud/n-acetilcisteina-la-molecula-que-puede-contribuir-salvar-vidas-851723> (дата обращения: 14.10.2021).

гидроксихлорохином было прекращено в таких странах, как Панама и Коста-Рика, хотя власти этих стран изначально говорили о хороших результатах, особенно при раннем применении препарата; и мы не знаем, что в итоге произошло в Гондурасе, который изначально следовал протоколу В. Зеленко с гидроксихлорохином, азитромицином и цинком. Что мы можем установить с уверенностью, так это то, что во многих случаях следование официальным рекомендациям было равнозначно отказу населению в доступе к получению медицинской помощи, эффективность которой была доказана в разных частях мира. В Латинской Америке нередко приходится учитывать невежество населения, и проблема усугублялась тем, как основные СМИ сообщали новости. Возникают даже вопросы, не является ли боязнь официальной политики применять собственное суждение о лечении реакцией на это невежество и мнение СМИ. Мы не считаем, что вопрос о вакцине является политическим: это деловой вопрос, и он был решён именно исходя из этого. К сожалению, правилом в мире бизнеса даже в условиях пандемии стало вытеснение конкурентов независимо от качества продукта, и это объясняет, почему США заставили Бразилию в какой-то момент отказаться от покупки вакцины «Спутник V», хотя в различных медицинских кругах известно, что это лучшая из имеющихся вакцин.

Дашкина И. В.,

кандидат политических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация; e-mail: dashkina_irina@mail.ru

АНАЛИЗ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ COVID-19 В СТРАНАХ ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ

Несомненно, COVID-19 оказал влияние на весь мир в целом, коренным образом изменив не только характер коммуникации людей друг с другом, но и характер взаимодействия государств, общества и власти, затронув социально-культурные, политические и экономические стороны жизни.

Анализ первой волны проводился на примерах 12 стран: Аргентины, Боливии, Бразилии, Гватемалы, Венесуэлы, Колумбии, Кубы, Мексики, Никарагуа, Перу, Чили и Эквадора.

В число «антилидеров» входят Никарагуа, Венесуэла, Мексика и Куба. Так, в Республике Никарагуа – экономически бедном государстве, где более 90% населения проживают за чертой бедности, являющемся малопривлекательным туристическим направлением, за 1,5 года было выявлено всего 0,13% случаев заражения от общей численности населения при условии, что правительство страны не вводило никаких ограничительных мер. На втором

месте находится Республика Венесуэла, которая также не обладает туристической привлекательностью из-за своего социально-политического статуса и нестабильной политической обстановки. За весь период в стране было выявлено 1,04% заражения от общей численности населения при условии, что правительство вводило общенациональный карантин. На третьем месте по количеству заболевших находятся два государства: Мексиканские Соединённые Штаты – 2,02% (в стране не было локдауна, но с 13 марта 2020 г. все учебные заведения были переведены в дистанционный режим, а 22 марта закрылись все досуговые места отдыха с большим скоплением людей) – и Республика Куба – 2,8%, где власти последовательно вводили ограничительные меры, пытаясь свести к минимуму перемещения кубинцев. Здесь стоит обратить внимание на удельный вес государств: так, Мексика – экономически развитое государство, входящее в топ-20 экономик мира, но при этом значительное число населения проживает за чертой бедности, а, к сожалению, большая доля экономики приходится на теневой сектор (наркоторговля и др.); в свою очередь, Республика Куба переживает политические и экономические трудности.

В то же время государства-лидеры ЛКА по количеству заразившихся COVID-19 – это Колумбия – 9,1% от общего количества населения (в стране вводился общенациональный локдаун и даже были штрафы за его нарушение); Бразилия – 9,1% (в первые месяцы пандемии официальные власти игнорировали серьёзность проблемы) и Аргентина – 10,99%, где уже 19 марта 2020 г. был введён общенациональный карантин. Из списка видно, что государства также неоднородны, имеют различный политико-экономический и социальный статус в мире, а также различную туристическую привлекательность.

Можно выявить две стратегии поведения государств, но различные исходы:

1. когда правительства не вводили никаких ограничительных мер (Никарагуа) или игнорировали факт наличия проблемы в первые месяцы (показательный пример Бразилии);

2. когда правительства вводили различные ограничительные меры (локдаун, комендантский час, ограничения для образовательных учреждений, бизнеса, ограничения по передвижению и т. д.). Важно понимать, что за время пандемии регионы могли ослаблять или, наоборот, усиливать ограничительные меры в зависимости от эпидемиологической ситуации и темпов вакцинации в тот или иной период, видоизменяя стратегию.

Можно выделить большое количество факторов, которые оказывают влияние на ускорение темпов распространения пандемии: урбанизацию, крупномасштабную миграцию, рост интенсивности международных путешествий и объёмов глобальной торговли, освоение людьми новых природных территорий. Исторически все эти тренды современного мира как нельзя луч-

ше подходят для возникновения эпидемий различного масштаба, которые затрагивали население как нескольких стран, так и целых континентов [3]. Для ряда стран Латинской Америки также характерны такие факторы, как наркотрафик и разрозненность общества.

Определение показателя «Тяжесть эпидемиологической ситуации в конкретной стране». Из изначальной выборки основной акцент всё же сделан на страны с «адекватной» статистикой по COVID-19, а также по численности населения (больше 10 млн человек). Таким образом, более подробно были проанализированы Аргентина, Боливия, Бразилия, Гватемала, Колумбия, Мексика, Перу, Чили и Эквадор, что в сумме составляет 1/3 от стран региона, а по численности – больше 80% населения всего региона.

В ходе исследования удалось выделить показатель «Тяжесть эпидемиологической ситуации в конкретной стране» – X (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Тяжесть²³ эпидемиологической ситуации в конкретной стране за первую волну (с марта 2020 г. по 31 декабря 2020 г.) / The severity of the epidemiological situation in the particular country for the first wave (from March 2020 to December 31, 2020)

Страна	X	Страна	X	Страна	X
Аргентина	0,69669403	Гватемала	0,26824818	Перу	0,38843672
Боливия	0,33605937	Колумбия	0,48639547	Чили	0,42720069
Бразилия	0,46830238	Мексика	0,36449843	Эквадор	0,37002942

Источник: [1].

Зависимость защитных и ограничительных мер и институциональных характеристик страны от тяжести эпидемиологической ситуации. Был проведён сравнительный анализ 40 различных индексов и показателей по мерам борьбы с COVID-19 и институциональных характеристик исследуемых стран.

По результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

- выявлено наличие заметных корреляционных связей между тяжестью эпидемиологической ситуации и расходами на здравоохранение, ВВП на душу населения, соотношением городского населения, плотностью населения, уровнем доверия к власти, поддержки демократии, уровнем экологического благополучия и т. д.;

- чем больше государство расходовало на здравоохранение средств, тем тяжелее проходило заболевание. Во-первых, это связано с решениями, принимаемыми в государстве, которые носят ситуационный характер. Во-

²³ Тяжесть измеряется в условных единицах.

вторых, данное противоречие показывает нам некачественность статистических данных;

– чем больше людей проживают в плотно заселённом округе (городе), тем больше количество заболевших. Чем выше уровень доверия к власти, чем ниже показатель «тяжесть» по стране. Кроме того, из исследования видно, что, чем выше уровень легитимности государственной власти, чем больше людей согласны с политикой, проводимой в стране, и довольны своим положением и развитием общества, тем ниже тяжесть эпидемиологической ситуации. А также, чем выше уровень государственных услуг в стране, тем ниже тяжесть.

Опыт борьбы с новой коронавирусной инфекцией в Латиноамериканском регионе показал множество инфраструктурных сложностей, а также проблем в организации систем здравоохранения. Анализ протекания COVID-19 во время первой волны не выявил примеров эффективных и быстрых способов решения проблемы среди государств. Подавляющее большинство из них даже сейчас находится в процессах модернизации своих систем здравоохранения.

Пашин М. М.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: pashinmm.official@gmail.com*

ВАКЦИННАЯ ПОЛИТИКА И СРЕДСТВА МОТИВАЦИИ К ВАКЦИНАЦИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Вакцинация считается одним из самых важных достижений медицины в истории. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, каждый год благодаря ей предотвращается от 2 до 3 млн смертей от инфекционных болезней.

Пандемия COVID-19 в очередной раз показала, насколько человечество является уязвимым перед инфекционными болезнями, выявила необходимость массовой вакцинопрофилактики. Стремительное распространение вируса привело к взрывному росту разработки вакцин. Исследования множества учёных со всего мира показали, что вакцинация против COVID-19 считается наиболее надёжным способом выхода из пандемии.

Ведущими вакцинами, одобренными для массового применения в мире, являются «Гам-Ковид-Вак» (Sputnik V), «ЭпиВакКорона», «Comirnaty», «mRNA-1273», «Ad26.COV2.S», «NVXCoV2373», «ChAdOx1», «Convifacea», «BBIBP-CorV», «WIBPCorV», «CoronaVac», «Covaxin», «КовиВак» [4]. Кроме того, в настоящее время проходят испытания новые форматы вакцин (например, интраназаль-

ные вакцины), а также различные виды лекарственных средств, блокирующих репликацию вируса в организме.

Россия и Китай стали первыми странами, начавшими массовую вакцинацию населения от COVID-19.

По Латинской Америке эпидемия коронавируса ударила особенно сильно. Латиноамериканские правительства выбирали и продолжают следовать разным стратегиям борьбы с коронавирусной инфекцией, но ключевым элементом является проведение вакцинной политики среди населения.

Анализируя различные средства мотивации в странах Латинской Америки, которые используют правительства государств, становится понятно, что наиболее эффективными оказываются не механизмы побуждения к вакцинации, а грамотная информационная политика.

Важно выделить два ключевых направления информационной политики:

– первое направление – публикация исчерпывающей и доступной информации о коронавирусе (описание симптомов, схемы лечения, вводимые ограничительные меры и нормативно-правовая база, касающаяся противодействию COVID-19), с которой может ознакомиться каждый желающий на официальных государственных ресурсах;

– вторым важнейшим направлением является проведение всеобъемлющей коммуникационной кампании по вакцинации населения, в частности, посредством использования социальной рекламы. При правильной информационной политике удаётся успешно оказывать влияние на изменение восприятия гражданами как всей системы здравоохранения в целом, так и отдельных её направлений, как, например, вакцинации населения и противодействия инфекционным болезням.

Яркими примерами успешной информационной политики являются Аргентина и Чили. В обоих государствах созданы информационные порталы, содержащие всю необходимую информацию о коронавирусной инфекции и методах борьбы с ней, о вакцинации²⁴.

Можно говорить о том, что благодаря доступной и актуальной информации, с которой может ознакомиться каждый гражданин, уровень доверия к системе здравоохранения очень высокий. О чём, в частности, свидетельствуют и темпы вакцинации – свыше 75% жителей Аргентины получили хотя бы одну дозу вакцины, в Чили же это число составляет более 85%.

Опыт борьбы с новой коронавирусной инфекцией стал индикатором, который выявил как инфраструктурные сложности систем здравоохранения, так и общие организационные проблемы. Примеров по-настоящему «гладкого» прохождения этого вызова не продемонстрировала ни одна страна мира. Однако бесспорным остаётся то, что в ближайшее время значительных до-

²⁴ Emergencia Sanitaria [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-coronavirus.gba.gob.ar> (дата обращения: 08.11.2021); Gob.cl [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.cl/yomevacuno> (дата обращения: 08.11.2021).

стижений в борьбе с COVID-19 достигнут те страны, которые проведут наиболее успешные кампании по вакцинации среди населения.

Каратеев А. Ю.,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: artem.karateev@gmail.com*

СТРОГОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПОДХОДЫ К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ

Важнейшее теоретическое и практическое значение при сравнении мобилизационных механизмов государств в политике противодействия пандемии COVID-19 имеет учёт эффективности. В свою очередь, дискуссия об эффективности невозможна без выделения критериев её оценивания и весьма затруднительна без привлечения количественных данных. Одним из вариантов интерпретации эффективности ограничительных мер является оценка эпидемиологической ситуации, сложившейся в стране (регионе) после введения этих мер. Но простое сравнение тяжести эпидемиологической ситуации в разных странах (регионах) не даёт полного представления об эффективности введённых мер, поскольку на ситуацию влияет ряд других факторов и условий, в которых применяются меры.

В рамках нашего эмпирического исследования мы постарались рассмотреть, как, с одной стороны, связаны строгость ограничительных мер и тяжесть эпидемиологической обстановки, а с другой стороны, как связаны строгость и тяжесть с институциональными характеристиками стран. Строгость мер описывалась с помощью индекса строгости (Stringency Index), публикуемого Оксфордским университетом²⁵, а тяжесть ситуации оценивалась разработанным в рамках исследования индексом тяжести, включающим данные по количеству случаев заболевания и летальных случаев, а также данные по продолжительности роста и затухания коронавирусных волн.

В результате сравнительный анализ прохождения первой волны пандемии в 35 странах выявил, что принимавшиеся правительствами ограничительные меры чаще имели не превентивный характер, а ситуативный, являясь ответом на складывающуюся эпидемиологическую обстановку в стране. В ряде стран лишь при введении очень строгих мер (более 80 пунктов по шкале от 0 до 100) удавалось переломить тенденцию к ежедневному приросту числа новых случаев заболевания.

²⁵ Covid-19 Government Response Tracker // University of Oxford : [сайт]. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 23.10.2021).

Наиболее удачной можно назвать политику в 5 из рассмотренных стран: Японии, Южной Корее, Австралии, Германии, Сингапуре. При относительно невысокой строгости ограничительных мер они сумели избежать тяжёлого прохождения первой волны (см. рис. 1).

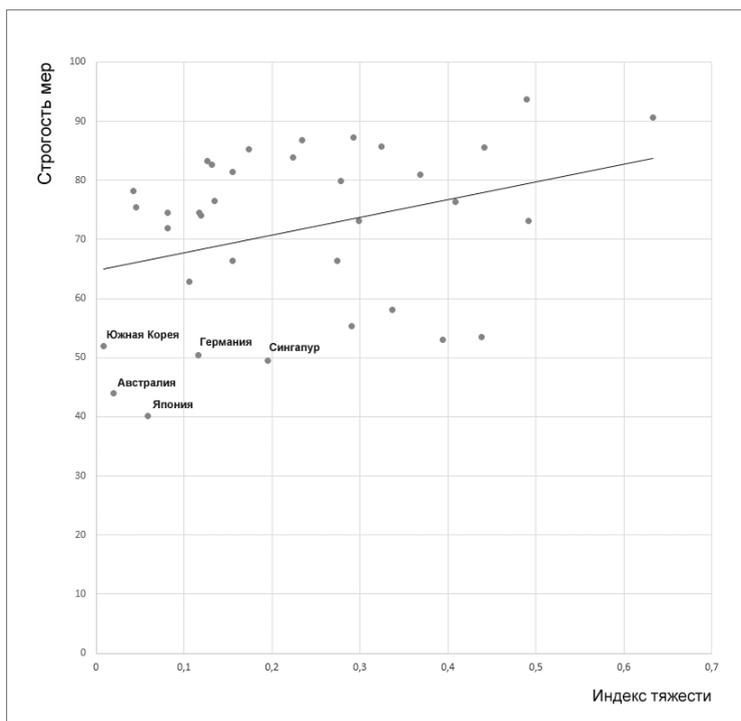

Рис. 1 / Fig. 1. Диаграмма рассеивания с линией тренда (каждая страна представлена точкой); (2020 г., условные единицы измерения) / Scatter plot with a trend line (each country is represented by a dot); (2020, conventional units)

Источник: рассчитано автором по: Коронавирусная инфекция (COVID-19) // Google : [сайт]. URL: <https://clck.ru/avmjK> (дата обращения: 21.10.2021); COVID-19 Government Response Tracker // University of Oxford : [сайт]. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 23.10.2021).

Вместе с тем корреляция между строгостью мер и тяжестью ситуации оказывается на грани слабой и средней, подтверждая, таким образом, наличие влияния других факторов, в частности, институциональных характеристик. Дальнейшее изучение показало, что в целом выбранные институциональные характеристики более тесно связаны со строгостью мер, чем с тяжестью эпидемиологической ситуации. Т. е. можно утверждать, что при принятии мер и при определении их строгости правительства учитывают условия

применения мер, качество институтов, условия жизни населения и другие характеристики. Как правило, прослеживается отрицательная связь между строгостью мер и положительным качеством институциональной характеристики: например, чем лучше санитарные условия жизни населения, чем выше затраты на здравоохранение – тем ниже строгость ограничительных мер. Иными словами, власти рассчитывают на систему здравоохранения (что она справится и люди получат необходимую помощь) и на качество жизни и здравомыслие населения (что оно, со своей стороны, тоже будет заботиться о себе) и, соответственно, вводят более слабые ограничения. Таким образом, слабые меры как бы компенсируются хорошей работой системы здравоохранения, хорошим качеством управления, высоким качеством жизни населения, развитостью и распространённостью информационно-коммуникационных технологий и т. д.

Заметно более слабая связь между институциональными характеристиками и тяжестью эпидемиологической ситуации может быть объяснена, во-первых, неэффективностью работы ряда институтов (например, систем здравоохранения, правительств и т. д.), которые не смогли успешно использовать имевшийся потенциал для противодействия пандемии. Действительно, самые высокие по выборке расходы на здравоохранение приходятся на США, и именно там на сегодняшний день наблюдается самый высокий среди стран G7 показатель смертности от COVID-19 и самое высокое число выявленных случаев заболевания на 1 млн чел. населения²⁶. Во-вторых, более высокий уровень здравоохранения и качества управления, как правило, означает наличие хорошей системы диагностики коронавируса, широкий охват населения, качественный сбор и обработку медицинской статистики. Таким образом, фиксируемая статистикой значительная тяжесть эпидемиологической ситуации в странах с высокими расходами на здравоохранение является ещё и следствием большей эффективности национальной системы выявления инфицированных и сбора данных. Данный вывод поднимает, в частности, вопрос об адекватности статистики в странах с плохо финансируемыми системами здравоохранения.

Помимо этого обращает на себя внимание заметная связь между уровнем занятости населения и тяжестью прохождения волны коронавируса (коэффициент корреляции $-0,38$). Как представляется, это связано с тем, что люди без стабильного источника дохода менее склонны соблюдать вводимые правительствами ограничения (такая закономерность наблюдалась в период первой волны пандемии в России²⁷). Важно отметить, что строгость

²⁶ Коронавирусная инфекция (COVID-19) // Google : [сайт]. URL: <https://www.google.com/search?q=covid+19+stats> (дата обращения: 21.10.2021).

²⁷ Четверть россиян назвали эпидемию COVID-19 выдумкой заинтересованных лиц // РБК : [сайт]. [20.05.2020]. <https://www.rbc.ru/society/28/05/2020/5ece85a79a7947d7e297532e> (дата доступа: 24.10.2021).

мер слабее связана с уровнем занятости, что может свидетельствовать о недооценке фактора занятости при введении ограничительных мер.

Значимое влияние на снижение тяжести ситуации имеет также высокий уровень доверия населения к правительству (коэффициент корреляции – 0,36), определяющий доверие к вводимым мерам и степень их соблюдения. При этом выделить общемировой тренд связи доверия и строгости мер оказывается затруднительно (коэффициент корреляции +0,06). На практике это означает, что для отдельных стран более высокий уровень доверия связан с меньшей тяжестью, а в других – с большей тяжестью. Похоже, что высокий уровень доверия создаёт искушение для правительств вводить более строгие меры, не задумываясь об их объективной необходимости на данный момент. Там, где доверие ниже, – правительству приходится действовать более осторожно, с оглядкой на общественное мнение. Кроме того, ограничительные меры часто принимались без учёта уровня доверия – так, в начальный период пандемии практиковалось принятие некоего «пакета мер» сразу, являвшегося стандартным практически для всех стран.

Ещё одной институциональной характеристикой, заметно снижающей тяжесть прохождения волны пандемии, являются ценностные ориентиры. В частности, распространение секулярно-рациональных ценностей (в противовес традиционным) коррелирует с меньшей тяжестью эпидемиологической обстановки (коэффициент корреляции –0,28). По-видимому, такая связь объясняется образом жизни и поведенческими паттернами, характерными при традиционных ценностях – большие семьи, празднества в большом кругу, массовые религиозные церемонии, эмоциональность и открытость при встречах, – приводящими к сокращению физической дистанции при общении.

Важно отметить роль уровня развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), который имеет отрицательную связь с тяжестью эпидемиологической ситуации (коэффициент корреляции –0,18). Тем не менее ожидалось, что связь между этими параметрами будет сильнее, так как именно ИКТ позволяют переводить сотрудников на удалённую работу, студентов – на удалённое обучение, поддерживать активные контакты, несмотря на ограничения собраний и передвижений. В условиях развитых ИКТ требования соблюдать режим изоляции воспринимаются населением менее остро и способствуют лучшему соблюдению защитных и ограничительных мер. Обнаруженная слабая связь может свидетельствовать о недостаточном использовании потенциала современных технологий.

Таким образом, опробованная методика количественного анализа раскрывает важные тенденции и особенности связи между строгостью и эффективностью ограничительных мер, выявляя те институциональные условия, при которых можно достичь сочетания относительно невысокой строгости ограничительных мер и относительно лёгкого прохождения волны пандемии.

Свечникова М. В.,*асpirантка кафедры истории и теории политики
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: svechnikova-mari@mail.ru*

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Возникновение и развитие коронавирусной инфекции вызвали глобальные изменения во многих сферах жизнедеятельности общества, а вместе с тем поставили перед научным сообществом новые исследовательские вопросы, одним из которых является проблема доверия. Современная социальная реальность ставит перед научным сообществом задачу анализа трансформации граней проявления данного феномена. Внимание учёных к изучению доверия в период повышенной неопределённости обусловлено и тем фактом, что доверие следует рассматривать в качестве маркера социальной действительности. Уровень доверия является одной из ключевых предпосылок готовности членов общества к действиям по преодолению последствий пандемии и предотвращению различных рисков. В условиях опасности общество возлагает новые ожидания и надежды на государство для эффективного решения возникших проблем.

В период пандемии большое значение для оперативного управления информационными потоками (например, для предотвращения распространения дезинформации, которая может стать источником дестабилизации государственной системы) приобретают различные средства коммуникации. Активизировалась не только деятельность традиционных СМИ – важной площадкой для информирования россиян и общественной дискуссии стали также интернет-платформы. Новые условия послужили катализатором для актуализации потребности во взаимодействии власти и общества посредством информационных технологий. Так, в ряде стран были созданы порталы, содержащие ключевую информацию о темпах и масштабах распространения инфекции, субъекты политических отношений осуществляли взаимодействие с членами общества путём публикаций постов в социальных сетях. В России был запущен официальный канал в популярном мессенджере Telegram, в котором можно было найти ключевые сведения о ходе пандемии.

Эффективность подобного рода политической интернет-коммуникации во многом зависит от уровня доверия. Говоря о доверии в условиях пандемии, следует отметить, что вновь показали свою значимость в отношении формирования системы взаимодействия между властью и обществом два ключевых вопроса. Первый – доверие к получаемой гражданами инфор-

мации. В настоящее время широко распространена недостоверная или намеренно искажённая информация о заболевании и процессе вакцинации; результатом этого становится зарождение негативных процессов в социально-политическом пространстве. Фейковая информация способна приводить к росту социального напряжения. Учёные уже обозначили данное последствие термином «инфодемия». Вторая проблема сопряжена с доверием источнику информации (субъекту коммуникации). Г. А. Малышева отмечает, что «люди становятся менее склонны доверять сетевым инфлюенсерам и стремятся к поиску надёжных источников профессиональной информации, в результате чего в обществе вырабатываются своеобразные “информационные антитела”» [2].

Исследовательские вопросы доверия источнику политической информации и содержанию информационного сообщения обсуждаются исследователями давно, однако новая угроза общественной стабильности в лице коронавирусной инфекции вновь подчеркнула их значимость. Как показал практический опыт последних двух лет, подобные проблемы встают и на пути к эффективности политической интернет-коммуникации в условиях пандемии.

Абрамов А. В.,

*кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
главный редактор электронного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: abram-off@mail.ru*

COVID-19 и контуры грядущего общества

С удовольствием выслушав выступления коллег, поделившихся результатами проделанного ими анализа социально-политического развития разных стран и регионов в период пандемии, хотелось бы обратить внимание на некоторые последствия COVID-19 для мира в целом.

Во-первых, нужно отметить произошедшее в период пандемии изменение роли государства. Именно на долю национальных государств выпали организация локдаунов, выплата из бюджета материальной помощи наиболее нуждающимся категориям граждан, оказание финансовой помощи бизнесу, наконец, получение вакцины и прививочная кампания. К итогам пандемии следует также отнести виртуализацию государства. Карантин заставил органы государственной власти многих стран спешно переходить к оказанию онлайн-услуг населению. Внедрение элементов электронного голосования произошло не только в малых странах типа Эстонии или Сьерра-Леоне, но и в таких больших государствах, как Россия. Вместе с тем громкие заявления об однозначной победе этатистов над глобалистами я бы оценивал очень

осторожно. Антивирусные мероприятия, сопровождавшиеся ограничением прав и свобод личности, а также ухудшением социально-экономического положения многих семей, усилили и критику в адрес государства со стороны граждан. Думается, что сторонники глобализации в виде крупнейших транснациональных корпораций, фармакологических компаний, разработчиков программного обеспечения и т. п. ещё покажут себя. По крайней мере, именно в этом контексте следует рассматривать активность в вопросах вакцинации бывшего главы Microsoft Б. Гейтса.

Во-вторых, пандемия COVID-19 стимулировала развитие «новой экономики». Наиболее ощутимо вынужденная самоизоляция граждан ударила по сфере услуг (гостиницам, ресторанам, парикмахерским), традиционной торговле, транспорту, строительству и производству. Однако ряд суботраслей оказался в выигрыше. Так, резко возросли доходы производителей компьютерных игр, интернет-доставщиков товаров и еды. Проявившиеся в ходе самоизоляции проблемы вновь актуализировали планы создания автомобилей без водителя и фабрик без рабочих. Локдаун практически не затронул лиц, занятых интеллектуальным трудом. Большая их часть безболезненно переместилась из университетских аудиторий и офисов в квартиры, оборудованные компьютером с доступом в интернет, и продолжила работу. Сложнее оказалось работникам физического труда. Вместе с тем выяснилось, что заменить традиционное производство пока невозможно.

В-третьих, важные сдвиги произошли в области прав и свобод граждан. Повсеместные вынужденные ограничения путешествий, собраний и встреч были крайне негативно восприняты обществом. Стратификация населения по QR-кодам или COVID-паспортам, отслеживание перемещений человека по геолокации его мобильного телефона и оплате банковской картой, принуждение к вакцинации вызвали многочисленные протесты во Франции, Италии, ФРГ и других странах²⁸. В общественно-политическом дискурсе всё чаще стали звучать воспринимавшиеся ранее маргинальными слова о «цифровом концлагере» и новом тоталитаризме.

Наконец, в-четвёртых, корона-кризис больно ударил по привычному образу жизни и традиционным ценностям граждан. Вынужденное нахождение граждан дома при отсутствии у них культуры проведения досуга привело к росту алкоголизма. Только в США за период карантина онлайн-продажи алкоголя выросли на 262% по сравнению с 2019 г.²⁹ Спутником пьянства стало

²⁸ «Руки прочь от наших прав!» Как карантин в Европе привёл к массовым беспорядкам и протестам против вакцинации // Лента.ru : [сайт]. [06.19.2021]. URL: https://lenta.ru/articles/2021/09/06/antikovid_eu (дата обращения: 10.10.2021).

²⁹ Азарова М. Пандемия коронавируса поспособствовала употреблению алкоголя // Naked science : [сайт]. [30.09.2020]. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/pandemiya-i-alkogol> (дата обращения 20.10.2021).

семейное насилие, масштабы которого оказались таковы, что на это был вынужден обратить внимание даже генеральный секретарь ООН А. Гутерриш³⁰.

Самоизоляция нанесла серьёзный удар по доходам религиозных организаций, вынужденных перевести свою деятельность в онлайн-режим³¹. Однако невозможность совершения религиозных обрядов верующие восприняли крайне негативно. Ухудшилась ситуация и в области социализации молодёжи в силу того, что институт образования в лице школы и вуза переместился в компьютер, лишив юношество возможности общения в коллективе. В результате пандемии атомизация обществ возросла.

В целом пандемия COVID-19 стала катализатором многих изменений, намечавшихся ранее. Человечество сделало широкий шаг в сторону грядущего постиндустриального мира, однако шаг этот сопровождался деформацией сложившихся социальных и политических институтов и практик. С тревогой приходится признать, что ущемление базовых потребностей людей, цензура, социальные ограничения, кризис традиционных институтов морали, семьи, начало распада трудовой этики очень напоминают выявленные П. А. Сорокиным симптомы грядущей революции [5].

Демчук А. Л.,

*доктор политических наук, заведующий кафедрой сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;
e-mail: arthur@leadnet.ru*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодарю участников «круглого стола» за выступления и участие в дискуссии. Надеюсь, наши исследования и обсуждения темы борьбы с пандемией, включая совершенствование мобилизационных механизмов государств, будут продолжены, а полученные выводы и сформулированные рекомендации окажутся полезными для лиц, принимающих решения, экспертов и всех, кого интересуют обсуждаемые сегодня темы.

³⁰ Генсек ООН заявил о вспышке насилия в семьях в условиях карантина // ИТАР-ТАСС : [сайт]. [06.04.2020]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8168229> (дата обращения: 10.10.2021).

³¹ См. например: Баландина А. Затянувшийся пост: как пандемия разорвет Ватикан // Газета.ру : [сайт]. [22.02.2021]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/02/22/13487882.shtml?updated> (дата обращения: 18.10.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Возможности количественного анализа взаимосвязи тяжести пандемии COVID-19 и институциональных характеристик стран мира / А. Л. Демчук, В. М. Капицын, А. Ю. Каратеев, Н. Н. Емельянова, И. В. Дашкина, М. М. Пашин, С. И. Колесников // *Acta Biomedica Scientifica*. 2021. № 6. С. 133–144.
2. Малышева Г. А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.10.2021).
3. Мурашко М. А. Первая пандемия цифровой эпохи: уроки для национального здравоохранения // *Национальное здравоохранение*. 2020. Т. 1. № 1. С. 4–8.
4. Мурашко М. А., Драпкина О. М. Организационные аспекты вакцинации против новой коронавирусной инфекции // *Национальное здравоохранение*. 2021. Т. 2. № 1. С. 5–11.
5. Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.
6. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / S. L. Greer, E. J. King, E. Massard da Fonseca, A. Peralta-Santos. Michigan: University of Michigan Press, 2021. 416 p. DOI: 10.3998/mpub.11927713
7. Ong S. E. Singapore and COVID-19: In the forefront of response efforts? // *The Round Table*. 2020. Vol. 109 (3). P. 334–335.
8. Sciortino R., Sainib F. Towards a comprehensive narrative and response to COVID-19 in Southeast Asia // *Social Sciences & Humanities Open*. 2020. Vol. 2. P. 33–90.
9. Xuefei R. Pandemic and lockdown: a territorial approach to COVID-19 in China, Italy and the United States // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. Iss. 4–5. P. 423–434. DOI: 10.1080/15387216.2020.1762103

REFERENCES

1. Demchuk A. L., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., et al. [The possibilities of quantitative analysis of the relationship between the severity of the COVID-19 pandemic and the institutional characteristics of the countries of the world]. In: *Acta Biomedica Scientifica*, 2021, no. 6, pp. 133–144.
2. Malysheva G. A. [Socio-Political Aspects of the Pandemic in the Digital Network Society: the Russian Experience]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.10.2021).
3. Murashko M. A. [The first pandemic of the digital age: lessons for national health]. In: *Natsional'noe zdravookhranenie* [National Health Care (Russia)], 2020, vol. 1, no. 1, pp. 4–8.
4. Murashko M. A., Drapkina O. M. [Organizational aspects of vaccination against a new coronavirus infection]. In: *Natsional'noe zdravookhranenie* [National Health Care (Russia)], 2021, vol. 2, no. 1, pp. 5–11.

5. Sorokin P. A. *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 704 p.
6. Greer S. L., King E. J., Massard da Fonseca E., Peralta-Santos A. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19. Michigan, University of Michigan Press, 2021, 416 p. DOI: 10.3998/mpub.11927713
7. Ong S. E. Singapore and COVID-19: In the forefront of response efforts? In: *The Round Table*, 2020, vol. 109 (3), pp. 334–335.
8. Sciortino R., Sainib F. Towards a comprehensive narrative and response to COVID-19 in Southeast Asia. In: *Social Sciences & Humanities Open*, 2020, vol. 2, pp. 33–90.
9. Xuefei R. Pandemic and lockdown: a territorial approach to COVID-19 in China, Italy and the United States. In: *Eurasian Geography and Economics*, 2020, vol. 61, iss. 4–5, pp. 423–434. DOI: 10.1080/15387216.2020.1762103

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.12.2021

Статья размещена на сайте: 14.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; главный редактор электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета»; e-mail: abram-off@mail.ru

Бозоян Тамара Робертовна – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: bozoiantamara@gmail.com

Дашкина Ирина Владимировна – кандидат политических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: dashkina_irina@mail.ru

Демчук Артур Леонович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: arthur@leadnet.ru

Емельянова Наталья Николаевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: kapizin@yandex.ru

Каратеев Артём Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: artem.karateev@gmail.com

Колесников Сергей Иванович – доктор медицинских наук, профессор, академик РАН; профессор кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: sikolesnikov2012@gmail.com

Князева Мария Сергеевна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: 227925@mail.ru

Мустафин Бауржан Есетович – докторант (PhD) кафедры политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби; e-mail: baurmustafin@gmail.com

Пашин Михаил Михайлович – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: pashinmm.official@gmail.com

Перус Маркос Агустин Куева – доктор политических наук, научный сотрудник Института социальных исследований, профессор факультета политических и социальных наук Национального автономного университета Мексики; e-mail: cuevaperus@yahoo.com.mx

Свечникова Мария Владимировна – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: svechnikovamari@mail.ru

Хо Дун – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: hd0504@mail.ru

Andrey V. Abramov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the electronic online publication "Bulletin of the Moscow Regional State University"; e-mail: abram-off@mail.ru

Tamara R. Bozoyan – Postgraduate Student, Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: bozoyantamara@gmail.com

Irina V. Dashkina – Cand. Sci. (Political Sciences), Head of Postgraduate and Doctoral Studies Department, Lomonosov Moscow State University; e-mail: dashkina_irina@mail.ru

Arthur L. Demchuk – Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: arthur@leadnet.ru

Natalya N. Emelyanova – Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Vladimir M. Kapitsyn – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kapizin@yandex.ru

Artyom Yu. Karateev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: artem.karateev@gmail.com

Sergei I. Kolesnikov – Dr. Sci. (Medicine), Prof., academician of the Russian Academy of Sciences; Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: sikolesnikov2012@gmail.com

Maria S. Knyazeva – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: 227925@mail.ru

Baurzhan Ye. Mustafin – MA (Political Sciences), PhD (Philosophy), Department of Political Science and Political Technologies, Al-Farabi Kazakh National University; e-mail: baurmustafin@gmail.com

Mikhail M. Pashin – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: pashinmm.official@gmail.com

Marcos Agustín Cueva Perus – PhD (Political Science), Researcher, Institute for Social Research; Prof., Faculty of Political and Social Sciences, National Autonomous University of Mexico; e-mail: cuevaperus@yahoo.com.mx

Maria V. Svechnikova – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: svechnikova-mari@mail.ru

Ho Dong – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: hd0504@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мобилизационные механизмы государств в политике противодействия пандемии COVID-19 / А. В. Абрамов, Т. Р. Бозоян, И. В. Дашкина, А. Л. Демчук, Н. Н. Емельянова, В. М. Капицын, А. Ю. Каратеев, С. И. Колесников, М. С. Князева, Б. Е. Мустафин, М. М. Пашин, Перус Маркос Агустин Куева, М. В. Свечникова, Хо Дун // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Abramov A. V., Bozoyan T. R., Dashkina I. V., Demchuk A. L., Emelianova N. N., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., Kolesnikov S. I., Knyazeva M. S., Mustafin B. E., Pashin M. M., Perus Marcos Agustin Kueva, Svechnikova M. V., Ho Dong. Mobilization mechanisms of states in the policy of countering the COVID-19 pandemic. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.1

Буров А. С.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ТАНДЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПО АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЁЖИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проведение анализа политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии.

Процедура и методы. Исследование основано на анализе источников, содержащих информацию о государственной национальной политике современной России, направленной на адаптацию и интеграцию молодёжи мигрантов из Центральной Азии, с использованием междисциплинарного метода исследования при соотношении политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии.

Результаты. Сделан вывод о наличии пробелов в современной миграционной политике России, направленной на указанную социальную группу. В заключении статьи сформулированы предложения по формированию адресных политических технологий и правовых механизмов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут использоваться для дальнейшего практического применения, подготовки рекомендаций органам исполнительной власти всех уровней, задействованным в сфере миграционной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политические технологии, правовые механизмы, устойчивость, интеграция, адаптация, мигранты, Средняя Азия

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках проекта фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимого совместно РФФИ и ЭИСИ («опн») № 21-011-31155 «Политико-правовые механизмы обеспечения устойчивости социально-политических систем».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Действующие политические технологии и правовые механизмы по эффективной адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии в современное российское общество](#)

[Действующие политические технологии](#)

[Действующие правовые механизмы](#)

[Перспективные политические технологии и правовые механизмы по эффективной адаптации и интеграции молодёжи из Центрально-Азиатского региона в современное российское общество](#)

[Перспективные правовые механизмы](#)

[Заключение](#)

A. Burov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

TANDEM OF POLITICAL TECHNOLOGIES AND LEGAL MECHANISMS FOR ADAPTATION AND INTEGRATION OF THE YOUTH FROM CENTRAL ASIA IN MODERN RUSSIA

ABSTRACT

Aim. To analyze political technologies and legal mechanisms for the adaptation and integration of the youth from Central Asia.

Methodology. The study is based on analysis of sources containing information on state national policy of modern Russia, aimed at the adaptation and integration of the youth migrants from Central Asia. It uses an interdisciplinary research method with the correlation of political technologies and legal mechanisms for the adaptation and integration of youth from Central Asia.

Results. The conclusion is made about the presence of gaps in the modern migration policy of Russia, aimed at the specified social group. At the end of the article, proposals are formulated on the formation of targeted political technologies and legal mechanisms.

Research implications. The research results can be used for further practical application, preparation of recommendations for the executive authorities of all levels involved in the field of migration policy.

KEYWORDS

political technologies, legal mechanisms, sustainability, integration, adaptation, migrants, Central Asia

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out within the framework of the project of fundamental research in the field of socio-political sciences, conducted jointly by the Russian Foundation for Basic Research and the EISI ("open") No. 21-011-31155 "Political and legal mechanisms for ensuring the stability of socio-political systems".

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация с момента демонтажа Советского Союза, принимая на свою территорию сотни тысяч мигрантов, столкнулась с осязаемым этносоциальным кризисом [7, с. 243], связанным с отсутствием системы эффективных политических технологий и правовых механизмов адаптации и интеграции мигрантов из Центральной Азии. Достижение должного объёма трудовых ресурсов требует от государства привлечения из стран ближнего зарубежья внушительного числа мигрантов [3, с. 33]. Ежегодно миграционным учётом Российской Федерации фиксируется более 16 млн человек¹.

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053> (дата обращения: 26.07.2021).

Так как базовая ниша трудовых мигрантов в России заполняется преимущественно неквалифицированной рабочей силой, качество человеческого капитала, получаемого посредством миграции, остаётся на довольно низком уровне [2, с. 3].

Целью исследования является проведение анализа как действующих, так и перспективных политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии в современной России. Задачами исследования являются обзор современного состояния государственной национальной политики, а также миграционной политики современной России, направленной на адаптацию и интеграцию молодёжи мигрантов из Центральной Азии, анализ эффективности существующих политического и правового компонентов в указанном направлении, а также формирование предложений по их модернизации. Основным научным методом исследования является междисциплинарный метод при соотношении политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии в современной России.

Проблематика указанной темы отражена в трудах и исследованиях авторитетных представителей современной российской науки: В. С. Малахова «Интеграция мигрантов. Концепции и практики» [6], в монографии В. Ю. Леденевой и Л. А. Кононова «Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России» [5], статьях и исследованиях В. А. Волоха, в частности «Проблемы институционального обеспечения государственной миграционной политики» [1]. Особого внимания заслуживают работа Е. Б. Деминцевой «Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения» [2], а также статьи В. Ю. Зорина, в частности «Трансформация миграционной политики государств в период пандемии» и «Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России» [3; 4]. Важные аспекты проблематики миграционной политики постсоветского периода России также раскрыты в трудах Л. Л. Рыбаковского, в частности «Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве» [7] и др.

На ресурс жизнеспособности Российского государства и устойчивости его социально-политических систем оказывается осязаемое влияние повышающимся уровнем этносоциальной напряжённости, связанной с недостаточной адаптацией и интеграцией мигрантов из Центральной Азии, в особенности представителей молодёжи, которые преимущественно не имеют достаточных представлений о местной культуре и ценностях. Подавляющая часть данной социальной группы сознательно не хочет интегрироваться в российский социум, что в результате повышает социальное напряжение и ведёт к их стигматизации со стороны российского общества, провоцирует агрессию и открытые столкновения приезжих и коренного населения, что приводит к росту этнических анклавов и криминогенности миграционной среды.

Большинство зафиксированных в 2020 г. негативных информационных поводов с участием иностранных граждан государственной информационной системой мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в субъектах Российской Федерации в значительной мере являются следствием социальной изоляции приезжих лиц. Молодёжи мигрантов из Центральной Азии присущи повышенная социальная нестабильность, нигилизм, максимализм и, как следствие, подверженность радикальным и экстремистским взглядам в условиях низкого уровня образования, владения русским языком, которые накладываются на высокую внутреннюю конкуренцию, отсутствие достойной работы и желание добиться наиболее качественных условий жизни, в том числе, посредством нарушения закона. Сочетание молодёжной пассионарности и культурных различий увеличивает социальную пропасть между мигрантами и местным населением, что вместе с тяжёлыми материальными условиями приезжих лиц неизбежно маргинализирует молодёжь из Центральной Азии внутри России и ставит её в положение социальных изгоев.

Обозначенный выше кризис многогранен, не является однородным и должен быть рассмотрен с различных сторон. В первую очередь, речь идёт об этносоциальном кризисе внутри российского общества, который обусловлен «тихим» расколом на «своих» и «чужих». К этому приводит ещё один кризис – культурных и ценностных различий, который выражен в ментальном разрыве, произошедшем после демонтажа Советского Союза, а вместе с ним – исчезновения модели «советского человека», которая предлагала единый культурный базис для всех народов СССР. По этой причине «советское» старшее поколение мигрантов гораздо реже становится участниками конфликтных ситуаций, т. к. их социализация и приобретение ценностных ориентиров были системными и идеологически подкреплёнными идеями совместного существования, строительства коммунизма, общего вклада в победу над фашизмом и пр.

В свою очередь, деконструкция СССР и последующий период внутренней и внешней турбулентности при становлении новой российской государственности привели также к ослаблению и практически к полной утрате технологий трансляции отечественной «мягкой силы» на страны, находящиеся в российской геополитической орбите. Культурный вакуум не мог продолжаться долго, и в бывшие союзные республики, в том числе и в Центральную Азию, начался транзит альтернативных идеологических конструктов, во многом основанных на отрицании позитивной роли «русского мира» и, как следствие, – дерусификации.

Данная ретроспектива во многом объясняет, почему источником этносоциальных рисков являются представители молодёжи мигрантов как людей постсоветского периода. Таким образом, проблематике, рассматриваемой в данной статье, предшествует серьёзный политический контекст, который

продолжает оказывать существенное влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику в современной России.

Более того, указанной проблеме сопутствует ряд пробелов современной государственной политики России в сфере адаптации и интеграции мигрантов в целом, преодолеть который возможно только при условии выработки, внедрения и применения комплекса политических технологий и правовых механизмов, основанных на теоретико-методологических положениях об адаптации и интеграции мигрантов.

Как справедливо отмечают ведущие специалисты в области миграционных процессов – В. Ю. Леденёва и Л. А. Кононов, – деструктивные следствия миграции населения во многом вызваны низким качеством именно адаптации и интеграции мигрантов [5, с. 27].

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЁЖИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Очевидно, что в контексте обеспечения жизнеспособности российско-го государства и достижения устойчивости его социально-политических систем публичной власти при реализации миграционной политики необходимо сформировать систему, в которой бы действовал «тандем» политического и правового компонентов.

Политические технологии практически лишены формализации и систематизированного закрепления, носят преимущественно научно-теоретический характер, оказывают своё влияние на общественно-политические отношения негласно и косвенно, применяются адресно и зачастую бессистемно. С одной стороны, политические технологии являются универсальным средством для реализации самых нестандартных задач, они гибки и могут подвергаться неограниченному количеству усовершенствований, а также комбинироваться между собой в зависимости от текущей обстановки. С другой стороны, отсутствие формального закрепления, а также гласного применения на системном уровне лишает их устойчивости и неразрывной связи с административными механизмами государства.

В свою очередь, **правовые механизмы** отличаются формальным закреплением, распространяются на неопределённый круг лиц, обеспечены и охраняются государством, обязательны к исполнению, а также предусматривают санкции за их неисполнение. С одной стороны, правовые механизмы являются самым надёжным регулятором общественных отношений, они максимально просты и лишены двусмысленности, их исполнение обеспечивают органы государственной власти. С другой стороны, формализация правовых механизмов не позволяет учесть все аспекты проблемы, на решение кото-

рой они направлены. Процедуры по созданию, принятию и внесению изменений в юридические документы отличаются сложностью и многоуровневой системой согласования, которые не позволяют правовым механизмам оперативно отвечать на актуальные и ситуативные угрозы.

Таким образом, каждый из рассматриваемых компонентов обладает сильными и слабыми сторонами. В этой связи неизбежно встаёт вопрос, какой из них является определяющим. При соотношении ролей политических технологий и правовых механизмов наиболее эффективным является подход, признающий равенство политических технологий и правовых механизмов, при котором происходит их взаимное влияние друг на друга.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Первой из основных политических технологий является **адаптация** мигрантов, выражающаяся в их приспособлении к условиям пребывания и проживания на территории вселения. Публичная власть ожидает, что адаптация позволит мигрантам вносить позитивный вклад в социально-экономическое развитие государства, а также не даст им стать агентами деструктивной деятельности и источником угрозы для национальной безопасности. Для коренных жителей эффективная адаптация мигрантов обеспечивает сохранение традиционного уклада жизни через уважительное отношение мигрантов к традициям и обычаям местного населения.

Современная наука предлагает перечень видов адаптации: экономическую, климатическую, бытовую, медико-биологическую, социально-культурную, политико-правовую и пр. В контексте рассматриваемой проблематики наибольшего внимания заслуживают последние два вида.

Социокультурная адаптация мигрантов является относительно мягкой технологией, которая не предполагает отказа от культурных ценностей мигранта. В политологической науке внутри социокультурной адаптации выделяются два феномена: *аккультурация* – двусторонний процесс, некая диффузия культур, а не растворение более «слабой» культуры в более «сильной»; и *аккомодация* – изменения в ценностно-нормативном базисе чужака, не требующие от него, однако, смены идентичности.

Функциональная (структурная) адаптация мигрантов акцентирует своё внимание сугубо на социально-экономических показателях. Единственным существенным культурным фактором является владение языком, однако в исключительных случаях, если мигрант может занять социально-экономическую нишу без знания языка, и этот фактор является не столь принципиальным [6, с. 29–32].

Второй и наиболее важной базовой политической технологией является **интеграция** мигрантов, под которой понимается процесс встраивания ми-

грантов в систему политических, социально-экономических, информационно-правовых и иных связей принимающего общества.

Отрицать интеграцию как специфическую деятельность государства в отношении мигрантов невозможно. Процесс включения мигрантов в принимающее сообщество представляет собой политический процесс, направленный на предоставление возможностей и продвижение определённых стимулов для эффективной инкорпорации мигрантов в принимающее сообщество [5, с. 27]. Политическую технологию интеграции мигрантов следует рассматривать в качестве управленческого процесса и базовой стратегии реализации мигрантом процесса встраивания в новые социальные условия.

На сегодняшний день социальной и культурной адаптации иностранных граждан в российском обществе уделяется недостаточно внимания. Так, на 2020 г. указанный вопрос на уровне задач обозначен в программных документах 22 субъектов Российской Федерации, на уровне основных разделов региональных программных документов – в программных документах 24 субъектов Российской Федерации, обеспечен мероприятиями в программных документах 44 субъектов Российской Федерации. Существенным недостатком региональных программных документов являются отсутствие индикаторов, позволяющих определить количество участников мероприятий, а также недостаточность целевых мероприятий, направленных на представителей молодёжи мигрантов.

Далеко не все субъекты Российской Федерации способны предоставить информацию об объёмах финансовых средств, предусмотренных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации непосредственно на реализацию региональных мер в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

При этом в ряде регионов есть успешные проекты в сфере реализации политических технологий по социокультурной адаптации и интеграции в отношении мигрантов, которые реализуются национально-культурными объединениями, религиозными и иными некоммерческими организациями. Центры адаптации и интеграции иностранных граждан созданы в 22 субъектах Российской Федерации. Центры русского языка и культуры действуют в 15 субъектах Российской Федерации. Ежегодные лингвистические летние школы русского языка для иностранных граждан работают в 6 субъектах Российской Федерации. Профильные национально-культурные общественные объединения созданы в 8 субъектах Российской Федерации.

Существует также успешный опыт реализации политических технологий на примере проекта «Адаптация, социализация и интеграция трудовых мигрантов в социокультурное и нормативно-правовое поле Калининградской области», целевой аудиторией которого являются иностранные граждане и члены их семей, а также программ Тюменского государственного университета и «Центра развития лидерских и проектных компетенций» – «Языковая и

социокультурная адаптация семей мигрантов», которая охватывает всех участников образовательно-воспитательного процесса: взрослых мигрантов, несовершеннолетних членов их семей, а также представителей профессионально-педагогического сообщества, работающих с иностранными гражданами.

Важно отметить, что перечисленные выше политические технологии являются базовыми и распространяют своё действие на все этнические, культурные и возрастные категории мигрантов. Следовательно, для достижения эффективной адаптации и интеграции молодёжи из Центрально-Азиатского региона в современное российское общество необходимо выработать и применить специализированный и адресный набор политических технологий, которые в сочетании с действующими на сегодняшний день проектами усилят их воздействие на целевую аудиторию.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

В Российской Федерации в сфере адаптации и интеграции мигрантов из Центральной Азии в целом и молодёжи в частности обозначился законодательный пробел.

Существует тенденция, при которой регулирование миграционных процессов преимущественно фиксируется в документах стратегического планирования, которые, несмотря на свою безусловную важность и фундаментальность, отличаются избытком декларативных и бланкетных норм.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации содержит в себе единственное упоминание, согласно которому достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путём реализации государственной политики, направленной на решение задач по противодействию незаконной миграции, усилению контроля за миграционными потоками, социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов².

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. ограничивается утверждением, что в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений существуют проблемы незаконной миграции, несовершенства действующей системы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество³.

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2021); Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.07.2021).

Концепция государственной миграционной политики до 2025 г. предусматривает в отношении молодёжи мигрантов единственную норму о совершенствовании механизмов отбора талантливой иностранной молодёжи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот⁴. Тем не менее стоит заметить, что большинство представителей молодёжи мигрантов, в особенности из среднеазиатских республик, не подходят под данную категорию и приезжают на территорию Российской Федерации для осуществления трудовой, а не образовательной деятельности.

Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» в качестве одного из приоритетов предусматривает создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью⁵.

План мероприятий по реализации в 2020–2022 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., который не содержит в себе мероприятий, направленных на системную работу с представителями молодёжи мигрантов⁶.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» содержит в себе упоминание об оказании услуг, направленных на развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов⁷.

В 2020 г. ФАДН России утверждены методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О со-

⁴ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 08.06.2012 № Пр-1490) // Президент России : [сайт]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 21.07.2021).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.07.2021); Собрание законодательства РФ. 09.01.2017. № 2 (ч. I). Ст. 361.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.02.2019 № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.07.2021); Собрание законодательства РФ. 04.03.2019. № 9. Ст. 869.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 08.08.2016 № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.07.2021); Собрание законодательства РФ. 15.08.2016. № 33. Ст. 5164.

циальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», в которых существует упоминание о создании в субъекте Российской Федерации отдельных дошкольных образовательных учреждений, специализированных для всесторонней адаптации и интеграции детей иностранных граждан и содействии привлечению иностранных студентов и волонтеров из числа молодежи к работе с вновь прибывающими иностранными гражданами⁸.

Постановление Правительства Москвы от 8 сентября 2009 г. № 945-ПП предусматривает такие профилактические меры, как: способствование утверждению в молодежном сообществе принципов гражданской солидарности и межнационального согласия; формирование среди молодежи идей межнационального согласия и гражданской солидарности через профилактику конфликтных ситуаций на этнической почве; проведение уроков интернационального воспитания; мониторинг этноконтактной ситуации; привлечение представителей неформальных общинных структур этнических групп и групп, подверженных идеям агрессивного национализма, представителей разных сообществ, живущих в рамках единого территориального образования, с целью создания канала обмена двусторонней объективной благожелательной информацией, формирования сближающих целей в решении вопросов межэтнического взаимопонимания и пр.⁹.

На сегодняшний день наиболее важным правовым механизмом в указанной сфере являются *Методические рекомендации Министерства просвещения Российской Федерации по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан*, разработанные в соответствии с поручением Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. в части принятия мер по обеспечению разработки, апробации и внедрения в российских общеобразовательных организациях системы выявления особых образовательных потребностей несовершеннолетних иностранных граждан, в том числе оценки уровня владения ими русским языком, а также механизмов дополнительной языковой подготовки, достаточной для освоения образовательных программ, и необходимого психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации.

⁸ Приказ ФАДН России от 17.11.2020 № 142 «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации “О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566486825> (дата обращения: 23.07.2021).

⁹ Постановление Правительства Москвы от 08.09.2009 № 945-ПП «О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического экстремизма в молодежной среде города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 22.09.2009. № 53.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЁЖИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Безусловно, классические политические технологии по адаптации и интеграции мигрантов, описанные выше, оказывают позитивное воздействие и регулируют уровень конфликтности в этносоциальном пространстве современной России. Тем не менее текущий набор технологий не может в полной мере обеспечить эффективную реализацию целей, которые стоят перед государством в отношении мигрантов и в особенности их подрастающих поколений. Исходя из этого, для реализации перспективных политических технологий по эффективной адаптации и интеграции молодёжи из Центрально-Азиатского региона в современное российское общество могут послужить следующие направления:

– **политические технологии, направленные на социализацию молодёжи мигрантов**, которые могут выражаться в проведении консультаций по вопросам семьи и воспитания детей, в социально-педагогической работе с детьми и подростками, специализированной социально-педагогической помощи детям и подросткам, имеющим проблемы в обучении и пр. Указанные технологии также следует направить на содействие получению профессионального образования подростками и молодёжью из числа мигрантов и на системную профилактику девиантного поведения;

– **политические технологии, направленные на формирование лояльной молодёжи и подготовку молодёжных лидеров общественного мнения из числа мигрантов**, которые могут быть реализованы через создание специализированных молодёжных площадок, форумов и тренингов. Указанные технологии призваны создать систему «социальных лифтов», которые будут формировать у молодёжи из числа мигрантов лоялистские настроения и стремление интегрироваться в принимающее общество с целью обеспечения наиболее привлекательных условий жизни для себя и своих семей на территории России. Указанные технологии также должны учитывать формирование конкурентной среды внутри молодёжи мигрантов, что позволит создать дополнительные мотиваторы, и осуществлять отбор наиболее способных к дальнейшему сотрудничеству представителей молодёжи из числа мигрантов. При успешной реализации данные технологии позволят сформировать своеобразный «кадровый резерв», который будет целесообразно использовать как на внутреннем, так и на внешнем контуре российской политики, транслируя необходимые российскому обществу и государству политические конструкты как внутри России, так и на территорию среднеазиатских республик;

– **политические технологии, направленные на формирование в медиа-пространстве образа успешно адаптированных и интегрирую-**

щихся в российское общество представителей молодёжи из числа мигрантов, которые могут быть реализованы через создание художественных фильмов, видеороликов, специального контента в социальных сетях и пр. Указанные технологии также смогут транслировать в российское общество и сообщество мигрантов позитивные кейсы, в том числе примеры лояльных молодёжных лидеров общественного мнения из числа мигрантов;

– **политические технологии, направленные на религиозную часть молодёжи из числа мигрантов**, которые могут быть реализованы через деятельность по снижению религиозного дискурса внутри молодёжных сообществ мигрантов посредством пропаганды умеренной религиозности, а также светского образа жизни как наиболее эффективного способа интеграции в российское общество и достижения общепринятой в европейском понимании парадигмы «успешности»;

– **политические технологии по формированию новой «евразийской» интернациональной идентичности**, основанной на историческом опыте совместного существования в рамках единой геополитической платформы, а также общего вклада в развитие СССР и победы над фашизмом. Уместны идеологические конструкции «образа будущего» российского общества и граждан Средней Азии, которые призваны сформировать коллективный патриотизм, распространяющийся как на территорию России, так и всю постсоветскую территорию. Представляется перспективной разработка и внедрение концепции, основанной на перефразированном сербском слогане «Нас с Россией – 200 миллионов», что суммарно соответствует населению Российской Федерации, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Особая роль указанных технологий заключается также в необходимом формировании единого исторического и идеологического базиса, который может быть сформулирован на идеях единого евразийского пространства, а также снижении эффективности латинизации и дерусификации в республиках Средней Азии.

Важнейшим результатом указанных перспективных политических технологий является формирование у молодёжи из числа мигрантов позитивного образа российского общества и государства, что позволит преодолеть существующий сегодня этносоциальный кризис внутри российского общества, обусловленный «тихим» расколом на «своих» и «чужих», что является основной угрозой для жизнеспособности государства и устойчивости социально-политических систем в современной России.

Необходимо также акцентировать внимание на важности создания комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации с учётом многообразия укладов жизни населения и обеспечения соблюдения национальных интересов Российской Федерации, которая на этапе довъездной подготовки (в странах исхода), начальном этапе адаптации в принимающей стране и в постадаптационный период (период интеграции) будет предусматривать адресную работу с при-

нимающим сообществом, членами семей мигрантов и в особенности представителями молодёжи.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

В контексте предложенных выше перспективных политических технологий по эффективной адаптации и интеграции в современное российское общество молодёжи мигрантов из Центральной Азии представляется целесообразным сформировать систему правовых механизмов, регулирующих общественные отношения, связанные с интеграционной политикой Российской Федерации. Эффективность управления миграционными процессами во многом обусловлена правильным подбором правовых механизмов, обеспечивающих включённость мигрантов в повседневную жизнь принимающего их общества, свободную реализацию предоставленных и гарантированных им со стороны государства прав человека.

Требуют нормативного закрепления обязанности работодателей обеспечивать возможность регулярных занятий с привлекаемыми ими мигрантами на базе социально ориентированных некоммерческих организаций, действующих социально-культурной адаптации иностранных граждан.

Необходимо создание законодательных актов об обязательном посещении мигрантами курсов русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации, которые оказывают положительный эффект на процесс адаптации и интеграции. Существенным недостатком данной практики является слабый контроль проводимых экзаменов, результаты которых зачастую фиктивны и не приводят к системному повышению знаний.

Требует также скорейшего правового урегулирования борьба с негативными процессами социальной изоляции мигрантов, приводящими к росту преступности, религиозного экстремизма и снижению эффективности интеграции, т. к. в Российской Федерации на законодательном уровне такие правовые механизмы отсутствуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведения анализа действующих и перспективных политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии в современной России и последующего обзора современного состояния государственной национальной политики, а также миграционной политики современной России, направленной на адаптацию и интеграцию молодёжи мигрантов из Центральной Азии, анализа эффективности существующих политического и правового компонента в указанном направлении сделан ряд выводов и подготовлен ряд предложений.

Российское государство вынуждено поддерживать объём трудовых ресурсов¹⁰ за счёт привлечения мигрантов, преимущественно молодёжи, из стран Центральной Азии, которые не имеют достаточных представлений о местной культуре и ценностях, что в результате повышает общественное напряжение и провоцирует этносоциальные конфликты. Данное обстоятельство в ближайшем будущем может создать серьёзные угрозы для жизнеспособности России и устойчивости её социально-политических систем.

На современном этапе реализации политических технологий по социальной и культурной адаптации иностранных граждан в российском обществе уделяется недостаточное внимание как на федеральном, так и региональном уровне.

Этот факт усугубляется существенными пробелами в современной государственной политике России, законотворческой деятельности в сфере адаптации и интеграции мигрантов, восполнить которые возможно только при условии выработки, внедрения и применения комплекса политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции мигрантов, особенно представителей молодёжи. Регулирование миграционных процессов преимущественно фиксируется в документах стратегического планирования, которые отличаются изобилием декларативных и бланкетных норм, а также не предусматривают в себе положений о молодёжи из числа мигрантов.

Работу по социализации и языковой адаптации детей иностранных граждан, обучающихся в российских общеобразовательных организациях, с одной стороны, рекомендуется организовывать системно, а с другой – учитывать в этой работе индивидуальные особенности социальной ситуации каждого ребёнка.

В контексте «тандема» политического и правового компонентов представляется первоочередной задачей создание комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан.

Условием успешной интеграции мигрантов в российское общество является использование политических технологий «мягкой силы», которые призваны транслировать единую и общую для всех мигрантов систему культурных ценностей («евразийской» интернациональной идентичности), которая, что немаловажно, с высокой долей вероятности будет положительно воспринята коренным населением России.

Важно подчеркнуть, что для эффективного формирования и реализации государственной миграционной политики необходимо более активное профессиональное участие научного сообщества [1, с. 49–54].

¹⁰ Путин заявил о заинтересованности России в притоке мигрантов // Известия: [сайт]. URL: https://iz.ru/1031451/2020-07-04/putin-zaiavil-o-zainteresovannosti-rossii-vpritolkemigrantov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 24.07.2020).

Как справедливо отмечает ведущий специалист в области миграционных процессов профессор В. Ю. Зорин, реализуемая в рамках российской миграционной системы модель управления миграционными процессами, формируемая не только органами государственной власти, но и при активном участии институтов гражданского общества [8], позволяет достичь баланса между политическими, экономическими и демографическими интересами государства и обеспечением национальной безопасности [4, с. 128], что окажет позитивное влияние на ресурс жизнеспособности российского государства и устойчивости его социально-политических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волох В. А. Проблемы институционального обеспечения государственной миграционной политики // *Власть*. 2017. Т. 25. № 3. С. 49–54.
2. Деминцева Е. Б. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 54 с.
3. Зорин В. Ю., Волох В. А., Суворова В. А. Трансформация миграционной политики государств в период пандемии // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. № 3. С. 34–44.
4. Зорин В. Ю. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // *PolitBook*. 2020. № 1. С. 113–128.
5. Леденева В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 296 с.
6. Малахов В. С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 272 с.
7. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Л. Л. Рыбаковский, Ю. Ю. Карпова, А. А. Емельянова, А. А. Раков. М.: Academia, 2009. 431 с.
8. Soysal Y. *Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 186 p.

REFERENCES

1. Volokh V. A. [The issues of institutional provision of the state migration policy]. In: *Vlast'* [The Authority], 2017, vol. 25, no. 3, pp. 49–54.
2. Demintseva E. B. *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ., 2018. 54 p.
3. Zorin V. J., Volokh V. A., Suvorova V. A. [Transformation of the migration policy of states during the pandemic period]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2021, no. 3, pp. 34–44.

4. Zorin V. Yu. [Formation and institutionalization of state migration policy in modern Russia]. In: *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 113–128.
5. Ledeneva V. Yu., Kononov L. A. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoi Rossii* [State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 2021. 296 p.
6. Malakhov V. S. *Integratsiya migrantov. Kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants. Concepts and practices]. Moscow, Mysl' Publ., 2015. 272 p.
7. Rybakovskii L. L., Karpova Yu. Yu., Emel'yanova A. A., Rakov A. A. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve* [Transformation of migration processes in the post-Soviet space]. Moscow, Academia Publ., 2009. 431 p.
8. Soysal Y. *Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 186 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.11.2021

Статья размещена на сайте: 16.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буров Александр Сергеевич – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: aleksandrburov94@gmail.com

Alexander S. Burov – Postgraduate Student, Department of Russian politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: aleksandrburov94@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Буров А. С. Тандем политических технологий и правовых механизмов по адаптации и интеграции молодёжи из Центральной Азии в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Burov A. S. Tandem of political technologies and legal mechanisms for adaptation and integration of the youth from Central Asia in modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 324

Федоров В. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Ежов Д. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАТА: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление способов модернизации подходов к продвижению дистанционного электронного голосования как формы электоральной активности в социальных медиа.

Процедура и методы. Методическим инструментарием исследования является система мониторинга YouScan, с помощью которой анализируются сообщения о дистанционном электронном голосовании, опубликованные в период с августа по сентябрь 2020 г.

Результаты. Полученные результаты исследования позволили сделать вывод о преобладании негативных оценок электронного голосования в России и о необходимости пересмотра подходов к информационной политике его продвижения.

Теоретическая значимость. В статье предложены меры, направленные на формирование позитивного восприятия электронного голосования среди пользователей интернета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дистанционное электронное голосование, выборы, социальные медиа, политическое участие, политическая коммуникация

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Результаты ДЭГ в сентябре 2020 г.](#)

[Оценки сообщений](#)

[Заключение](#)

V. Fedorov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

D. Ezhov

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp. 49, Moscow 125993, Russian Federation

FEATURES OF REMOTE ELECTRONIC VOTING REPRESENTATION IN THE MINDS OF THE RUSSIAN ELECTORATE: RESULTS OF SOCIAL MEDIA ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. The proposed study implies as a goal to identify ways to modernize approaches to promoting remote electronic voting as a form of electoral activity in social networks.

Methodology. The methodological tool of the study is the YouScan monitoring system, which analyzes messages on remote electronic voting published between August and September 2020.

Results. The results obtained made it possible to draw conclusions not only about the predominance of negative estimates of electronic voting in Russia, but also about the need for a radical revision of approaches to the information policy of its promotion.

Research implications. The article suggests measures aimed at forming a positive opinion of electronic voting among the Internet users.

KEYWORDS

remote electronic voting, elections, social media, political participation, political communication

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернет-технологий обуславливает возникновение инновационных форм стимулирования электоральной активности, одной из которых является дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ). В современных условиях появляются дополнительные факторы для презентации ДЭГ как наиболее безопасной формы участия в выборах. В то же время преобладание в широких массах консервативных взглядов на процедуру выборов и организацию избирательного процесса [10], сопровождаемое опасениями в отношении степени легитимности результатов ДЭГ, на которую могут, в частности, повлиять гипотетические хакерские атаки [9], делает актуальным изучение ДЭГ как способа проявления электоральной активности, порождённого развитием информационно-коммуникационных технологий.

По состоянию на 2021 г. ДЭГ на общенациональных выборах используется всего в двух странах – Эстонии с 2007 г. [14] и России с 2020 г. [1]. Полу-

чил также распространение швейцарский опыт, однако власти Швейцарии отказались от ДЭГ в 2019 г. из-за выявленных проблем с безопасностью данных о голосовании. Разработчиком ДЭГ в Швейцарии является национальная почтовая компания Swiss Post. Только три кантона в настоящее время заинтересованы в возобновлении выборов в ближайшем будущем. Новые испытания ДЭГ в Швейцарии начнутся в 2022 г. Власти страны ограничили максимальное количество участников ДЭГ 30% избирателей в кантоне или 10% по всей Швейцарии. В настоящее время правительство ведёт консультации между кантонами, политическими партиями, организациями и учреждениями.

С 2020 г. в России ДЭГ может применяться на всех уровнях выборов. Опыт ДЭГ на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы VII созыва по одномандатным избирательным округам в Курской и Ярославской областях, а также в г. Москве на дополнительных выборах в Советы депутатов районов Бабушкинский и Марьино в 2020 г. в целом был признан организаторами выборов успешным. Однако в социальных медиа преобладали негативные оценки ДЭГ. Авторы транслировали сомнение в честности ДЭГ, заявляя о масштабном административном принуждении госслужащих к участию в процедуре и тотальном контроле над голосованием со стороны государства. Репутации ДЭГ как технологии, свободной от «человеческого фактора», был нанесён серьёзный ущерб.

Зарубежные учёные связывают активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в политику с тем, что в цифровую эпоху правительства могут реже прибегать к открытым насильственным репрессиям, поскольку могут лучше предвидеть и предотвращать потенциальное инакомыслие [12, р. 10]. Некоторые исследователи видят в использовании электронного голосования в России попытку политического режима (характеризуемого ими как авторитарного или гибридного) повысить свою легитимность; они в один ряд объединяют эксперименты и юридически обязательные выборы с электронным голосованием в таких странах, как ОАЭ, Оман, Пакистан, Казахстан и Россия [17, р. 328]. С подобной постановкой вопроса сложно согласиться ввиду того, что российскому электорату свойственна консервативная модель поведения, эксплицируемая патриархальным характером политической культуры, которая никак не соотносится с таким новым явлением, как электронное голосование. Так, Е. Б. Шестопал отмечает: «В России утвердилось понимание того, что для реализации демократических ценностей необходимо сохранение независимости страны, что возможно лишь при сильном государстве. И трактовать это как авторитарный выбор было бы принципиально неверно» [10, с. 16].

Организаторы выборов в России в 2020 г. не смогли дать убедительные ответы, опровергающие обвинения противников ДЭГ, вследствие чего возник кризис доверия. В понимании классика социологии Э. Гидденса доверие

есть уверенность в надёжности человека или системы [11, р. 34]. В нашем случае уверенности в надёжности организаторов выборов и системы ДЭГ в российском обществе было явно недостаточно. В России периода знакомства с ДЭГ – не было вовсе. В марте 2019 г. представители ЦИК России на Московском гражданском форуме впервые публично заявили о возможности использования ДЭГ на выборах депутатов Мосгордумы. Уже через полгода эксперимент состоялся в трёх избирательных округах столицы, в нём участвовали 9810 избирателей. Если в Эстонии на подготовку первого ДЭГ на выборах в органы местного самоуправления потребовалось почти 4 года, то в Москве уложились за 6 месяцев. Безусловно, этого времени мало для знакомства общества с новой технологией голосования. К 2020 г. в общественном мнении России сложилось настороженное отношение к новой форме электорального участия. Фактически страна разделилась поровну на сторонников и противников введения ДЭГ. Согласно данным совместного аналитического доклада ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры «Пионеры интернет выборов»¹, в июле 2020 г. 50% респондентов одобряли ДЭГ, 44% не одобряли, 6% затруднились ответить. В литературе отмечается, что в ходе дополнительных выборов депутатов Государственной думы РФ ДЭГ наряду с трёхдневным голосованием и голосованием на придомовых территориях было одним из способов решения проблемы обеспечения безопасности избирателей во время пандемии COVID-19 [13].

По состоянию на момент проведения исследования опыт использования ДЭГ имели чуть более 1,1 млн российских избирателей, в то время как большинству ещё предстоит его освоить. В связи с этим у политических масс сложился запрос на получение информации об электронном голосовании, источники которой можно разделить на официальные (организаторы выборов, разработчики сервисов голосования, региональные правительства) и неофициальные (новости в СМИ и telegram-каналах, обсуждения в социальных сетях). По нашему мнению, ознакомление с политическими новостями как одна из форм политического участия в значительной степени моделирует электоральное поведение. В связи с этим представляется значимым изучение характера освещения темы электронного голосования в социальных медиа, которые воспринимаются частью электората в качестве свободного и независимого пространства для осуществления коммуникации, а следовательно, обладают большим манипулятивным потенциалом. В литературе отмечается, что «социальные медиа становятся неотъемлемой частью процессов организационной коммуникации, обуславливая поведение граждан, которого было бы трудно или невозможно достичь без применения новых технологий, меняющих среду социализации, способы обмена знаниями и

¹ Пионеры интернет-выборов // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov> (дата обращения: 09.09.2021).

процессы активизации гражданских действий» [6]. На этом фоне отметим, что ряд авторов рассматривает коммуникацию в социальных сетях как значимый фактор протестной активности [3]. При этом популярность автора, выраженная в количестве подписчиков, имеет гораздо большее значение для распространения сообщения в социальной сети, чем его содержательные характеристики [2]. Внимание ряда авторов сосредоточено вокруг проблемы влияния цифровой эпохи на развитие гражданского активизма в современной России [4]. Таким образом, рассматривая ДЭГ в качестве формы электорального участия, представляется рациональным и значимым привлекать для его продвижения в социальных сетях популярных производителей контента, которые смогут выступать не только агентами его продвижения, но и агентами конвенционального политического поведения, перехватывающими инициативу у агентов продвижения неконвенциональных форм политической активности.

Результаты проведённых исследований новостей об электронном голосовании демонстрируют, что на сервисе YouTube преобладают нейтральные и положительные оценки зарубежного электронного голосования и только для России доминируют его отрицательные оценки. Российские видеосюжеты изобилуют негативными оценками, что создаёт предпосылки для формирования недоверия к данной процедуре со стороны избирателей [7]. Преобладание негативных трендов к восприятию ДЭГ среди российских избирателей делает оправданной концентрацию на анализе характера информационного освещения в социальных медиа темы ДЭГ в России в период региональных выборов 2020 г., направленном на выявление отличий в тональности освещения ДЭГ в различных социальных сетях.

Под социальными медиа в контексте настоящего исследования авторы понимают вид массовой коммуникации посредством интернета, осуществляемый на виртуальных площадках, где происходит обмен пользовательским контентом.

Анализ политических новостей и комментариев об электронном голосовании в России на материалах региональных выборов за период 1 августа – 30 сентября 2020 г. осуществлялся по следующей методике: для обработки большого массива данных инструментом поиска выступала система мониторинга СМИ и социальных сетей YouScan. На первом этапе исследования при помощи искусственного интеллекта YouScan выполнялся поиск сообщений по ключевому запросу «электронное голосование». Найденным сообщениям присваивалась одна из трёх оценок (нейтрально, позитивно, отрицательно). На втором этапе исследования выполнялась проверка присвоенной оценки, которая подтверждалась или корректировалась. Необходимо отметить, что автоматизированный поиск допускал ошибки в определении тональности сообщения, если текст изобилует ироническими речевыми оборотами (около 10% сообщений). В связи с этим авторы прибегли к дополнительному

анализу массива текстовых сообщений, которым не была присвоена ни одна из трёх оценок по результатам автоматизированного поиска.

В выборку попали 7200 сообщений, опубликованных 4370 авторами; из них на август приходятся 1958 сообщений и 1092 автора, а на сентябрь – 5242 сообщения и 3278 авторов. Аудитория сообщений об электронном голосовании составила около 610 тыс. пользователей: 160 тыс. в августе и 450 тыс. в сентябре.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЭГ В СЕНТЯБРЕ 2020 Г.

ДЭГ применялось на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы VII созыва по одномандатным избирательным округам в Курской и Ярославской областях, а также в г. Москве на дополнительных выборах в Советы депутатов районов Бабушкинский и Марьино. Через интернет в Курской и Ярославской областях проголосовали 30 тыс. избирателей (7% от общего количества), в Москве таким способом голосования воспользовались 4,5 тыс. избирателей (6,9%). В Курской и Ярославской областях дистанционно можно было проголосовать в течение трёх дней: 11, 12 и 13 сентября. В Москве ДЭГ началось 11 сентября в 08:00 и завершилось 12 сентября в 20:00 по московскому времени. Непосредственно в день выборов ДЭГ в Москве не проводилось. Различия в сроках голосования связаны с тем, что использовались разные цифровые платформы: в Курской и Ярославской областях – федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)²», а в Москве – официальный сайт мэра Москвы³. Возможность проведения ДЭГ на федеральном и региональных порталах госуслуг закреплена в Федеральных законах № 152-ФЗ и № 154-ФЗ.

Победителями ДЭГ во всех случаях стали кандидаты, поддержанные партией «Единая Россия» или официально зарегистрированные как самовыдвиженцы. Так, в Курской области выиграл Алексей Золотарев, набравший 61,73% голосов избирателей, в Ярославской области – Андрей Коваленко (51,66%). Оба кандидата победили и в традиционном бумажном голосовании, став депутатами Госдумы. В Москве в Бабушкинском районе победили самовыдвиженцы – генеральный директор управляющей компании Лидия Киселева (26%) и кандидат юридических наук Илья Лифанцев (25%), а в Марьино – заведующая филиалом детской городской поликлиники № 148 Галина Андреева (42%) и спортивный директор футбольной школы Антон Архичкий (21%). Подобный исход выборов вызвал недовольство у проигравших кандидатов и дал новый повод для инициирования информационной кампа-

² Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: www.gosuslugi.ru (дата обращения: 09.09.2021).

³ Официальный сайт мэра Москвы. URL: www.mos.ru (дата обращения: 09.09.2021).

нии по дискредитации электронного голосования. Ранее в сентябре 2019 г. на выборах депутатов Московской городской Думы в рамках использования ДЭГ также победили кандидаты от «партии власти».

ОЦЕНКИ СООБЩЕНИЙ

Найденные сообщения о ДЭГ были распределены на три группы по тональности: негативные, позитивные и нейтральные. В рассматриваемый период 71% всех сообщений приходится на нейтральные; негативные сообщения составляют 26% и всего 3% отнесено к позитивным (рис. 1). Безусловно, это свидетельствует о безоговорочной победе в социальных сетях противников ДЭГ. В сентябре по сравнению с августом усилилась поляризация, на 3% выросло количество негативных сообщений и на 2% – количество позитивных.

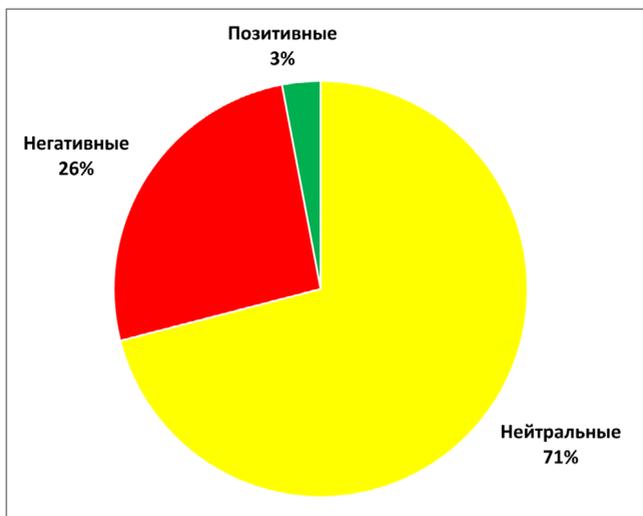

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение тональности сообщений о ДЭГ в августе – сентябре 2020 г. / Sentiment distribution of DEG reports in August – September 2020

В качестве основных интернет-площадок размещения сообщений об электронном голосовании фигурируют: социальные сети «ВКонтакте», Facebook, Twitter, «Одноклассники», Instagram; видеохостинг Youtube, предполагающий наличие возможностей оценки и комментирования размещённого в нём контента; сайты «Новости Москвы – БезФормата», «Московский день», 1wmb.ru, а также сайт «Рамблер Новости», выполняющий функции агрегатора новостей и предусматривающий возможность публиковать комментарии к распространяемому контенту.

Таблица 1 / Table 1

Топ-10 источников сообщений о ДЭГ / Top 10 DEG Reporting Sources

Источник	Упоминаний	Негативных	Позитивных	Нейтральных
«ВКонтакте»	1895	468 (24,69%)	56 (2,95%)	1371 (72,34%)
Facebook	1614	354 (21,93%)	60 (3,71%)	1200 (74,34%)
Twitter	807	378 (46,84%)	15 (1,85%)	414 (50,71%)
YouTube	764	255 (33,37%)	18 (2,35%)	491 (64,26%)
«Одноклассники»	601	240 (39,93%)	48 (7,98%)	313 (52,07%)
«Новости Москвы – БезФормата»	95	12 (12,63%)	1 (1,05%)	82 (86,31%)
«Рамблер Новости»	66	3 (4,54%)	3 (4,54%)	60 (90,90%)
Московский день»	66	1 (1,51%)	6 (9,09%)	59 (89,39%)
Instagram	64	2 (1,28%)	1 (0,64%)	61 (95%)
1wmb.ru	61	1 (1,63%)	1 (0,61%)	59 (97%)

Из данных, приведённых в таблице 1, отчётливо видно, что на долю Facebook и «ВКонтакте» приходится более половины всех опубликованных сообщений (59%), соотношение распределения долей по тональности публикаций одинаковое (более 70% нейтральных оценок). В нашем случае полученные результаты опровергают устоявшееся мнение о том, что Facebook более политизированная социальная сеть, чем «ВКонтакте» [16]. Наиболее поляризованы оценки электронного голосования в «Одноклассниках» и Twitter.

Самой неблагоприятной информационной средой для электронного голосования был Twitter – 46,84% негативных сообщений. Причём в августе было опубликовано всего 13 сообщений, а в сентябре – уже 365. Далее следуют «Одноклассники» – 39,93% и YouTube с 33,37% негативных сообщений. Средний же показатель негатива по социальным сетям был на уровне 24%.

Освещение ДЭГ в YouTube отличается от других интернет-площадок, потому что на этой площадке видеозаписи остаются актуальными в течение продолжительного периода. Если в текстовой социальной сети (Twitter) сообщения в аккаунтах пользователей регулярно обновляются, продвигая на первое место более новые сообщения, то в YouTube большинство пользователей осуществляют поиск интересующей информации по ключевому запросу. Например, по запросу «электронное голосование» пользователь увидит наиболее популярные видеозаписи, созданные ранее. Большинство популярных видеозаписей 2020 г. имеют негативные оценки, поэтому можно с уверенностью прогнозировать, что русскоязычные пользователи YouTube в 2021 г. будут окружены информационным негативом по отношению к ДЭГ.

В целом следует признать, что YouTube является неблагоприятной средой для продвижения интересов российского общества и государства. Общеизвестно, что YouTube и Facebook неоднократно были замечены в политической цензуре, ограничивающей распространение качественных российских информационных продуктов. Подобные действия необходимо рассматривать как прямое проявление агрессивной западной системы информационного противоборства [5], функционирующей в условиях гибридной войны.

Доля положительных оценок электронного голосования ни в одном из источников не превысила 10%. Нейтральных оценок больше всего на сайтах новостных агрегаторов, которые собирают информацию из других СМИ.

Пиковая информационная активность отмечена в период с 11 по 16 сентября, т. е. на протяжении трёх дней голосования и трёх дней после. 11 сентября ДЭГ началось в Москве, а также в Курской и Ярославской областях – в этот день было зафиксировано 605 сообщений; 12 сентября – 318; 13 сентября ДЭГ завершилось в Москве, но продолжилось в регионах – 654 сообщения; 14 сентября стало днём постэлекторальной рефлексии с максимальным количеством сообщений – 735; 15 сентября – 364; 16 сентября – 368 сообщений. На рисунке 2 показана динамика освещения темы.

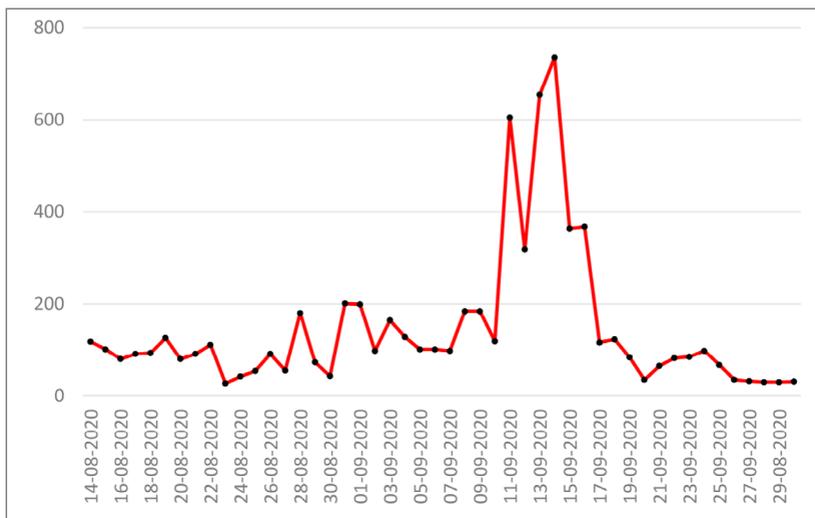

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика сообщений о ДЭГ в августе – сентябре 2020 г. / Dynamics of DEG reports in August – September 2020

Более подробно рассмотрим период 9–18 сентября. На рисунке 3 хорошо заметно, что накануне выборов значительно увеличивается количество нейтральных и негативных сообщений об электронном голосовании, а позитивные оценки всегда находятся в абсолютном меньшинстве. Максимальное

количество негативных сообщений об электронном голосовании (273) против позитивных (всего 61 – в 5 раз меньше) опубликовано 14 сентября.

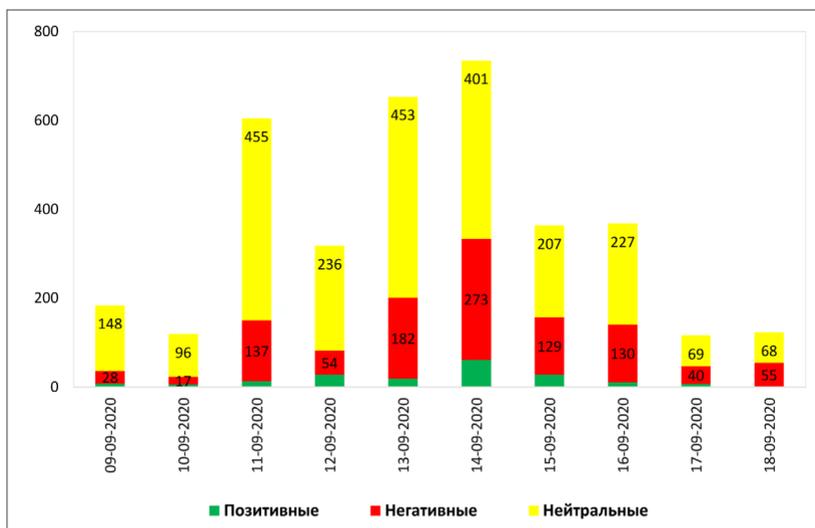

Рис. 3 / Fig. 3. Тональность сообщений, посвящённых ДЭГ 9 – 18 сентября 2020 г. / Sentiment of DEG reports 9 – 18 September 2020

Далее среди многообразия источников сообщений были выделены наиболее влиятельные, которые имеют наибольшее количество подписчиков и максимальную активность в виде репостов. Они формируют вокруг себя эффект «эхо-камеры» [15, с. 1], где коммуникации происходят в основном среди пользователей, которые придерживаются схожих убеждений и не контактируют со сторонниками других взглядов. В результате объединение пользователей формирует структурный элемент медиaprостранства – «информационную капсулу», в границах которой идеи и смыслы не изменяются, а поддерживаются и усиливаются за счёт единогласия участников группы.

Источники сообщений с негативными оценками электронного голосования имеют большой охват аудитории подписчиков и их глубокое вовлечение в виде комментариев, репостов и «лайков». Такие оценки давали представители команды блогера Алексея Навального, приглашённые гости на радио «Эхо Москвы», YouTube-каналы «СПЕЦ», «Радио Аврора», «Оппозиция 2.0», общественный активист Николай Ляскин, Движение Голос, политик Сергей Удальцов и движение Левый фронт, экономист Михаил Делягин, политолог Александр Кынев, проигравший выборы в Мосгордуму в 2019 г., Роман Юнеман, блогер Владислав Жуковский, физик Сергей Шпилькин, адвокат и член «Справедливой России» Александр Тарнавский, член КПРФ из Ростовской об-

ласти Александр Дедович. Источники сообщений, ранжированные по количеству подписчиков, представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Наиболее влиятельные источники негативных оценок ДЭГ / The most influential sources of negative assessments of the DEG

Источник	Количество публикаций	Подписчиков	Площадка
Навальный LIVE	1	1980000	YouTube
Эхо Москвы	2	725000	YouTube
СПЕЦ	2	547000	YouTube
Радио АВРОРА	2	207000	YouTube
ОППОЗИЦИЯ 2.0	2	141000	YouTube
Красная Линия	2	138000	YouTube
Delyagin TV	2	135000	YouTube
Навальный LIVE	1	106495	Twitter
NakanuneTV	2	99300	YouTube
Николай Ляскин	4	73368	Twitter
Левый Фронт	3	68300	YouTube
Владислав Жуковский	5	45300	YouTube
Неунывающие пенсионеры	2	35299	Одноклассники
Движение Голос	2	34576	Twitter
Объединенные юристы	1	31440	Twitter
Sergey Udaltsov	5	17033	Facebook
Роман Юнеман	2	12100	YouTube
Beness Aijo	2	11524	«ВКонтакте»
Alexander Kynev	2	9019	Facebook

Большинство негативных сообщений об электронном голосовании опубликовали не крупные СМИ, а известные активисты и общественные организации граждан в своих аккаунтах. Такие публикации в совокупности набрали около 150 тыс. просмотров. Критиками ДЭГ преимущественно стали те же персоны и организации, которые широко применяют математические методы для оценки легитимности выборов и приходят к ангажированным выводам [8, с. 31].

Отклик аудитории на публикации с положительными оценками ДЭГ меньше, чем с отрицательными оценками. Источники положительных оценок, за исключением «Россия-24» и «Эхо Москвы», имеют гораздо меньший охват аудитории, в их числе: сообщество «ВКонтакте» «Жесть Ярославль», депутат Московской городской Думы VII созыва от фракции партии «Единая

Россия» Людмила Стебенкова, председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников, мэрия города Ярославля (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Наиболее влиятельные источники положительных оценок ДЭГ /
Most Influential Sources of Positive DEG Estimates

Источник	Количество публикаций	Подписчиков	Площадка
Россия 24	4	5500000	YouTube
Эхо Москвы	1	725000	YouTube
Жесть Ярославль	1	150927	«ВКонтакте»
Взгляд	2	54356	Twitter
Татар-информ	1	24300	YouTube
Алексей Шапошников	3	15298	Facebook
Кстати, в Москве	2	15222	«ВКонтакте»
Людмила Стебенкова	3	8766	Facebook
ИА «Ярновости»	1	6377	Facebook
Александр Сухарев	1	6355	Facebook
Мэрия города Ярославля	1	6162	Facebook
Партия Новые люди	1	4730	YouTube
ИА «Ярновости»	1	3593	Twitter
Людмила-Васильевна Стебенкова	1	4082	«ВКонтакте»
Людмила Стебенкова	1	2397	Instagram

На примере аккаунтов депутата Московской городской Думы Людмилы Стебенковой мы видим, что публикационная активность сторонников электронного голосования началась только в сентябре, а в августе подобных публикаций не было. Л. Стебенкова сделала пять публикаций в Facebook, «ВКонтакте» и Instagram. Похожая ситуация наблюдается и в отношении аккаунта председателя Московской городской Думы А. Шапошникова. В то же время противники электронного голосования проявляли активность и в августе, а в сентябре «работали» очень продуктивно.

Нейтральные оценки ДЭГ давали федеральные и региональные СМИ, аккаунты которых в социальных сетях имеют большую аудиторию подписчиков. Тема освещалась преимущественно объективно без акцентирования внимания на рисках или преимуществах ДЭГ (табл. 4).

В разрезе регионов, кроме Москвы, больше всего тему электронного голосования освещали в социальных сетях Курской и Ярославской областей, где избиратели могли принять участие в ДЭГ на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы VII созыва. Публикации сделали курская Телерадиокомпания «Сейм», ярославская «Россия-1. Ярославль»; также со-

общения с нейтральными оценками публиковали сообщества «ВКонтакте» «Управление молодёжной политики, ФКиС г. Курска», «ЕДИНАЯ РОССИЯ Курская область», «Ярославская область ЕР» в Instagram.

Таблица 4 / Table 4

Наиболее влиятельные источники нейтральных оценок ДЭГ /
Most Influential Sources of Neutral DEG Estimates

Источник	Количество публикаций	Подписчиков	Площадка
НТВ	5	9850000	YouTube
Россия 24	39	5500000	YouTube
Телеканал Дождь	1	1580000	YouTube
Мир 24	3	825000	YouTube
Эхо Москвы	4	721000	YouTube
Москва 24	4	654000	YouTube
РБК	4	574000	YouTube
LIFE.ru	1	499016	Facebook
МИР 24	10	219464	Facebook
Жесть Ярославль	3	150927	«ВКонтакте»
Марьино	5	20574	«ВКонтакте»
Алексей Шапошников	3	15298	Facebook
Телерадиокомпания «Сейм» (г. Курск)	4	14800	YouTube
Россия-1. Ярославль	15	11500	YouTube
Общественная палата города Москвы	5	10575	Facebook

Критики ДЭГ отмечали, что система является непрозрачной, но они же (движение «Голос») ещё в июне 2020 г. опубликовали инструкцию по проверке корректности учёта волеизъявления избирателя⁴, в результате выполнения которой избиратель мог убедиться, что его голос подсчитан правильно. Отмечалось также, что ЦИК России не представил для экспертного обсуждения результатов проведённого НИОКР по выбору варианта системы, не были опубликованы исходные коды, не разглашались состав оборудования и его местоположение, имеется возможность создания фейковых аккаунтов на портале госуслуг и голосования «мёртвых душ», отсутствует информация о стоимости разработки системы и договорных обязательствах между ЦИК России и подрядчиками. Безусловно, некоторые замечания являются серьёз-

⁴ Как проверить голос, поданный через систему дистанционного голосования. Инструкция // Голос : [сайт]. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/144459> (дата обращения: 11.07.2021).

ными (например, об отсутствии возможности верификации волеизъявления самим избирателем).

Но нельзя согласиться и с позицией об отсутствии общественного контроля над ДЭГ. Например, его результаты в Москве на дополнительных выборах в Советы депутатов районов Бабушкинский и Марьино могли быть расшифрованы только после объединения 6 флеш-карт, которые были отданы на хранение Ольге Кирилловой (заместитель руководителя Общественного штаба, член МГИК с правом решающего голоса), Вадиму Ковалеву (руководитель Корпуса наблюдателей Общественной Палаты РФ), Илье Массуху (руководитель Э-штаба), Антону Митякову (председатель избирательной комиссии муниципального округа Бабушкинский), Елене Забановой (председатель избирательной комиссии муниципального округа Марьино) и Григорию Мельконьянцу (сопредседатель движения в защиту прав избирателей «Голос»). После завершения ДЭГ флеш-карты вводятся в компьютер, а затем соединяются в одну папку, которая затем отправляется председателю Московской городской избирательной комиссии, а он уже запускает с помощью ключа расшифровку электронного голосования.

ДЭГ в России может быть эффективной формой политического участия при условии доверия общества к этому способу голосования. Однако по состоянию на 2020 г. среди ведущих политических сил России отсутствует консенсус по отношению к ДЭГ. В информационном освещении ДЭГ преобладают негативные оценки, которые формируют к нему недоверие. Значительная часть общества воспринимает ДЭГ как навязанный «сверху» новый инструмент управления выборами в интересах узкой группы политической элиты. Такие смыслы передают информационные акторы, пользующиеся зарубежными источниками финансирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В значительной мере важность позитивного информационного освещения дистанционного электронного голосования в социальных медиа в августе – сентябре 2020 г. была недооценена агентами его продвижения. В связи с этим в социальных медиа преобладали его нейтральные и негативные оценки, при этом противники ДЭГ проявляли гораздо более высокую активность, чем его сторонники. Распространителями негативных оценок электронного голосования были популярные авторы с большим количеством подписчиков.

Абсолютное большинство возможных электронных избирателей является пользователями социальных медиа, которые среди прочей информации получают там новости с отрицательными оценками ДЭГ. Если пользователя социальных сетей не удастся «вытащить» из информационной капсулы отрицательных оценок ДЭГ, у него сформируется устойчивое критическое

мнение, так как большинство влиятельных для него авторов будет пропагандировать отказ и недоверие к ДЭГ. При очевидности того, что напряжённая эпидемиологическая ситуация, вызванная COVID-19, сохраняется и в 2021 г., актуальность широкого использования ДЭГ на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва только возрастёт. Так, в июле 2021 г. на форуме молодых политологов «Дигория» Председатель ЦИК России Э. Памфилова заявила, что технически Центризбирком готов проводить ДЭГ по всей стране. В связи с этим агентам продвижения ДЭГ в перспективе необходимо пересмотреть подходы к его информационному продвижению в социальных сетях, которые являются важным информационно-пропагандистским каналом для формирования общественного мнения.

В то же время принципиальным выглядит замечание, что если у российских избирателей и политических элит не будет уверенности в том, что ДЭГ более честный, надёжный и транспарентный способ голосования, то возникнет реальная угроза недоверия не только к итогам ДЭГ в отдельных регионах, но и к результатам выборов депутатов Государственной Думы, в ходе которых этот способ голосования широко использовался. В настоящее время главными сторонниками продвижения ДЭГ являются представители «Единой России», также умеренный оптимизм проявляется в заявлениях представителей ЛДПР и партии «Новые люди». Наиболее последовательными противниками ДЭГ выступают представители КПРФ и различные группы оппозиции разных идеологических направлений. Необходимо существенно увеличить количество агентов продвижения ДЭГ в регионах его проведения за счёт привлечения авторитетных экспертов федерального и регионального уровня, членов Общественной палаты Российской Федерации и региональных общественных палат, владельцев крупных сообществ в социальных сетях. Представляется, что эффективной площадкой для продвижения ДЭГ могла бы стать китайская социальная сеть TikTok, которая предлагает пользователям загружать и распространять короткие видеозаписи и рассматривается нами в качестве более благоприятной информационной среды по сравнению с другими социальными сетями с точки зрения потенциала цензурирования.

Цифровые технологии предоставляют широкие возможности для перспективного развития ДЭГ, однако его негативное восприятие российским электоратом, формируемое производителями соответствующего контента в социальных медиа, является сдерживающим фактором на пути преодоления кризиса доверия к данной процедуре, равно как и к выборам в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Р. А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 4. С. 25–38. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38
2. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
3. Ахременко А. С., Филиппов И. Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200–225. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10
4. Бродовская Е. В., Тюков Н. А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 199–204. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7157
5. Вилловатов А. В. Некоторые аспекты политики США в области совершенствования национальной системы информационного противоборства // Информационные войны. 2019. № 4. С. 33–37.
6. Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 74–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7137
7. Федоров В. И. Электронное голосование в политических новостях // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики : материалы Пятой международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2020 г. Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 288–291.
8. Федоров В. И., Ежов Д. А. Использование математических методов для оценки легитимности выборов: эвристические возможности и ограничения // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 4. С. 31–37.
9. Фельдман П. Я., Федякин А. В., Ежов Д. А. Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках сематической определенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 210–218. DOI: 10.17223/1998863X/50/18
10. Шестопад Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02
11. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
12. Keremoplu E., Weidmann N. B. How Dictators Control the Internet: A Review Essay // *Comparative Political Studies*. 2020. № 10. P. 1–14. DOI: 10.1177/0010414020912278

13. Krivososova I. Electoral events in Russia during the COVID-19 pandemic: remote electronic voting, outdoor voting and other innovations. Case Study, 4 November 2020, International IDEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/electoral-events-in-russia-during-the-covid-19-pandemic-remote-electronic-voting-outdoor-voting-and-other-innovations-en.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).
14. Lust A. I-Vote, Therefore I Am? Internet Voting in Switzerland and Estonia // SAIS Review of International Affairs. 2018. Vol. 38. № 1. P. 65–79. DOI: 10.1353/sais.2018.0006
15. Petrov A., Proncheva O. Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // Artificial Intelligence and Natural Language / D. Ustalov, A. Filchenkov, L. Pivovarova, J. Tiřka. New York: Springer, 2018. P. 197–209. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_19
16. Reuter O. J., Szakonyi D. Online social media and political awareness in authoritarian regimes // British Journal of Political Science. 2015. Vol. 45. № 1. P. 29–51. DOI: 10.1017/s0007123413000203
17. Romanov B., Kabanov Y. The Oxymoron of the Internet Voting in Illiberal and Hybrid Political Contexts. // Krimmer R. et al. Electronic Voting. E-Vote-ID 2020. Lecture Notes in Computer Science, vol. 12455, 2020. Berlin: Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-60347-2_12

REFERENCES

1. Alekseev R. A. [Blockchain Technology in Elections: Past, Present and Future]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniĭ* [Journal of political research], 2020, vol. 4, no. 4, pp. 25–38. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38
2. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. [Network vs Message In Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 2, pp. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
3. Akhremenko A. S., Philippov I. B. [Impact of the Violent Suppression of Protest on its Discussion in Social Networks]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 5, pp. 200–225. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10
4. Brodovskaya E. V., Tyukov N. A. [Methodology of applied political research of civic activism in social media of modern Russia]. In: *Vlast'* [The Authority], 2020, vol. 28, no. 2, pp. 199–204. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7157
5. Vilovatykh A. V. [Some Aspects of the US Policy in the Sphere of Improving the National System of Information Warfare]. In: *Informatsionnye voiny* [Information wars], 2019, no. 4, pp. 33–37.
6. Pyrma R. V. [Concepts of civil activism in the digital space of communications]. In: *Vlast'* [The Authority], 2020, vol. 28, no. 2, pp. 74–81. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7137
7. Fedorov V. I. [Electronic voting in political news]. In: *Upravlenie gosudarstvennoe, munitsipal'noe i korporativnoe: teoriya i luchshie praktiki: materialy Pyatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*,

- Rostov-na-Donu, 16–17 oktyabrya 2020 g.* [State, municipal and corporate management: theory and best practices: materials of the Fifth International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, 16–17 October, 2020]. Rostov-on-don, Rostovskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya Publ., 2020, pp. 288–291.
8. Fedorov V. I., Ezhov D. A. [The Use of Mathematical Methods for the Evaluation of Legitimacy of Elections: Heuristic Opportunities and Limitations]. In: *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral Law and Practice], 2020, no. 4, pp. 31–37.
 9. Feldman P. Ya., Fedyakin A. V., Ezhov D. A. [The technologies of election interference: scientific understanding in search of semantic certainty]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, no. 50, pp. 210–218. DOI: 10.17223/1998863X/50/18
 10. Shestopal E. B. [Quarter-century-long project: Study of the images of authorities and leaders in post-Soviet Russia (1993–2018)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no. 1, pp. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02
 11. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 186 p.
 12. Keremoplu E., Weidmann N. B. How Dictators Control the Internet: A Review Essay. In: *Comparative Political Studies*, 2020, no. 10, pp. 1–14. DOI: 10.1177/0010414020912278
 13. Krivososova I. Electoral events in Russia during the COVID-19 pandemic: remote electronic voting, outdoor voting and other innovations. Case Study, 4 November 2020, International IDEA. Available at: <https://www.idea.int/sites/default/files/electoral-events-in-russia-during-the-covid-19-pandemic-remote-electronic-voting-outdoor-voting-and-other-innovations-en.pdf> (accessed: 09.10.2021).
 14. Lust A. I-Vote, Therefore I Am? Internet Voting in Switzerland and Estonia. In: *SAIS Review of International Affairs*, 2018, vol. 38, no. 1, pp. 65–79. DOI: 10.1353/sais.2018.0006
 15. Petrov A., Proncheva O. Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers. In: Ustalov D., Filchenkov A., Pivovarova L., Tsihka J. *Artificial Intelligence and Natural Language*. New York, Springer, 2018, pp. 197–209. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_19
 16. Reuter O. J., Szakonyi D. Online social media and political awareness in authoritarian regimes. In: *British Journal of Political Science*, 2015, vol. 45, no. 1, pp. 29–51. DOI: 10.1017/s0007123413000203
 17. Romanov B., Kabanov Y. The Oxymoron of the Internet Voting in Illiberal and Hybrid Political Contexts. In: Krimmer R. et al. *Electronic Voting. E-Vote-ID 2020. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 12455, 2020. Berlin, Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-60347-2_12

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.11.2021

Статья размещена на сайте: 10.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федоров Владислав Иванович – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: president@lenta.ru

Vladislav I. Fedorov – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Dmitriy A. Ezhov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of Russian Federation; e-mail: president@lenta.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Федоров В. И., Ежов Д. А. Особенности репрезентации дистанционного электронного голосования в сознании российского электората: результаты анализа социальных медиа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Fedorov V. I., Ezhov D. A. Features of remote electronic voting representation in the minds of the Russian electorate: results of social media analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 321.022

Хабаров И. А.*Аппарат Общественной палаты Тамбовской области
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 118, Российская Федерация*

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОШЛОГО В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА: «IT'S NOT EVEN PAST» (К ВОПРОСУ АКТИВАЦИИ СИСТЕМОБРАЗУЮЩИХ РЕЗЕРВОВ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление политического потенциала единиц прошлого в процессе формирования и структурирования пространства.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов к оценке категорий прошлого относительно настоящего и будущего в контексте организации и реализации символической власти.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности использования единиц прошлого при формировании комплексного материального и нематериального пространства в стратегических и тактических целях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования представляют авторский вклад в развитие теории политического пространства и самоорганизации сообществ, могут быть использованы при проведении политических кампаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

формирование пространства, освоение пространства, сообщество, управление прошлым, символические ресурсы

I. Khabarov*Office of the Public Chamber of the Tambov region
ul. Sovetskaya 118, Tambov 392000, Russian Federation*

THE SYMBOLIC POTENTIAL OF THE PAST IN THE PROCESS OF CONSTRUCTING SPACE: "IT'S NOT EVEN PAST" (ON THE ISSUE OF ACTIVATING SYSTEM-FORMING RESERVES)

ABSTRACT

Aim. The purpose of this article is to identify the political potential of the units of the past in the process of formation and space structuring.

Methodology. The main content of the study is represented by the analysis of approaches to assessment of the categories of the past relative to the present and the future in the context of organization and implementation of symbolic power.

Results. Within the framework of this study, peculiarities of use of units of the past in the formation of complex material and non-material space for strategic and tactical purposes were revealed.

Research implications. The results of the research represent the author's contribution to the development of the theory of political space and self-organization of communities. They can be used in conducting political campaigns.

KEYWORDS

space formation, space development, community, management of the past, symbolic resources

ВВЕДЕНИЕ

Темпоральное измерение политических процессов представляется одним из перспективных направлений реализации исследовательской активности. Актуальный ландшафт пространства жизнедеятельности современных сообществ формируется как физическими единицами, так и заинтересованной коммуникацией, при этом развитие информационных технологий принципиальным образом меняет скорость взаимодействия акторов (обменных процессов), горизонтальной и вертикальной коммуникаций, предоставляет новые возможности инженерии символического пространства. В этой связи сфера политического и административного управления, равно как и конкуренции и компромиссов, не только включает фактические единицы современности, но предполагает использование ресурсов различных сегментов стрелы времени. Современность предлагает убедительные примеры работы с символами прошлого, не только трансформирующие представления об отдельных явлениях и событиях, но и формирующие мироощущение и устойчивые модели поведения.

Работа с единицами прошлого осуществляется в пространстве символического. В этой части в статье находят отражение элементы теоретических моделей П. Бурдьё [2] и М. Эдельмана [18]. Работа с категориями прошлого в их взаимосвязи с настоящим и будущим в авторской модели предполагает обращение к наследию Н. А. Бердяева¹, М. Хайдеггера², Ж.-П. Сартра³, А. Шопенгауэра⁴. Отчасти здесь же затрагивается важная проблема индивидуальной и коллективной памяти. Среди других исследований, посвящённых памяти, назовём работы А. Ассман⁵, П. Рикера⁶, а также работы Д. А. Щербакова [17], К. П. Швецова [16], Л. П. Репиной [12], О. Ю. Малиновой [8]. Закономерным образом указанные сегменты проблемного поля имеют прямое отно-

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.

² Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: АСТ, 2012. 925 с.

⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. 672 с.

⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

⁶ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

шение к вопросам развития исторического знания⁷, позиционирования его носителей в политическом пространстве.

Целью настоящего исследования выступает выявление политического потенциала прошлого в его различных ипостасях в процессе формирования пространства и его структурирования. Для достижения указанной цели предполагается последовательно решить задачи, связанные с рассмотрением проявлений единиц прошлого в настоящем и перспективе будущего, а также с оценкой использования потенциала единиц прошлого в контексте реализации практик освоения пространства и ресурсов акторами сообщества. При написании статьи использовались научные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии.

ПРОШЛОЕ: МНОГОСЛОЙНАЯ СО-ВРЕМЕННОСТЬ В АКТУАЛЬНОМ СО-БЫТИИ

Важнейший сегмент символического фронта – темпоральное измерение существования пространства, управление прошлым, настоящим и будущим. Арсенал борьбы в символическом пространстве включает, как свидетельствуют результаты исследования признанного специалиста в данной сфере М. Эдельмана, метафоры, языковые обороты, эмоции и массовые страхи, которые получают выражение в конкретных насильственных / ненасильственных акциях и актах умиротворения, бенефициарами которых являются носители интересов (группы элит). При этом в оперативном смысле именно человеку (подчеркнём: гражданину «города», но не жителю «леса») присущи практики символической ревизии (рекомбинации) событий прошлого – не без влияния в области чувств [17]. Иными словами, символический фронт включает значимые и ёмкие с точки зрения инструментального воздействия вневременные категории, *объединяет редакцию прошлого и проект будущего в единой точке настоящего.*

Речь идёт о способностях, раздвигающих рамки времени и (как следствие) пространства, связывающих повседневность и прошлое, совершающих поворот к развитию и будущему [3]. Их носители активны и имеют существенные культурные (символические) резервы. Последние позволяют существовать в объективном «гражданском» настоящем, трансформируя его посредством созданных символов и смыслов вне пространственно-временных границ пространства в коридорах развития, роста и прогресса. При этом *неминуемо обращение к практикам конструирования пространства.* Неслучайно исследователи зачастую видят в актуальном сегодня «темпоральном повороте» подтекст политического конструирования матрицы прошлого, настоящего и будущего с их демаркацией [9].

⁷ Бульман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности / пер. с англ. А. М. Руткевич. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 208 с.

Прошлое как активно действующая сила – с одной стороны – и как сфера управления – с другой – традиционно и прочно находится в спектре внимания акторов символической власти, включая мыслителей, писателей, журналистов. Фразы «Прошлое не умирает, это даже не прошлое»⁸ (с последующими отсылками к У. Фолкнеру из литературы рубежа XX–XXI вв. и дополнением относительно вовлечённости во вневременные сети, преследования со стороны образов, восходящих к «тусклым драмам детства», острой восприимчивости данных образов вопреки повседневности⁹, а также уточнениями Б. Обамы относительно «не прошедшего и не похороненного» прошлого¹⁰) и «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»¹¹, выпущенные в публичное пространство в самой середине XX в. и давно переросшие изначальный контекст, собственным потенциалом сегодня продолжают доказывать *действительность и действительность*.

Лозунг генерала Флемминга «Лафайет, мы идем!» П. Бурдые посчитал достаточно иллюстративным в ходе рассмотрения ретроспективной реконструкции прошлого и приведения его модели в соответствие с задачами современности [2]. В этой связи следует привести отмечаемую К. П. Швецовым в контексте рассмотрения включения прошлого в символический порядок настоящего мыслителями XVIII–XX вв. гегелевскую позицию относительно подчинения прошлого и введения его в символический универсум настоящего. Образы здесь фигурируют в воспоминаниях и на более высоком уровне – в памяти, являются условием возникновения символического. Проведённый анализ свидетельствует о «необратимости обращённого к нам голоса прошлого»: прошлое, рассматриваемое в качестве влиятельного «хранилища следов», «системы непрерывной трансляции», «переиздания событий» зависит от средств и способов коммуникации; в качестве особых импульсов здесь выступили изобретение письменности, появление книгопечатания, создание современных электронных СМИ, интернета и пр. Данный вектор нивелирует разрыв между прошлым («вездесущим и неуловимым», субъектом «беззаконного вторжения у самого порога настоящего и определяющего динамику происходящих в нём событий») и настоящим [16]. Именно *влияние прошлого на динамику современности следует особо подчеркнуть, имея в виду динамику активного совместного бытия (материального и нематериального) сообщества и сопутствующие практики вовлечения, процессы освоения и развития пространства, горизонтальной и вертикальной коммуникации.*

⁸ Faulkner W. Requiem for a Nun. New York: Vintage Books; Random House, 1975. P. 230.

⁹ Iles G. The Quiet Game. New York: Dutton, 1999. P. 63.

¹⁰ Obama B. A More Perfect Union // American Rhetoric : [сайт]. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobamaperfectunion.htm> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989. С. 49.

Согласно Н. А. Бердяеву, прошлым считается историческая действительность, которая является действительностью подлинной и частью вечной действительности. Мыслитель указывает на ущербность «замыкания» действительности от внешнего воздействия, «разрыва» настоящим (признать существование только «нашего злого и больного времени») прошлого и будущего¹². Ю. М. Лотман относительно символической системы городского локалитета обращает внимание на сущностный городской механизм систематического воспроизводства прошлого, синхронно сопологающегося с настоящим вопреки времени¹³.

В этой связи П. Рикер подчёркивает *производительность прошлого* (человек – его прямой продукт, форма и содержание, его бытие – причащение к вечности), необходимость встречи с ним «глаза в глаза» («в лоб») в философском дискурсе и посредством памяти («припоминания» «человека могущего») ¹⁴. Человечество накапливает колоссальный запас опыта, фиксируемого широким кругом материальных и нематериальных предметов. Принципиальным вопросом являются мобилизация и демобилизация востребованных субъектом управления действенных символов; отмечаемое П. Бурдьё и проанализированное отечественными и зарубежными исследователями историческое «воссоздание» объектов [12].

С другой стороны, только в комплексе с настоящим прошедшее получает целостность и смысл. Герменевтика охватывает все аспекты интерпретаций, как отмечает Н. В. Солнцев, – *понимания* (центральное понятие) всех форм информации. Понимание мира как такового и текущих явлений современности возможно только в связи с прошлым как важнейшим обстоятельством их становления [14]. Согласно одной из версий презентизма – «пульсирующей точки настоящего» (вне линейного времени, «без хронологии»), базирующегося на специфических связях прошлого, настоящего и будущего, одно из них доминирует с учётом того или иного периода и культуры. Речь идёт, в частности, о стирании дистанции между прошлым и настоящим, бытии в «расширенном настоящем» на одномерной территории памяти. Пример Нюрнбергского трибунала (не без поправок на процессы международной политики и борьбы на символическом поле в Европе в XXI в.) и признания преступлений *без срока давности* есть один из знаков этого состояния (подтверждение существования вечных преступников и врагов). Прошлое не только «мемориализуется», но и «юридифицируется», что является вызовом «историческому» времени [7].

Включение и исключение (оживление и забвение) единиц прошлого, работа с предметами, относимыми к истории (целенаправленное опредмечива-

¹² Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 51–57.

¹³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 325.

¹⁴ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 11.

ние) суть контроль над временем. Данный контроль помогает обеспечить прочтение / систематизацию / организацию пространства.

Обратный процесс символического (политического) зывания к жизни и активизации явлений, уже имевших место, – *деконструкция и выведение*, «умерщвление» прошлого в его тех или иных единицах (не вписывающихся и опасных для актуальной картины, социальной конструкции, реальности, пространства) как невозвратно утраченных предметов. Данный процесс отражает политическую борьбу, протекающую в неуловимом, но заземлённом возможностью принятия решений – т. е. действенном – настоящем, впитавшем влиятельные образы и векторы прошлого.

В этой связи стоит упомянуть понимание «прошедшести прошлого», которое мы встречаем, в частности, у Б. Бевернажа. Восприятие прошедшести (время как инструмент исключения) определённого явления учёным ставится под сомнение, т. к. неразрывно с существующими отношениями власти, их обоснованием. Прошлое тесно связано с присутствием настоящего (*presence of the present*), настоящее постоянно «колонируется» ностальгией. Как показывает анализ посвящённых данной теме исследований, современные технические средства обеспечивают бесконечность в хранении памяти, что не позволяет «оставить прошлое позади», выяснить, что относится к настоящему, а что – к прошлому (литература, архитектура и т. д.). Миры древности, Средневековья и пр. переплетены в едином узле времени. «Не утраченное» прошлое вносит разлом в современное целостное коллективное восприятие настоящего, консолидацию относительно «нашего времени». Оно *опровергает логику «прошлое» – «несовременное» – «старомодное» – «устаревшее»* (– «не существующее»). Факт простого хронологического предшествования не свидетельствует о прошедшести, действительном несуществовании [1]. Б. Бевернаж вполне закономерно выходит на *«рукотворные» процессы конструирования современности и прошедшести* – не только монопольную деятельность профессиональных историков, но тысяч иных акторов (иных заинтересованных и мастеровитых «рук»).

В логике представлений о следе Ж. Деррида данный феномен является обозначением как исчезновения начала, так и того, что начало вовсе не исчезло, исполняет связующую функцию между первоначалом и современностью¹⁵. Дискурс представлен множеством следов, отсылающих к первоначалу; существующий культурный ландшафт составляют знаки, смыслы, феномены, события – следы (посредники), отсылающие к тому, что его оставило [11]. Прошлое, безусловно, оставляет осязаемый след.

В контексте работы с наследием М. Хайдеггера¹⁶ показателен опыт умозрительного помещения предметов прошлого в музей и возвращения их к бы-

¹⁵ Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вступ. ст., комм. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 187.

¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

товому использованию в транзите от «исторического» к «нашему». Музейные артефакты во многом нам современны («наличествуют» в мире). Под «прошлым» или «историческим» в показательных высказываниях «от прошлого не уйдёшь» и «история всё расставит по местам» подразумевается нечто, действенное и продолжающееся, оказывающее влияние на настоящее [6]. Как отмечает Д. А. Щербаков, прошлое имеется даже у субъектов, лишённых памяти; в обыденных условиях прошлое существует вне зависимости от нашего отношения к нему (наших мыслей о нём); оно стимулирует творческую активность, довлеет и подавляет либо вдохновляет и окрыляет, утешает и тревожит, дарует гордую причастность и желание освободиться (освободиться можно только от существующего) – *демонстрирует присутствие (отношения, связи) и оказывает безусловное влияние, что актуализирует вопрос управления данным политическим действием*. Бытие в данном случае справедливо включает материальную, идеальную, социальную материи, а реальность – всё существующее материальное и духовное [17]. С одной стороны, присутствие прошлого, с другой – его влияние стимулируют процессы контроля и управления в отношении индивидуальных и коллективных акторов.

Исторична любая вещь, любая вещь обладает символическим потенциалом. Атрибут настоящего перманентно преобразуется в артефакт прошлого, попадает в фамильные предания и на страницы учебников (каталогов антиквариата, рекламные проспекты и пр.), в семейные архивы и музей, взывается к жизни как историей повседневности, так и политическим, экономическим и прочим контекстом («контекстуализаторами» – инженерами и дизайнерами пространства).

Принципиальная вилка относительно прошлого расходится в соответствии с логикой «прошлое уже нет» либо следует логике «прошлое есть / у каждого есть своё прошлое». Существующие теоретические конструкты и их отдельные элементы стимулируют дальнейшие исследования прикладного использования символических единиц прошлого.

ПРОШЛОЕ КАК РЕЗЕРВ УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ И НАПРАВЛЕНИЕ ОСВОЕНИЯ

Использование символического потенциала прошлого составляет востребованный резерв контроля не только со стороны административной власти, но и со стороны иных элит в самых различных государствах и политических системах. Зарубежные исследователи при этом зачастую используют российский материал. В числе значимых выводов, полагаем, универсальных для различных политических систем, – обращение к страницам прошлого всегда представляет собой политический процесс [19]. Как отмечает А. Ассман, разбирая примеры формирования т. н. памяти победителей в контексте

управления историей (редактирования прошлого), память тесно связана с вопросом власти и управления¹⁷.

История, таким образом, есть не «застывшая политика», а «политика сегодня» и «политика завтра». Она влияет на формирование физической и коммуникативной реальности и политический процесс *силой вызванных к жизни перманентно присутствующих в символическом пространстве сущностей*.

Прошлое, существующее безотносительно нашего восприятия его¹⁸, составляет контент, единицы которого могут быть активированы и символизированы. Символические единицы из незримого для обывателей пула прошлого могут подлежать частичной активизации и творческой рекомбинации в разрезе эпох и цивилизаций. Значимость управления историческим прошлым стимулирует введение в научный оборот понятия «клиопедия» для обозначения специфического сегмента теории и практики, нацеленного на пересмотр существующих мифов и конструирование новых, пересмотр построения системы смыслов в сообществе. Как в этой связи отмечается, клиопедия (менеджмент мифотворчества) применима в контексте политической борьбы в актуальных условиях «сдвига сознания актора в сторону самого себя» (усиление субъективного начала), укрепления приоритета личного над общественным (государственным) [10]. Мифотворчество выводит исторический процесс за пределы профессионального круга, связанного со схематизацией, выстраиванием «популярной» логики упрощённого (адаптированного) описания событий и явлений, исторического процесса. Схематизация – путь освоения во времени – прошлым, настоящим, будущем.

К. Лоренц приводит взгляд Ф. Артога на «наше дважды задолжавшее настоящее»: оно распространяющееся на будущее и прошлое через осторожность, ответственность, необратимость, наследие и долг (в первом случае), обязанность помнить, трансформацию всего сущего в наследие (во втором случае). Ф. Артог также отмечает *наслоение времён* (человек в настоящем обращается одновременно к носителям Древнего мира и прошлого века в той же мере, сколь к продуктам сферы науки и популярной культуры), режимов темпоральностей; тот или иной человек в зависимости от субъективной позиции относится к настоящему по-разному, а режимы историчности не отмирают безвозвратно и готовы к воссозданию [7]. Соответствующим образом в XXI в. вырабатываются актуальные подходы к пониманию роли профессиональных историков в современном мире [15] – с учётом наличных символических ресурсов и статусов, отношений власти в самом широком аспекте.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 289.

¹⁸ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2012. 925 с.

Каждый из слоёв («времен») со-временен человеку настоящего, обладает потенцией влияния – резервом управления и инструментом конструирования пространства и со-бытия. *Реалии множественной вариативной и прикладной (с позиций темпорального освоения-конструирования) со-временности – условие развития со-общества в систематизированном пространстве с генеральными векторами течения истории.*

Ретроградное освоение-опредмечивание связано с интерпретацией фактов, событий, явлений. Явления, одушевлённые и неодушевлённые предметы прошлого выстраиваются в процессы (логические схемы, системы, иерархии), осваиваются путём включения в рисунок символического пространства – взаимосвязанных личного и публичного. Предметы материального мира как вещественные источники наполняются символизмом и привязывают историю к настоящему, облегчают *схематизацию*. Результаты финальной систематизации и публичной схематизации (упрощение до очевидности, не требующей пояснений и доказательств) продвигаются и закрепляются в социуме посредством, с одной стороны, многоаспектной популярной культуры, с другой – формирования типа сознания, готового к её потреблению при минимальных критических реакциях (что не исключает практики бриколажного рекомбинирования). Реалии XXI в. виртуализации и цифровизации ускоряют тенденции по обоим направлениям (от комиксов – к виртуальным мирам компьютерных игр и иным виртуальным пространствам).

В оперативном порядке, повседневной динамике прошлое активно монетизируется в сопоставлении с процессами более высокого уровня, приведёнными выше, приобретая порой ироничный характер. В сфере моды эксперты отмечают явление «ретро» – повторение и имитацию старого в новых условиях, постоянную апелляцию к культурной памяти и цитирование воспоминаний, что порой порождает суждения относительно наступления «эры эксгумации» [4]. Дизайн в моде, архитектуре, убранстве помещений и пр. с использованием безграничных резервов прошлого в различных комбинациях наиболее иллюстративен, но не эксклюзивен, применим в иных сферах жизнедеятельности – от организации пространства до программных политических текстов и речей.

Показателен современный феномен винтажа: во-первых, в исходном значении наиболее ценного как наиболее старого – из сферы виноделия (тем самым более широкое звучание приобретает время «в пересчёте на личную ценность»); во-вторых, в маркировке актуального к использованию времени вопреки (например, консервация технологических атавизмов); в-третьих, это – модная старообразность («дословные цитаты» из прошлого или реплики). Стилизация («якобы старина») всегда менее бескомпромиссна и герметична, чем аутентичная старина. При этом подчёркивается не работа с прошлым, а лишь «незамысловатая» эксплуатация формы прошлого

[13], дизайнерское ироничное цитирование¹⁹. Это оправдание прошлого и подчеркнутая современность, универсальная «вписываемость» единиц прошлого в настоящее, или – *приглашение к более популярному повседневному рыночному бриколажу* в культуре, публичной политике, экономике и пр.

Упрощение и нацеленность на широкое потребление, тем не менее, за счёт «авторитета времени» («прислонённости» к ценности прошлого) приближает к внешней элитарности и «надсиюминутности», с учётом черт, присущих именно не оригиналам, но историческим репликам, – *свободы креативного дизайна, пребывания вне времени*. Феномен винтажа имеет выраженный технологичный, прикладной характер, определённую маркетинговую ценность с акцентом на знаки прошлого, претендует на аристократизм.

Это тактическое обращение к ресурсам прошлого не отрицает, а подчёркивает возможности стратегического системного и стабильного вневременного освоения (потребления) с подпиткой из культурных глубин прошлого – не атавизма и анахронизма, а точки роста.

Проводники, включая символические, формируют пласты материальной культуры, создающие окружающую человека социально-техническую среду, источающую импульсы и раздражения предыдущих времён и поколений, что, безусловно, влияет на его поведение. Материальные носители наделаются при этом свойством символизации.

Согласно подходу Р. Дебре к передаче в динамике транзита информации в исторической перспективе, сквозь пространственно-временные сферы (в сравнении с коммуникацией как переносом информации в одном пространственно-временном поле), акции «тела» (но не «техники», как порой бывает в случае коммуникации) данный процесс также связан с ритуалами и традициями, пронизывающими время и поколения, и в целом, в категориях французского исследователя, с феноменом «человека передающего». Соотнесение «когда-то» с «теперь» формирует непрерывность и, по убеждению Р. Дебре, культуру²⁰. Именно человек как носитель активной деятельности возвышается, передаёт, формирует в длинной («культурной») перспективе – управляя вещами и техникой, оперируя символами и вовлекаясь в их композицию. Передача Р. Дебре транслирует практики через поколения, делает символические системы координат с соответствующими установками и моделями поведения (грады) вневременными пространствами, имеющими своих граждан в различные эпохи.

В этом контексте интересно сопряжение теоретико-методологических систем Р. Дебре и П. Сорокина (в том числе, передачи первого и проводников второго), предложенное Е. А. Горячевой и К. П. Лазебной. Исследователи применяют красноречивый термин «long-dated символ» для обозначения

¹⁹ Dubin T., Berman A. E. *Vintage Style: Buying and Wearing Classic Vintage Clothes*. New York: Harper Collins, 2000. P. 73.

²⁰ Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. С. 13–62.

символических посредников, связывающих различные пространственно-временные сферы («up-to-date символ» – в пределах одной сферы). Подчеркнём, что транзит от «up-to-date символа» к «long-dated символу» приводится в контексте реализации потребительских практик и передачи во времени-пространстве коллективного опыта, знаний и культуры [5]. При этом в потребительском процессе задействуются как аутентичные («старые») вещи, так и стилизация («винтаж»).

Элементы прошлого вкладываются в линейные внешние сюжеты интерпретаторов с простыми и понятными ответами для широких слоев населения. Данные ответы призваны *обосновывать реальность в настоящем и проектировать будущее, обеспечить их легитимность*.

Актуальные условия в оперативном аспекте повышают значение носителей необходимых профессиональных знаний, соответствующего звена символического капитала – историков, пополняющих ряды «сержантов и пехотинцев символического фронта»: аналитиков и экспертов медийной сферы, политтехнологов и пр. Речь идёт о значении для политических, экономических, культурных и прочих процессов («борьба брендов» и «ситуация борьбы брендов»). В отношении носителей исторического знания, по мнению Р. Бульмана, исследовательская субъективность не влечёт ложности, но демонстрирует «точку зрения», а феномены истории не являются собственно собой в индивидуальном изолированном бытии, но значимы лишь в их отношении к будущему (лишь в будущем доказывают свою сущность и значимость). Смысл истории всегда в настоящем, а скептикам в поисках смыслов предлагается не замахиваться на мировую, а обратиться к личной истории. Исследование, с позиций Р. Бульмана, предполагает умение «вслушиваться в притязания исторического феномена»²¹ или – *владение магией взывать (с учётом субъективных возможностей историка, его индивидуальности как обстоятельств личного участия, полноценного анализа) к жизни прошлое в его отдельных проявлениях, выстраивание контекста*.

Мировая и личная истории, формирование публичного и личного пространств соответствующей генерацией смыслов взаимосвязаны. Особый эффект управления историей достигается наложением памяти в личном (семейном, родовом) пространстве и «памяти народа», совмещением семейных историй, мифов, ритуалов и символических доминант публичного пространства, бытовых и исторических / политических сюжетов («подтверждение частностями справедливости и подлинности общего как системы»).

На основании комплексного исследования О. Ю. Малинова в качестве инструментов исторической политики и политики памяти как элементов символической политики выделяет коммеморацию (управление тем, что

²¹ Бульман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности / пер. с англ. А. М. Руткевич. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. С. 141–196.

надо забыть, и тем, что надо помнить, – взывание к жизни и демобилизация единиц прошлого) с соответствующей инфраструктурой (музеи, памятники и пр.), праздниками (ритуалами), произведениями искусства [8].

Итак, распоряжение символическим капиталом предполагает сакральное (магическое) *управление временем* в измерениях прошлого, настоящего и будущего. Во-первых, настоящему («точка доступа») отводится роль принципиального контрапункта, момента управления: здесь происходит активизация единиц прошлого в необходимой конфигурации и в соответствии с реализацией актуальной повестки настоящего. Во-вторых, управление прошлым – настоящим обеспечивает управление будущим. В-третьих, данные механизмы включаются при работе с памятью – управлении мобилизацией и демобилизацией образов прошлого (условиями явления образов прошлого в сознании).

Машина освоения посредством точек доступа в настоящем следует по всем направлениям в обоих векторах стрелы времени. Обладая сущностной политической потенцией, она проявляется в интерпретациях – от мировой истории до классической драматургии (переосмысление сюжетов с отражением актуальных трендов, в том числе расовой, гендерной и иной толерантности: чеховский Фирс по-прежнему влиятелен, но испытывает очевидное влияние, будучи представлен в театральной постановке чернокожей девушкой или трансгендером).

Конструирование прошлого (освоение и присвоение, охозяивание, дизайн, схематизация и систематизация), его «включение» является важнейшим аспектом формирования актуального пространства. Оно создаёт идентичность в формате не только сообщества и города (либо национальности), но ценностного града с соответствующими идентичностями. В контексте вовлечения в социальную динамику и пространство речь идёт не о «соблазнении прошлым», но соблазнении как таковом и «соблазнении для будущего», т. е. свершившегося факта и его перспективах (следствиях).

Управление временем – есть управление не только историей, но и моделями организованного бытия (символического, коммуникативного, физического), градами. Управлять временем – признать его целостность, – в категориях Н. А. Бердяева – перешагнуть «культ будущего», предполагающий поворот от прошлого, вырваться из «мгновения сомнительного настоящего» и управлять памятью (которая есть «борьба со смертоносной властью времени во имя вечности»), потеря которой является главным признаком сумасшествия²². Недостаток памяти А. Шопенгауэр также относил к сфере безумия (как минимум – тупоумия)²³ или несистематизированного «разорванного» пространства и самоощущения в нём.

²² Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 57–58.

²³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. С. 68.

Представляется, что ретроградное освоение следует рассматривать не в качестве ухода от настоящего («прыжка в прошлое»), но в контексте формирования символического пространства и освоения с использованием действенного инструментария влияния, активизации прошлого (его элементов) и выстраивания на этой платформе стратегических горизонтов развития, т. е. будущего. Свобода планирования горизонтов развития, конструирования пространств (личного и публичного), настоящего и будущего в данном случае ограничивается почти бездонным пулом символических единиц прошлого (индивидуумов, поколений, народов, мировой истории) и бесконечным множеством их комбинаций / рекомбинаций.

Пространство, таким образом, имеет прямую неразрывную связь со временем – его важнейшим фактором. Время априори политично: неслучайно, по оценкам исследователей, мировые войны всегда велись не только за территории, но за распоряжение временем, «синхронизацию темпорального опыта граждан». Среди маркеров синхронизации весьма иллюстративны примеры использования в политических целях потенции «военного времени» (в т. ч. холодной войны в 1950–80-х гг., войны с терроризмом в XXI в. и пр.). В этой связи результаты эмпирических исследований среди участников войн свидетельствуют о вторжении прошлого через сны и образы в условиях ослабления рассудочного контроля, равно как об обращении к прошлому через нарративы «фронтового братства» [9]. Время войны и время мира, прошлое и настоящее для акторов в последнем случае слиты воедино.

Как и всякое освоение, ретроградное закономерно имеет стадию борьбы и согласований, конкуренции и компромиссов. Единицы прошлого в пространстве борьбы настоящего активизируются различными заинтересованными сторонами, понимающими потенцию символического ресурса и использующими символический аргумент в качестве важнейшего конкурентного преимущества, своевременного политического козыря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошлое составляет важнейший сегмент символического пространства, организующий действенными единицами комплексное пространство материального и нематериального, предоставляющий возможности оптического восприятия реальности, формирования отношения к ней и бытия в ней. Субъектом управления, конструктором реального пространства жизнедеятельности сообщества осуществляется актуализирующее (взывающее к жизни) и демобилизующее (предающее забвению), создающее и рекомбинирующее на тактическом и стратегическом уровнях действие.

Акторами влияния в данной сфере являются представители различных функциональных сфер и статусов, носители как политического (включая оппозицию, челленджеров), так и административного (укрепление режима)

интересов. Многослойность настоящего, со-временность предметов материальной и нематериальной реальности во многом характеризуют пространство со-бытия сообщества: со-производства и со-управления, вовлечения и исключения.

Управление прошлым, контроль над временем – на уровне частного пространства и публичного поля – есть политический символический акт той или иной степени интенсивности, отражающий движение машины освоения от точки обоснованного, осязаемого и легитимного настоящего к прошлому и будущему, т. е. следование в векторе вечности (бессмертия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 65–94.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
3. Бурлина Е. Я., Наумова О. С., Гранкина Е. А. «Горожанин» – трансдисциплинарное понятие // Аспирантский Вестник Поволжья. 2016. Т. 16. № 7-8. С. 17–19.
4. Васильева Ж. В. Винтаж как реактуализация культурного наследия в индустрии моды // Электронное научное издание “Научный вестник гуманитарно-социального института”. 2019. № 8. URL: <http://science-gsi.ru> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Горячева Е. А., Лазебная К. П. Потребление как феномен передачи long-dated символов. Точки соприкосновения теории символического П. Сорокина и медиологии Р. Дебрэ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 108–120.
6. Демин И. В., Богданова Н. М. Прошедшее и непреходящее: соотношение категорий «Прошлое» и «Былое» в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 67–77.
7. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 31–64.
8. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. 285–312.
9. Николай Ф. «Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 119–136.
10. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Управление прошлым и защита интересов государства // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 186–203.
11. Политов А. В. Феномен следа в философии Жака Деррида и его онтологическое истолкование // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 93–102.

12. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. № 21. С. 5–21.
13. Соколов Б. Г. Символизация прошлого: тотальный винтаж // STUDIA CULTURAE. 2015. № 24. С. 67–85.
14. Солнцев Н. В. Проблема понимания прошлого: герменевтический опыт // Учёные записки российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 77–85.
15. Чеканцева З. А. Эффект колеи в историческом исследовании и меняющиеся каноны профессии историка: практики выбора исследовательских стратегий // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 3. С. 5–16.
16. Швецов К. П. Воображаемое прошлое. О памяти и категории прошлого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2. С. 81–85.
17. Щербаков Д. А. Прошлое, которого нет, и прошлое, которое есть // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4 (165). С. 274–280.
18. Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* Chicago: Markham publishing company, 1971. 188 p.
19. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. 362 p.

REFERENCES

1. Bevernage B. ["The Pastness of the Past": Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of Historicist Pastness]. In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp. 65–94.
2. Bourdieu P. [Social space and symbolic power]. In: *THESIS*, 1993, iss. 2, pp. 137–150.
3. Burlina E. Ya., Naumova O. S., Grankina E. A. ["Citizen" as a transdisciplinary concept]. In: *Aspirantskii Vestnik Povolzh'ya* [Postgraduate Bulletin of the Volga Region], 2016, vol. 16, no. 7-8, pp. 17–19.
4. Vasileva Zh. V. [Vintage as a Reactualization of Cultural Heritage in the Fashion Industry]. In: "*Nauchnyi vestnik gumanitarno-sotsial'nogo instituta*" ["Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute"], 2019, no. 8. Available at: <http://science-gsi.ru> (accessed: 02.10.2021).
5. Goryacheva E. A., Lazebnaya K. P. [Consumption as a phenomenon of transmitting long-dated symbols. Points of Contact Between Pitirim Sorokin's Theory of the Symbolic and Rïgis Debray's Mediology]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. 14, no. 5, pp. 108–120.
6. Demin I. V., Bogdanova N. M. [The past and the eternal: correlation of categories "Past" and "Bygone in the context of M. Heidegger's existential analytics]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2014, no. 3, pp. 67–77.

7. Lorenz Ch. [Out of time? Some Critical Reflections on Francois Hartog's Presentism]. In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp. 31–64.
8. Malinova O. Yu. [Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics]. In: *Metod* [Method], 2019, no. 9, pp. 285–312.
9. Nikolai F. ["New Wars": Disappearance of the Future and/or Synchronization of Temporalities] In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp.119-136.
10. Nikolaichuk I. A., Yanglyaeva M. M., Yakova T. S. [Managing the past and protecting the interests of the state]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [Problems of national strategy], 2020, no. 2, pp. 186–203.
11. Politov A. V. [The phenomenon of the Trace in the philosophy of Jacques Derrida and its ontological interpretation]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of the Perm national research polytechnic university. Culture. History], 2016, no. 4, pp. 93–102.
12. Repina L. P. [Memory and knowledge of the past in the structure of identity]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2007, no. 21, pp. 5–21.
13. Sokolov B. G. [Symbolization of the past: total vintage]. In: *STUDIA CULTURAE*, 2015, no. 24, pp. 67–85.
14. Solntsev N. V. [The Problem of Understanding the Past: Hermeneutical Experience]. In: *Uchenye zapiski rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2009, no. 1, pp. 77–85.
15. Chekantseva Z. A. [Path Dependence, Politics of Time and Metamorphosis of History]. In: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2020, no. 3 (50), pp. 5–16.
16. Shvetsov K. P. [Imaginary past: On memory and categorization of the past]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [The International Journal of Cultural Studies], 2013, no. 2 (11), pp. 81–85.
17. Shcherbakov D. A. [The past which doesn't exist and the past which exists]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2014, no. 4 (165), pp. 274–280.
18. Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* Chicago, Markham publishing company, 1971. 188 p.
19. M. Bernhard, J. Kubik, eds. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration.* Oxford, Oxford University Press, 2014. 362 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.11.2021

Статья размещена на сайте: 20.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хабаров Илья Александрович – кандидат политических наук, руководитель Тамбовского областного государственного казённого учреждения «Аппарат Общественной палаты Тамбовской области»; e-mail: hia68@mail.ru

Ilya A. Khabarov – Cand.Sci. (Political Sciences), Head of the Tambov Regional State Treasury Institution “Office of the Public Chamber of the Tambov region”; e-mail: hia68@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хабаров И. А. Символический потенциал прошлого в процессе конструирования пространства: «It's not even past» (к вопросу активации системообразующих резервов) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Khabarov I. A. The symbolic potential of the past in the process of constructing space: “It's not even past” (on the issue of activating system-forming reserves). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.54; 355.01

Хлопов О. А.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

УГЛЕВОДОРОДНЫЕ РЕСУРСЫ СРЕДИ ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИРИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить ключевые причины и роль углеводородных ресурсов в возникновении политического кризиса и гражданской войны в Сирии, а также оценить внутренние и внешние факторы, которые привели к возникновению и распространению сирийского конфликта в 2011–2016 гг.

Процедуры и методы. Теоретической основой выступают неореализм, неолиберализм и системный подход к анализу международных отношений, а также историко-генетический, историко-сравнительный методы.

Результаты. Сделан вывод о значимости разных факторов в развитии сирийского кризиса. Начало политического кризиса в Сирии является иллюстрацией того, как зависимость экономического развития от добычи и экспорта нефти и газа на внешний рынок может сдерживать индустриализацию страны. Последовавшие неолиберальные реформы только усугубили проблемы, нанеся ущерб социальному развитию и усилив уже существующую социально-экономическую напряжённость в сирийском обществе, чем воспользовались внешние силы. По заключению автора, указанные факторы сделали Сирию уязвимой, обусловив начавшуюся гибридную войну и иностранное вмешательство.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты создают предпосылки для дальнейшего детального изучения причин сирийского кризиса в частности и современных угроз национальной безопасности государства в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сирийский кризис, углеводородные ресурсы, неолиберальные реформы, экономическая взаимозависимость, внешнее вмешательство, Сирия, Россия

СТРУКТУРА

Введение

Внутренние факторы: природные ресурсы и результаты неолиберальных реформ

Интересы внешних участников в сирийском конфликте

Заключение

O. Khlopov

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl. 6, korp. 4, Moscow 125993, Russian Federation*

ON THE CAUSES AND ROLE OF HYDROCARBON RESOURCES IN THE ORIGIN OF THE SYRIAN CONFLICT

ABSTRACT

Aim. To determine the key causes and role of hydrocarbon resources in the emergence of the political crisis and civil war in Syria, as well as to assess the internal and external factors that led to the emergence and spread of the Syrian conflict in 2011–2016.

Methodology. The theoretical basis of the article is neorealism, neoliberalism and a systematic approach to the analysis of international relations, as well as historical-genetic and historical-comparative methods.

Results. The conclusion is made about the significance of various factors in the development of the Syrian crisis. The beginning of the political crisis in Syria is an illustration of how the economic development dependence on the production and export of oil and gas to the external market can hold back the industrialization of the country. The neo-liberal reforms led by the Syrian government only exacerbated the problems, causing damage to the social development and exacerbating the already existing socio-economic tensions in Syrian society, which were taken advantage of by outside forces. The author argues that these factors made Syria vulnerable, causing the outbreak of a hybrid war and foreign intervention.

Research implications. The obtained results create the background for further detailed study of the causes of the Syrian crisis in particular and modern threats to the national security of the state in general.

KEYWORDS

Syrian crisis, hydrocarbon resources, neoliberal reforms, economic interdependence, external intervention, Syria, Russia

ВВЕДЕНИЕ

Продолжающийся с 2011 г. сирийский конфликт спровоцировал одну из самых серьёзных гуманитарных чрезвычайных ситуаций и крупнейший кризис беженцев за период после Второй мировой войны.

Сирийский кризис заставляет задуматься об основных его причинах. С точки зрения международных отношений можно было бы отдать приоритет региональным и международным факторам, геополитике, военным действиям, в том числе гибридным и прокси-войнам (проxy war), иностранному вмешательству. Нет сомнений в том, что эти факторы во многом способствовали интернационализации сирийского конфликта. В то же время следует указать на ещё одну причину – наличие внутренних факторов, которые в первую очередь сделали Сирию уязвимой для внешнего воздействия.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием внутривнутриполитического кризиса в Сирии, переросшего в гражданскую войну и регио-

нальный конфликт. Существует мнение, что антиправительственные выступления против Б. Асада были направлены на то, «чтобы отобрать у него нефтяные месторождения» или «выявить их реальное количество»¹. Так называемый ресурсный фактор – борьбу региональных государств за маршруты газопроводов и наличие нефти и газа на территории Сирии – часто называют главной причиной гражданской войны. Действительно, сирийская нефть является основным источником дохода страны, однако сведение проблемы исключительно к «нефтяному фактору» влечёт за собой непринятие во внимание других фундаментальных причин конфликта, упрощает реальность, искажает представление об истинных мотивах участников сирийской драмы. По нашему мнению, контроль над нефтяными полями и предполагаемыми маршрутами газопроводов стал лишь одной из предпосылок начавшегося вооружённого конфликта, но не его основной причиной.

Таким образом, целью настоящего исследования являются определение роли углеводородных ресурсов в возникновении политического кризиса и гражданской войны в Сирии, а также оценка внутренних и внешних факторов, которые привели к возникновению и распространению сирийского конфликта в 2011–2016 гг.

Возникновение внутривнутриполитического кризиса в Сирии, а также влияние природных ресурсов на внешнюю политику государства рассматриваются нами сквозь призму неореализма и системного подхода к анализу международных отношений, а также неолиберализма. Последний позволяет рассматривать проблему не только с точки зрения безопасности, но и с позиции экономических, социальных и иных интересов [7].

В статье используется также многофакторный подход, сочетающий традиционный анализ международных отношений с приёмами политической экономии и экологии. Кроме того, для рассмотрения процесса эволюции политических и экономических реформ правительства Асада и для сопоставления исторических контекстов и особенностей деятельности сирийского правительства используются историко-генетический и историко-сравнительный методы. Как представляется, именно такое сочетание подходов и методов позволяет провести детальный анализ внутренних и внешних факторов, оказывающих непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Сирии в контексте геополитической конкуренции региональных и глобальных держав.

Среди российских трудов, посвящённых Сирии, следует выделить монографию И. А. Матвеева – глубокое всестороннее исследование, раскрывающее социальные причины конфликта, его последствия, уроки и перспективы урегулирования, роль внешних акторов [3]. Несомненный интерес

¹ Борьба за сирийскую нефть: Россия владеет наибольшей долей, а США контролируют ее через посредников (Asharq Al-Awsat, Саудовская Аравия) // ИНОСМИ : [сайт]. [11.12.2019]. URL: <https://inosmi.ru/20191211/246413230.html> (дата обращения: 20.01.2022).

представляют работы научного сотрудника Института Востоковедения РАН В. М. Ахмедова: они посвящены внутривосточному измерению сирийского конфликта, вопросам смены власти в Сирии и анализу шагов, предпринимавшихся Б. Асадом в области социально-экономических и политических преобразований [1; 2]. Особого внимания заслуживает также работа М. С. Ходынской-Голенищевой «Сирия: трудный путь от войны к миру», в которой подробно освещается роль России в урегулировании сирийского конфликта [6].

Причины и результаты сирийского кризиса отражены в выступлениях экспертов и политологов «круглого стола», организатором которого выступили редакция журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» и Московское областное отделение Российского общества политологов. В опубликованном обзоре участники дискуссии сосредоточили своё внимание на причинах и основных акторах конфликта, энергетических и конфессиональных аспектах событий в Сирии, а также на возможных геополитических последствиях современного сирийского кризиса [4].

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ: ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Кризис и провал сирийского баасистского проекта развития представляет собой важную первопричину трагической дестабилизации Сирии, поскольку он создал благоприятную среду для иностранного вмешательства и использования этнорелигиозных разногласий иностранными державами.

Модель развития, которой придерживается современная Сирия, восходит к 1970-м гг., когда после военного переворота к власти пришёл Х. Асад. Его правление принимает умеренную форму баасизма, которая представляет собой светскую и социалистическую формы арабского национализма в Сирии [1]. Хотя упор на национализацию и сельскохозяйственную реформу был сохранён, экономическая модель умеренного баасизма имела претензию на плюралистическую экономику, основанную на партнёрстве между государственным и частным секторами.

Экономическая стратегия правительства Х. Асада была связана с получением доходов от нефти и других энергоресурсов, обусловленных в 1970-х гг. резким ростом цен на углеводороды. Вместо того чтобы создавать и продвигать диверсифицированный промышленный сектор, сирийское правительство выбрало *экстрактивистскую модель* развития национальной экономики, заключающуюся в добыче и трубопроводном экспорте нефти.

Чрезмерный упор на нефтяной сектор и растущая значимость сектора природного газа с 1980-х гг. препятствовали развитию диверсифицированной экономики. При этом значительная часть неэнергетического сектора

была представлена только сектором производства и переработки пищевых продуктов. Только в 1998 г. на долю нефтяного и минерального секторов приходилось почти 70% сирийского экспорта [8].

По данным Всемирного банка, нефтяная рента давала более 26% ВВП Сирии в 2005 г., поэтому не удивительно, что государство оказалось среди стран с самыми высокими показателями субсидий на энергию и сельское хозяйство в регионе Персидского залива и на всём Ближнем Востоке к 2000 г.²

Истощение сирийских нефтяных запасов в 1990-х гг. выявило слабые стороны экстрактивистской экономической модели. По данным Управления энергетической информации США, годовая добыча нефти в Сирии снизилась с 582 000 бар/день в 1996 г. до 368 000 бар/день в 2009 г. Ещё больше добыча нефти снизилась с началом «арабской весны» – с 383 000 бар/день в 2010 г. до 23 000 бар/день в 2014 г. После завершения гражданской войны в Сирии правительство Б. Асада не смогло получать достаточные доходы от нефти для обеспечения экономической и политической стабильности³.

Ещё одним важным фактором, повлиявшим на развитие ситуации, стал процесс *либерализации экономики*. Начавшаяся в 1986 г. ранняя фаза либерализации устранила некоторые субсидии и способствовала частным инвестициям. Правительство провело постепенную либерализацию цен, торговли и иностранной валюты. Принятые в 1990-х гг. новые законы об инвестициях были нацелены на поощрение развития частного сектора, включая такие льготы, как налоговые каникулы [3].

Придя к власти, Б. Асад придал реформам новый импульс. Ключевой целью, поставленной на 10-м региональном конгрессе партии Баас в 2005 г., стало построение в стране социальной рыночной экономики [2].

Новое правительство сосредоточило свои усилия на привлечении прямых иностранных инвестиций, которые в основном исходили из арабских стран, заинтересованных в непродовственных секторах экономики, таких, как недвижимость, финансы и туризм. В рамках пятилетнего плана (2006–2010 гг.) правительство Сирии отменило государственную монополию на импорт, отпустило цены (включая цены на дизельное топливо, газ, бензин и электричество), отказалось от государственного регулирования рынка недвижимости, ввело лицензирование частных банков, учредило фондовые биржи и приняло законы в пользу защиты частной собственности [6].

Однако в результате экономических реформ пострадало сельское хозяйство Сирии, в первую очередь из-за отмены субсидий на энергоносители, а также из-за роста цен на дизельное топливо – почти на 280% к маю 2008 г.

² World Bank Open Data. Oil rents (% of GDP) // Syrian Arab Republic : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PETR.RT.ZS?locations=SY> (дата обращения: 29.07.2021).

³ International Energy Statistics Syria // EIA : [сайт]. [24.06.2015]. URL: <https://www.eia.gov/international/overview/country/SYR> (дата обращения: 29.07.2021).

Кризис привёл к исходу населения из сельских районов и массовой миграции в города. Принимая во внимание эти события, не удивительно, что первые выступления против режима произошли в Дараа, городе на юге страны, известном как сельскохозяйственный центр и стратегическая база поддержки сирийского режима. Протесты против негативных результатов новой экономической политики и коррупции позже распространились на другие сельские центры, такие как Хомс, Идлеб, и сельские районы в Алеппо и Дамаске.

Дестабилизирующие эффекты неолиберальной политики и снижение доходов от продажи углеводородных ресурсов усугубились крупными сезонными засухами, которые частично объясняются изменением климата. Цена этих засух неизмерима, учитывая, что до начала сирийского конфликта более 46% населения Сирии проживали в сельских районах и 15% рабочей силы были заняты в сельском хозяйстве. Самая сильная засуха в современной истории Сирии привела к многочисленным случаям опустошения посевов и падежу домашнего скота и, в конечном счёте, обусловила переселение сирийцев [12]. Наиболее уязвимые районы, включая раздираемый войной северо-восток Сирии, за период 2006–2010 гг. потеряли три четверти урожая.

К концу 2011 г. от 2 до 3 млн. человек пострадали от засухи, в результате чего по крайней мере 1 млн человек столкнулся с проблемой отсутствия необходимого продовольствия и более 1,5 млн. человек были вынуждены переселиться в городские районы [2]. Северные и восточные регионы столкнулись с наибольшими негативными последствиями засухи. Именно эти регионы составили центр нынешних военных конфликтов. Для этой части населения также характерны низкий уровень медицинского обслуживания и высокий уровень неграмотности [10].

Одной из причин социально-экономического кризиса стали чрезмерная эксплуатация подземных водных ресурсов и дерегулирование окружающей среды. 90% водных ресурсов в арабо-мусульманском мире, включая Сирию, используются для сельского хозяйства, в то время как средний мировой показатель составляет только 70%.

Таким образом, факты показывают, что наиболее важные причины сирийской трагедии связаны с политическим кризисом, истоки которого следует искать: во-первых, в ресурсной (экстрактивистской) модели экономического развития, принятой с 1970-х гг.; во-вторых, в неолиберальных реформах, которые с 2000 г. увеличили неравенство и обанкротили сельское хозяйство; в-третьих, в экологической политике, которая игнорировала суровость засух, поощряла выращивание водоёмких культур и чрезмерную эксплуатацию водных ресурсов, а также не учитывала модернизации ирригационной инфраструктуры.

ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНИХ УЧАСТНИКОВ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

Последствия внешнего вмешательства в эскалации сирийского конфликта имеют первостепенное значение. Так, например, пожертвования, сделанные исламистским группировкам иностранными частными лицами и некоторыми странами Персидского залива, сыграли решающую роль в интенсификации и расширении сирийского конфликта [17].

По приблизительным подсчётам, Катар потратил около \$3 млрд в период 2012–2013 гг. и более \$10 млрд – Саудовская Аравия и Кувейт только за период 2013–2015 гг. на поддержку оппозиционным силам в Сирии. Подобно странам Персидского залива, Турция также поддерживает протурецкую суннитскую оппозицию в Сирии [13].

Нельзя игнорировать и роль более широких геополитических факторов в трансформации сирийского конфликта в прокси-войну. Стратегическое положение Сирии на энергетических маршрутах, а также открытие обильных запасов природного газа в восточном Средиземноморье в 2010 г. приобрели большое значение в свете *конкуренции стран на рынке природного газа*. Увеличение потребления газа и спроса на него привлекло к Сирии внимание региональных игроков, таких как Израиль, Турция и Катар, которые имеют свои собственные энергетические проекты и противостоят региональному влиянию Ирана [19].

При этом некоторые аналитики полагают, что основная причина сирийского кризиса заключается в соперничестве великих держав, в основном США и России за трубопроводные маршруты. Свержение Б. Асада и приход к власти в Сирии суннитов, близких Саудовской Аравии, позволили бы построить трубопровод через Сирию в Европу. «В результате Россия могла быть в максимально возможной степени вытеснена с европейского газового рынка»⁴.

По словам западных экспертов, существовало два проекта газовых трубопроводов. Первый, якобы поддерживаемый США, должен был стартовать в Катаре, проходить через Саудовскую Аравию, Иорданию, Сирию в Турцию и завершаться в Европе. Другой проект предполагал строительство трубопровода из Ирана через Ирак в Сирию [14].

Интересно, что проект трубопровода Иран – Ирак – Сирия действительно был одобрен сирийским правительством в 2010 г. и официально анонсирован в 2011 г., прямо перед началом сирийского конфликта. Этот проект представлял прямую конкуренцию трубопроводу Катар – Турция. Тот факт, что Сирия отвергла этот проект в 2009 г., по версии некоторых наблюдателей, является одной из основных причин активного участия Катара в сирийском конфликте [15].

⁴ The Roots of the War in Syria. Syrian Free Press. 27 October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://syrianfreepress.wordpress.com/2015/10/27/war-for-pipelines> (дата обращения: 11.11.2021).

Другими словами, одна из причин вмешательства региональных игроков заключалась в том, чтобы помешать Сирии участвовать в энергетическом сотрудничестве с Ираном и Россией и претендовать на разработку энергетических ресурсов в левантийском бассейне. Хотя ни один из трубопроводных проектов не был реализован, это не уменьшило популярности «газовой теории» как основной причины сирийского конфликта. Впервые с концепцией «трубопроводной войны» выступила в 2012 г катарская телекомпания «Аль-Джазира»⁵, затем её подхватили и другие известные издания [16].

По нашему мнению, гипотеза «трубопроводной войны» не соответствует фактам. Даже Арабский газопровод, который был построен для экспорта египетского природного газа в Иорданию, Сирию и Ливан, с ответвлениями подводных и наземных трубопроводов в Израиль столкнулся с проблемами ввиду нехватки газа.

Хотя США давно тайно работали с союзниками из Персидского залива против правительства Б. Асада, контроль над сирийскими энергоресурсами и трубопроводными маршрутами не был их главной задачей. Неверна и временная шкала. Действия США против Сирии начались при администрации Дж. Буша-мл. в 2005 г., задолго до предполагаемого предложения Катара Дамаску в 2009 г.⁶

Несомненно, эти трубопроводы представляют собой многомиллиардные проекты, и они дают более чем достаточно причин для ведения войн и смены сирийского политического руководства. Очевидно и то, что трансформация внутривнутриполитического кризиса в вооружённый конфликт в Сирии связана с соперничеством великих держав, в основном США и России, а также соседними странами. Однако первоначальная причина появления сирийского кризиса лежит во внутривнутриполитических противоречиях Сирии, а внешнее влияние и военное вмешательство только усугубили эту проблему. Но при этом неверно предположение, что различные стороны конфликта преследовали свои собственные интересы, только чтобы построить свои предпочтительные трубопроводы.

Тем не менее «анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики» [4, с. 32].

Например, американские эксперты в области мировой энергетики Д. Ергин и Р. Дайван указывают на три причины, согласно которым США должны оставаться в Сирии. Во-первых, гарантировать, что некоторые из этих место-

⁵ Escobar P. Syria's Pipelineistan War // Al Jazeera : [сайт]. [06.08.2012]. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2012/8/6/syrias-pipelineistan-war> (дата обращения: 15.12.2021).

⁶ Whitlock C. U. S. Secretly Backed Syrian Opposition Groups, Cables released by WikiLeaks show // The Washington Post : [сайт]. [17.04.2011]. URL: https://www.washingtonpost.com/.../04/14/AF1p9hwD_story.html (дата обращения: 09.01.2022).

рождений больше не попадут в руки ИГИЛ⁷. Во-вторых, чтобы не допустить попадания нефтяных месторождений в руки Асада и, возможно, русских и сохранить их в качестве козыря для оппозиции в процессе выработки какого-либо соглашения с режимом Асада. В-третьих, сохранение этих месторождений в качестве двигателя восстановления на тот день, когда установится режим после Б. Асада⁸.

С появлением ИГИЛ сирийская нефть стала важным фактором в вооружённом конфликте, но не по причине объёма, а из-за того, что она позволяла ИГИЛ превратить находящиеся под его контролем баррели в деньги. Это незначительное количество нефти приносило Исламскому государству около полумиллиарда долларов в год, что давало ему финансовый вес, которого никогда раньше не было ни у одной террористической организации в мире.

Решающую роль в сирийском конфликте сыграли США, Россия, Иран, Саудовская Аравия, Турция и Катар. Международное влияние на трагический конфликт очевидно: это стратегия Запада против ИГИЛ, неспособность Америки предотвратить эскалацию конфликта в Сирии, упадок мощи и влияния США в регионе в решении проблем мира и конфликтов, усиление влияния России, Турции и Ирана [18].

Сирия выступила против вторжения США в Ирак в 2003 г. До вторжения Сирия игнорировала санкции США, получая иракскую нефть, способствовала продаже оружия Ираку и позволяла перемещаться тысячам арабских бойцов сопротивления через границу Ирака. После вторжения некоторые иракские лица укрылись в Сирии, что также укрепило партнёрство Сирии с Ираном против США.

Для Ирана участие в сирийском конфликте и сотрудничество с Б. Асадом означают гарантированный доступ в Ливан и остальной Ближний Восток, а также возможность расширить своё региональное шиитское влияние и ограничить региональную мощь Израиля, получить больше инвестиционных контрактов в области энергетики в Сирии [9].

Российское присутствие в Сирии обусловлено сохранением суверенитета Сирии, борьбой с террористическими организациями, также посреднической и миротворческой миссиями по прекращению и урегулированию конфликта, примирению конфликтующих сторон и возвращению общества к мирной жизни. В Сирии по-прежнему находятся российская военно-морская база в Тартусе и авиабаза Хмеймим, которые обеспечивают единственный выход России к Средиземному морю для коммерческих и военных целей, а также два аэродрома подскока в Шайрате и Тиясе.

⁷ Упомянутая здесь и далее террористическая организация ИГИЛ запрещена на территории России (Прим. ред).

⁸ Diwan R., Yergon D. Why Syria's Oil Matters // NPR : [сайт]. [31.10.2019]. URL: <https://www.npr.org/2019/10/31/775142854/opinion-syria-s-oil-production-is-low-but-here-s-why-it-matters> (дата обращения: 21.01.2022).

Изоляция Сирии от Запада также косвенно разжигала сирийский конфликт в 2011 г. В глазах Сирии Ливан рассматривается как естественная сфера влияния, которая имеет решающее значение для национальной безопасности Сирии. Известно, что часть сирийской оппозиции укрылась в Ливане. Базирующаяся в Ливане шиитская «Хезболла»⁹ имеет стратегическое значение для Сирии в её усилиях по ограничению региональной мощи Израиля и укреплению своих союзов с Ираном.

Вмешательство Турции в Сирийский конфликт было чрезвычайно важным до 2016 г., и оно предполагало применение прямых и косвенных методов, т. е. трансграничные военные и разведывательные операции, а также сотрудничество с оппозиционными группами, связанными с Турцией, в Сирии. После начала «арабской весны» внешняя политика Турции приняла более милитаризованную форму, чему способствовали и другие факторы, такие как «курдское пробуждение», подъём Исламского государства (ИГИЛ) и антиправительственные гражданские беспорядки, вспыхнувшие в 2013 г.

Турция поддерживает курдов-суннитов против растущего влияния Партии Курдского демократического союза, которую обвиняет в принадлежности к запрещённой Рабочей партии Курдистана (РПК), борющейся за создание курдской автономии в составе Турции. Турецкие власти опасаются, что эта ситуация также может усугубиться, подорвать гегемонию Турции в Иракском Курдистане в пользу РПК и дестабилизировать внутреннюю политику страны [11].

Турция играет ключевую роль в рамках стратегического газового коридора «Турецкий поток» и других геополитических транспортных маршрутов. Проблемы энергетики занимают важное место во внешнеполитической стратегии Турции, которая стала рассматривать себя как транзитная страна, в дополнение к её собственному растущему внутреннему энергетическому рынку [5]. Турция становится энергетическим центром в рамках своей региональной энергетической стратегии, которая направлена на увеличение статуса и влияния в мире, расширяя стратегическое соперничество при одновременном сотрудничестве в области энергетики с ЕС, Россией и соседними странами.

Россия, начиная с 2015 г., инициировала серию неформальных встреч в Астане (Астанинский формат) между сирийскими вооружёнными группировками, близкими к Турции, представителями Б. Асада и поддерживаемыми Ираном ополченцами [6]. Астанинский формат был официально запущен в январе 2017 г. для формализации диалога России с Турцией и Ираном, которые поддерживают ряд вооружённых группировок, действующих на местах в Сирии. Ключевая идея этого формата состоит в том, что часть оппозиции в

⁹ Признана террористической организацией Канадой, США, Израилем, Египтом, Лигой Арабских государств (с марта 2016 г.), странами Персидского залива, а также частично ЕС, Австралией и Великобританией (прим. ред.).

Сирии, не настроенная против Асада, также должна стать платформой для сирийских представителей в ходе начала предварительных переговоров.

16-я Международная встреча по Сирии в рамках Астанинского формата прошла 7—8 июля 2021 г. с участием делегаций Иордании, Ирака и Ливана в качестве наблюдателей, а также представителей ООН и Международного красного креста.

По завершении встречи было принято заявление, в котором стороны «выразили решимость продолжать взаимодействие в целях борьбы с терроризмом во всех его формах и проявлениях и противостояния сепаратистским планам, направленным на подрыв суверенитета и территориальной целостности Сирии». Участники формата согласились, что «достижение долгосрочной безопасности и стабильности в этом регионе возможно только на основе сохранения суверенитета и территориальной целостности САР». Стороны встречи отметили необходимость скорейшего проведения очередного, 6-го заседания редакционной комиссии сирийского Конституционного комитета в Женеве, призвали международное сообщество, ООН и её гуманитарные агентства наращивать помощь Сирии по восстановлению, включая объекты инфраструктуры – водо- и электроснабжение, школы, больницы, а также по гуманитарному разминированию в соответствии с нормами международного гуманитарного права¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало гражданской войны в Сирии является иллюстрацией того, как зависимость экономического развития от добычи и экспорта нефти и газа на внешний рынок может сдерживать индустриализацию страны. Неолиберальные реформы, начатые правительством Б. Асада, нанесли ущерб социальному развитию страны, усилив уже существующую социально-экономическую напряжённость, которой воспользовались внешние акторы.

Трансформация внутривнутриполитических противоречий в гражданскую войну во многом определилась императивами политики ключевых стран, вовлечённых в сирийский конфликт. В частности, геополитические факторы, включая энергетическую безопасность, военные союзы и внешнеполитические обязательства, очевидно, послужили стимулами для сирийского конфликта. Центральная роль геополитических факторов в формировании сирийского конфликта привлекает внимание исследователей и политиков к потребности создания сильных механизмов регионального сотрудничества

¹⁰ Совместное заявление представителей Ирана, России и Турции по итогам 16-й Международной встречи по Сирии // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwl2FuDbhJx9/content/sovmestnoe-zaavlenie-predstavitelej-irana-rossii-i-turcii-po-itogam-16-j-mezdunarodnoj-vstreci-po-sirii-v-astaninskom-format-e-nur-sultan-7-8-iula-2021 (дата обращения: 10.11.2021).

и формирования системы региональной безопасности, которые должны отдавать приоритет таким ключевым вопросам, как роль иностранного вмешательства, национальный суверенитет, военное сотрудничество и энергетическая безопасность.

Сирийская нефть всегда имела первостепенное значение для правительства Б. Асада. До гражданской войны она обеспечивала около 25% государственных доходов. Но эта нефть едва ли имела какое-либо значение для мирового нефтяного рынка. Запасы в Сирии невелики, рассредоточены и далеки от экспортных мощностей на Средиземноморье. В целом нефтяные ресурсы Сирии являются второстепенными в большой нефтяной игре Ближнего Востока и для мирового рынка.

Изучение причин и последствий сирийского конфликта может стимулировать междисциплинарные исследования политико-экономических и экологических основ национальной безопасности. Предстоящие исследования могут быть направлены на то, чтобы изучить, как складывающаяся новая конфигурация политических сил и союзов, с участием России и Ирана в Сирии и возможным отчуждением Турции от западного альянса, повлияет на завершение конфликта и ход регионального распределения власти.

Анализ истоков сирийского конфликта следует учитывать при его разрешении и формировании политических и экономических условий для его полного прекращения, возвращения сирийского общества в нормальное русло гражданского развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов В. М. “Исламистский феномен” сирийского восстания. М.: LAP LAMBERT, 2019. 176 с.
2. Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 196 с.
3. Матвеев И. А. Сирия в конфликте. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 496 с.
4. Сирийский кризис как этап процесса переформатирования Большого Ближнего Востока (Круглый стол) / Н. А. Комлева, Г. Н. Валиахметова, Г. И. Грибанова, И. В. Радиков, А. В. Сарабьев, А. В. Манойло, А. В. Абрамов, Г. Саймонс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 8—60. DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-8-60
5. Хлопов О. А. Проблемы энергетической безопасности Турции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3 (67). С. 835—845. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.028
6. Ходынская-Голенищева М. С. Сирия: трудный путь от войны к миру. М.: Абрис/ОЛМА, 2019. 720 с.
7. Цыганков П. А. Теория международных отношений : учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 316 с.

8. Azmeh S. Syria's Passage to Conflict: The End of the 'Developmental Rentier Fix' and the Consolidation of New Elite Rule // *Politics & Society*. 2016. Vol. 44. № 4. P. 499–523.
9. Barfi B. The Real Reason Why Iran Backs Syria // *The National Interest* : [сайт]. [24.01.2016]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-real-reason-why-iran-backs-syria-14999> (дата обращения: 11.08.2021).
10. De Chbtel Fr. The Role of Drought and Climate Change in the Syrian Uprising // *Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50. № 4. DOI: 10.1080/00263206.2013.850076
11. Dal E. P. Impact of the Transnationalization of the Syrian Civil War on Turkey // *Cambridge Review of International Affairs*. 2016. Vol. 29. № 4. DOI: 10.1080/09557571.2016.1256948
12. Gleick P. H. Water, Drought, Climate Change, and Conflict in Syria // *Weather, Climate, and Society*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 331–340.
13. Ѓьрсан Е. С. Political Geography of Turkey's Intervention in Syria: Underlying Causes and Consequences (2011–2016) // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 11. № 1. P. 1–10.
14. Kennedy R. F. Jr. Why the Arabs Don't Want Us in Syria [Электронный ресурс] // *The Politico Magazine*. [22.02.2016]. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/02/rfk-jr-why-arabs-dont-trust-america-213601> (дата обращения: 19.01.2022).
15. Nader S. Natural Gas Resources May Be Backstory in Syria War [Электронный ресурс] // *Center for Geopolitical Analysis*. [11.10.2013]. URL: <http://icmu.nyus.gr/%20Natural-Gas-Resources-May-Be-Backstory-in-Syria-War> (дата обращения: 21.01.2022).
16. Orenstein M. A., Romer G. Putin's Gas Attack: Is Russia Just in Syria for the Pipelines? // *Foreign Affairs* : [сайт]. [14.10.2015]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-10-14/putins-gas-attack> (дата обращения: 15.08.2021).
17. Richani N. The Political Economy and Complex Interdependency of the War System in Syria // *Civil Wars*. 2016. Vol. 18. № 1. P. 45–68.
18. Phillips Chr. *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven: Yale University Press, 2020. 384 p.
19. Pinar I. Oil and Intra-State Conflict in Iraq and Syria: Sub-State Actors and Challenges for Turkey's Energy Security // *Middle Eastern Studies*. 2017. Vol. 53. № 3. P. 406–419.

REFERENCES

1. Ahmedov V. M. *"Islamistskii fenomen" siriiskogo vosstaniya* [The "Islamist phenomenon" of the Syrian uprising]. Moscow, LAP LAMBERT Publ., 2019. 176 p.
2. Ahmedov V. M. *Siriiskoe vosstanie: istoriya, politika, ideologiya* [Syrian uprising: history, politics, ideology]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2018. 196 p.
3. Matveev I. A. *Siriya v konflikte* [Syria in the conflict]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2020. 496 p.

4. Komleva N. A., Valiakhetova G. N., Gribanova G. I., Radikov I. V., Sarabjev A. V., Manoylo A. V., Abramov A. V., Simons G. [Syrian crisis as a stage of large Middle East reformatting (round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 5, pp. 8–60. DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-8-60
5. Khlopov O. A. [Turkey's Energy Security Problems]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2021, vol. 11, no. 3 (67), pp. 835–845. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.028
6. Khodynskaya-Golenishcheva M. S. *Siriya: trudnyi put' ot voyny k miru* [Syria: the difficult path from war to peace]. Moscow, Abris/OLMA Publ., 2019. 720 p.
7. Tsygankov P. A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [International Relations Theory]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 316 p.
8. Azmeh S. Syria's Passage to Conflict: The End of the 'Developmental Rentier Fix' and the Consolidation of New Elite Rule. In: *Politics & Society*, 2016, vol. 44, no 4, pp. 499–523.
9. Barfi B. The Real Reason Why Iran Backs Syria. In: *The National Interest*, 24.01.2016. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-real-reason-why-iran-backs-syria-14999> (accessed: 11.08.2021).
10. De Chstetel Fr. The Role of Drought and Climate Change in the Syrian Uprising. In: *Middle Eastern Studies*, 2014, vol. 50, no. 4. DOI: 10.1080/00263206.2013.850076
11. Dal E. P. Impact of the Transnationalization of the Syrian Civil War on Turkey. In: *Cambridge Review of International Affairs*, 2016, vol. 29, no. 4. DOI: 10.1080/09557571.2016.1256948
12. Gleick P. H. Water, Drought, Climate Change, and Conflict in Syria. In: *Weather, Climate, and Society*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 331–340.
13. Ёысан E. C. Political Geography of Turkey's Intervention in Syria: Underlying Causes and Consequences (2011–2016). In: *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 1–10.
14. Kennedy R. F. Jr. Why the Arabs Don't Want Us in Syria. In: *The Politico Magazine*, 22.02.2016. Available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/02/rfk-jr-why-arabs-dont-trust-america-213601> (accessed: 19.01.2022).
15. Nader S. Natural Gas Resources May Be Backstory in Syria War. Center for Geopolitical Analysis, 11.10.2013. Available at: <http://icmu.nyc.gr/%20Natural-Gas-Resources-May-Be-Backstory-in-Syria-War> (accessed: 21.01.2022).
16. Orenstein M. A., Romer G. Putin's Gas Attack: Is Russia Just in Syria for the Pipelines? In: *Foreign Affairs*, 14.10.2015. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-10-14/putins-gas-attack> (accessed: 15.08.2021).
17. Richani N. The Political Economy and Complex Interdependency of the War System in Syria. In: *Civil Wars*, 2016, vol. 18, no. 1, pp. 45–68.

18. Phillips Chr. *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven, Yale University Press, 2020. 384 p.
19. Pinar I. Oil and Intra-State Conflict in Iraq and Syria: Sub-State Actors and Challenges for Turkey's Energy Security. In: *Middle Eastern Studies*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 406–419.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.08.2021

Статья размещена на сайте: 28.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, кафедры американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: rggu2007@rambler.ru

Oleg A. Khlopov – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of American Studies, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities; e-mail: rggu2007@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хлопов О. А. Углеводородные ресурсы среди факторов возникновения кризиса и гражданской войны в Сирии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Khlopov O. A. On the causes and role of hydrocarbon resources in the origin of the Syrian conflict. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

Комлева Н. А.*Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем
121108, г. Москва, ул. Герасима Курина, д. 10, корп. 2, Российская Федерация*

«ИРАНСКИЙ КВАДРАТ» ПРОТИВ «ТУРЕЦКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение специфики геополитического проекта Ирана в его противостоянии геополитическому проекту Турции в процессе борьбы этих держав за лидерство в регионе Большого Ближнего Востока.

Процедура и методы. Применяются системный, компаративный и феноменологический методы исследования.

Результаты. Иран играет заметную роль в геополитическом процессе как в регионе Большого Ближнего Востока, так и во всей Евразии и мире в целом, опираясь на собственный геополитический проект, составными частями которого являются шиизм, арийство, энергетические ресурсы и коммуникации («иранский квадрат»). При этом Иран имманентно противостоит Турции и её геополитическому проекту, составными частями которого являются панисламизм суннитского толка, пантюркизм и неоосманизм («турецкий треугольник»).

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию геополитики, а также имеют значение для прогнозирования геополитического поведения современных Турции и Ирана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Турция, Иран, геополитический проект, геополитическая экспансия, «иранский квадрат», «турецкий треугольник»

N. Komleva*Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems
10 (k.2) Gerasim Kurin street, Moscow 121108, Russian Federation*

“IRANIAN SQUARE” AGAINST “TURKISH TRIANGLE”

ABSTRACT

Aim. To study the specifics of the geopolitical project of Iran in its opposition to the geopolitical project of Turkey in the process of the struggle of these powers for leadership in the Greater Middle East region.

Methodology. The main methods of research are systematic, comparative, and phenomenological methods of research.

Results. Iran plays a significant role in the geopolitical process not only in the Greater Middle East region, but also in Eurasia and the world as a whole, relying on its own geopolitical project, the components of which are Shiism, Aryanism, energy resources and communications (the “Iranian square”). At the same time, Iran is immanently opposed to Turkey and its geopolitical project, the components of which are Sunni pan-Islamism, pan-Turkism and neo-Ottomanism (the “Turkish triangle”).

Research implications. The results of the study contribute to the theory of geopolitics and are important for predicting the geopolitical behavior of the modern Turkey and Iran.

KEYWORDS

Turkey, Iran, geopolitical project, geopolitical expansion, "Iranian square", "Turkish triangle"

СТРУКТУРА

Введение

Цивилизационная специфика Ирана

Шиизм

Арийство

Энергетические ресурсы

Коммуникации

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Современные Иран и Турция являются центрами силы не только регионального, но и глобального масштабов¹. В научной литературе нередко проводится сравнение внешнеполитических стратегий этих государств. Данной проблеме, в частности, посвящены работы А. Г. Большакова, В. Ш. Гузариова, И. И. Ивановой, Т. Э. Мансурова, И. А. Свистуновой, А. Д. Сулейманова, А. С. Трухина и др. Среди зарубежных англоязычных авторов взаимоотношения Ирана и Турции исследуют С. Афакан, М. Айюб, Х. Дж. Баркли, И. В. МакДжилливрэй, Н. А. Озкан, О. Оздамар, Б. Синкайя и др. Как российские, так и зарубежные исследователи отмечают, что отношения между Ираном и Турцией нельзя однозначно оценивать ни как позитивное взаимодействие, ни как откровенную вражду. Оба государства прагматично подходят к решению частных внешнеполитических проблем и при совпадении интересов координируют усилия, однако между ними существует и соперничество. В связи с этим американские учёные ближневосточного происхождения М. Тахироглу и Б. Бен-Талебу предлагают особый термин для обозначения взаимоотношений Ирана и Турции – *frenemies*, друзья-враги².

Практически всё внимание исследователей обращено на внешнюю политику Ирана и Турции, но существенное противоречие и противостояние геополитических проектов и практик данных государств, определяющих их

¹ См., напр.: [9].

² Tahiroglu M., Ben Taleblu B. Turkey and Iran: The Best of Frenemies // The Globalist : [сайт]. [16.07.2015]. URL: <https://www.theglobalist.com/turkey-iran-islam-middle-east-muslim-world> (дата обращения: 10.09.2021).

внешнеполитическое поведение, изучается гораздо менее активно. Попыткой ликвидации данной исследовательской лакуны и является данная статья, в рамках которой сравниваются «большие проекты» двух стран, названные автором соответственно – «иранский квадрат» и «турецкий треугольник».

В геополитическом плане никакого сотрудничества и координации усилий двух стран не наблюдается, это уже не *frenemies*, а откровенные соперники, что выражается в том числе и в дипломатических практиках и в навешивании друг на друга идеологических ярлыков. «Приезжавшие в Анкару иранские политики отказывались посещать мавзолей Ататюрка (обязательный пункт официальной программы зарубежных делегаций) и открыто выражали негативное отношение к принятому в Турции запрету на ношение женских платков. В турецкой прессе было принято называть иранский режим “рассадником реакции”, в иранской прессе Турцию называли “приспешником шайтана”, под которым иранцы подразумевали США» [7, с. 132].

Согласно применяемому в классической геополитике принципу географического дуализма Иран и Турция являются, соответственно, государствами Суши и Моря, что имманентно предопределяет неизменную борьбу их геополитических проектов и практик. Суша и Море имеют противоположные характеристики³, поэтому сотрудничество между ними носит лишь сиюминутный характер и определяется конкретными интересами данного исторического момента, но противостояние экзистенциально и неуничтожимо.

Геополитическая доктрина эрдогановской Турции была рассмотрена нами в статье «Возрождение империи: “турецкий треугольник”» [4], так что здесь мы уделим ей лишь внимание, необходимое для её сравнения с «большим проектом» Ирана («иранским квадратом»⁴).

Исследование осуществляется на основе системного, компаративного и феноменологического методов.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ИРАНА

Иранская цивилизация – более древняя, чем турецкая. Расцвет Персидской империи происходит в VI–V вв. до н. э. (в Турции этот период приходится на XVI в. н. э.). Её территория простиралась от Нила на западе до Инда и предгорий Гиндукуша на востоке (см. рис. 1).

На протяжении своей истории Персия подвергалась полному или частичному завоеванию со стороны войск Александра Македонского, арабов,

³ См. об этом: Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Арктогея. Философский портал. URL: <http://arcto.ru/article/524> (дата обращения: 08.09.2021).

⁴ В коврах, изготавливаемых в иранском городе Кум («кумах»), основным паттерном является иранский, или персидский квадрат. Таким образом, применяемый нами термин имеет определённые корни в культурной традиции иранцев.

турок, монголов, англичан и русских, но персидский этнос как таковой никогда не исчезал, в том числе и из актуальной истории Евразии и мира. «Каждое нашествие выявляло их способность к сопротивлению, стойкую приверженность их идентичности, заставляло их возрождаться, конечно, в ином виде, но с сохранением определённых позиций, образа жизни, выражения чувств и, что, возможно, самое важное – образа мысли» [6, с. 3]. «Образ мысли» иранцев – это главным образом шиитский вариант ислама, который, как считается, персы приняли в противостоянии арабским завоевателям-суннитам. В настоящий период Иран является «шиитской сверхдержавой» (термин предложен академиком А. М. Васильевым [2] и подчёркивает глобальную роль Ирана в защите и продвижении ценностей шиизма).

Рис. 1 / Fig. 1. Персидская империя на пике своего могущества / The Persian Empire at the height of its power

Источник: Исторические карты и иллюстрации : [сайт].

URL: <https://jhist.org/maps/persia05.htm> (дата обращения: 08.09.2021).

ШИИЗМ

Первой и важнейшей стороной «иранского квадрата» является **ШИИЗМ**. В отличие от суннитов шииты полагают религиозную власть в умме (мусульманской общине) не выборной, но наследуемой по прямой линии от имама Али, зятя и одновременно двоюродного брата пророка Мухаммеда, получившего свой религиозный статус непосредственно из рук Пророка⁵. Двенадцатый по счёту шиитский имам исчез таинственным образом, но в некий Судный день он непременно вернётся, и все мусульмане обратятся к единой исламской вере, а сущий мир вновь обретёт экзистенциальную целостность. Таким образом, шииты почитают себя носителями высшей истины, хранящими её до момента Страшного суда: «У всякой вещи есть господин, и господи-

⁵ Подр. об этом см.: [3].

ном собраний является собрание шиитов. У всякой вещи есть имам, и имамом земли является место, где живут шииты. У всякой вещи есть желание, и этот мир желает, чтобы в нём жили шииты ... не будет никого ближе к Аллаху в День Воскресения, чем наши шииты»⁶. Та же идеологема лежит в основе специфической управленческой иерархии современного Ирана. После «исламской революции» 1979 г., которую возглавил вернувшийся из эмиграции во Франции аятолла⁷ Р. М. Хомейни, Иран стал Исламской республикой Иран (ИРИ), теократическим государством, где верховную власть в центре и на местах осуществляют духовные лица. Реальным правителем страны является Рахбар, или Высший руководитель, одновременно имеющий религиозный статус верховного аятоллы. Рахбар – выборное лицо, его избирает Совет экспертов, состоящий из 86 авторитетных богословов (муджтахидов). Юридическим главой государства при этом выступает президент, которым может быть как светское лицо, так и представитель Мечети. Рахбар определяет все направления внутренней и внешней политики страны, он также верховный главнокомандующий и глава военной разведки. Ключевые политические решения принимаются президентом и правительством только после их одобрения Рахбаром. Кандидаты на пост президента, членов правительства и депутатов Исламского консультативного совета (парламента) утверждаются Советом стражей Конституции, который состоит из 12 членов, шестеро из которых являются духовными лицами и назначаются непосредственно Рахбаром, а остальные шестеро – юристы, получившие санкцию Главы судебной системы⁸. Совет возглавляется аятоллой и имеет право накладывать вето на решения парламента, а также вносить поправки в Конституцию. Все законы государства должны соответствовать шариатскому праву, и обеспечение этого также является функцией Совета.

В Иране «шиизм является не просто основой мировоззрения, но и основой формирования стереотипов этического поведения, внутрисоциального менталитета» [3, с. 143]. Во внешнем же политическом контуре шиизм – база иранского «экспорта исламской революции».

Шииты⁹ составляют более 90% населения Ирана¹⁰ и проживают ещё в нескольких государствах Большого Ближнего Востока. В Азербайджане, Ира-

⁶ Шейх Садук (ас-Садук аль-Кумми, Мухаммад Абу Джафар ибн Али ибн аль-Хуссейн ибн Муса ибн Бабавайх). Достоинства шиитов [Электронный ресурс] / пер. С. Рыжкова // Имамат. URL: <http://www.imamat-books.ru/imamat/627-dostoinstva-shiitov.html> (дата обращения: 08.09.2021).

⁷ Аятолла – в буквальном переводе «знамение Аллаха», высший богословский титул, означающий возможность выносить самостоятельные решения по вопросам мусульманского права.

⁸ В судебную систему Ирана входят суды Народный и Революционный. Отдельно существует Особый духовный суд.

⁹ В данном случае мы не рассматриваем направления внутри шиитского варианта ислама и их различия.

¹⁰ The Global Religious Landscape // Pew Research Center : [сайт]. URL: <https://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec> (дата обращения: 11.09.2021).

ке и Бахрейне это более половины населения, в Пакистане, Ливане, Йемене, Горно-Бадахшанской области Таджикистана – значительная часть. Так или иначе шииты присутствуют во всех мусульманских странах. Особое место в этом ряду занимает Сирия. Сирийская правящая элита – это в основном алавиты, религиозное мировоззрение которых соединяет в себе черты нескольких религий, как мировых, так и региональных. Но в 1973 г. фетвой ливанского имама-двунадесятника Мусы ас-Садра алавиты были признаны мусульманами и шиитами, а в 1982 г. специальную фетву о шиизме алавитов издал аятолла Р. М. Хомейни. Современная Сирия – шиитская страна, представляющая «стратегическую глубину Ирана» [1, с. 63]. В 2011 г. Иран и Сирия заключили военный союз, на основе которого в рамках Сирийского вооружённого конфликта (2011 г. – н. вр.) террористическому Исламскому государству¹¹ и вооружённой сирийской оппозиции противостоят наряду с сирийской регулярной армией иранские военные (преимущественно КСИР¹²), а сирийской армии поставляется иранская боевая техника.

Совокупность стран со значительным присутствием шиитов среди населения иногда называют «Большой Иран», однако, вопреки названию, влияние Ирана в этих странах не только не всегда бывает весомым, но в большинстве случаев требует от Исламской Республики Иран определённых затрат и усилий [8]. Однако, несмотря на препятствия, Иран упорно реализует свой «большой проект».

Так, в Ираке, где шииты составляют около 60% населения¹³, под влиянием иранского КСИР в 2005 г. было выдвинуто требование создать «федеративное шиитское государство»¹⁴. Иран также стоял за двумя военизированными иракскими структурами, противостоявшими американскому вторжению в эту страну: Бригадами Бадра¹⁵ и Армией Махди¹⁶. При этом между «бригадами» и «армией» иной раз вспыхивали и вооружённые стычки, которые обе-

¹¹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ (*прим. ред.*).

¹² Корпус стражей иранской революции (Революционная гвардия, Пасдаран) – военная структура, созданная в 1979 г. из сторонников аятоллы Хомейни, входивших в состав т. наз. революционных комитетов. Основная задача – защита завоеваний иранской революции. Является частью вооружённых сил Ирана. Глава Корпуса назначается Рахбаром и подчиняется лично ему. В настоящее время в состав КСИР входят сухопутные, военно-воздушные, военно-морские силы, а также народное ополчение (Басидж). Общая численность – около 400 тыс. чел., численность Басидж – около 10 млн чел.

¹³ Сажин В. И. Иран и шииты в Ираке // Институт Ближнего Востока : [сайт]. [19.04.2004]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3167> (дата обращения: 06.09.2021).

¹⁴ Иракские шииты требуют создания отдельного государства // Сегодня.ru : [сайт]. [11.08.2005]. URL: <http://www.segodaya.ru/content/25452> (дата обращения: 06.09.2021).

¹⁵ Созданы в 1982 г. как военное крыло иракского Верховного совета исламской революции, возглавлялись иранскими офицерами, вооружались Ираном. В ходе политической эволюции большая часть растворилась в одной из политических партий.

¹⁶ Иракская шиитская военизированная структура.

каемо назывались «внутришиитскими противоречиями». Однако, несмотря на усилия иранцев, «в Ираке вряд ли удастся создать нечто подобное Исламской Республике Иран. Иранское влияние в Ираке имеет свои пределы»¹⁷.

Иран обвиняли в организации антиправительственных шиитских выступлений в Бахрейне (70% населения – шииты, но правящей элитой являются сунниты), которые особенно активно осуществлялись в 2011 г.¹⁸.

Массовые выступления шиитов Саудовской Аравии в 1979 г., сразу после иранской «белой революции», сопровождалось требованием создания независимой Исламской республики Эль-Хаса. Они происходили в Восточной провинции королевства, которая даёт 90% саудовской нефти и является наиболее промышленно развитой, и были настолько болезненны для властей, что преследование их участников прекратилось только в 1993 г. Волнения повторились в 2011 г. и были жестоко подавлены¹⁹. В 2015 г. уже в другой провинции, Наджране, также произошли волнения шиитов и было выдвинуто требование образования независимого шиитского государства²⁰. Во всех случаях антиправительственных действий в подстрекательстве обвинялся Иран²¹.

Иран подозревается саудитами и в поддержке движения хуситов (шиитов-зейдитов) «Ансар-Алла» в Йемене, взгляды которых схожи с идеалами «исламской революции» в Иране. Власти королевства опасаются, что шииты Йемена (по разным оценкам, от 30 до 40% населения) объединятся с шиитами южных и восточных провинций Саудовской Аравии и тогда независимое шиитское государство может стать реальностью, отторгнув у саудитов самые ресурсные районы²².

Иран, повторим, поддерживает шиитские общины и структуры на Ближнем Востоке не только из соображений защиты единоверцев, но главным образом с целью экспорта «исламской революции» и её принципов. Наибо-

¹⁷ Мирский Г. Шииты в современном мире // Русский архипелаг : [сайт]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/mirsky/?library=2656> (дата обращения: 09.09.2021).

¹⁸ Dispatch: Bahrain Protests as a Proxy Battle // Stratfor. Global Intelligence : [сайт]. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/20110217-dispatch-bahrain-protests-proxy-battle> (дата обращения: 09.09.2021).

¹⁹ Косач Г. Шиитский клинок в сердце ваххабизма. Дискриминация религиозного меньшинства остаётся одной из главных политических проблем С-Аравии // ЦентрАзия : [сайт]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1353441900> (дата обращения: 08.09.2021).

²⁰ Саудовская Аравия пошла по пути Ирака, Сирии и Ливии? // Muslim politic : [сайт]. URL: <http://muslimpolitic.ru/2015/06/saoudovskaya-araviya-poshla-po-puti-iraka-sirii-i-livii> (дата обращения: 09.09.2021).

²¹ Косач Г. Шиитский клинок в сердце ваххабизма. Дискриминация религиозного меньшинства остаётся одной из главных политических проблем С-Аравии // ЦентрАзия : [сайт]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1353441900> (дата обращения: 08.09.2021).

²² Йемен: Иран продолжает поддерживать сепаратистов и мятежников // SMIonline : [сайт]. URL: http://so-l.ru/news/show/yemen_iran_prodolzhaet_podderzhivat_s_pr (дата обращения: 09.09.2021).

лее активна в этом процессе такая шиитская структура, как «Хезболла» (по другой транскрипции – «Хизбалла»). Она возникла в 1982 г. вначале как просветительская структура по изучению шиитского варианта ислама в Ливане (по разным оценкам, в Ливане от 27% до 35% населения – шииты), но затем провозгласила своей целью создание в Ливане теократического государства по примеру Ирана. «Хезболла» имеет в Ливане собственные банки, телевизионный канал «Аль-Манар», несколько радиостанций, сайты в интернете, свою систему здравоохранения, образования (включая университеты), социальную инфраструктуру, свою судебную систему и военную организацию. Военная организация «Хезболлы», «Исламское сопротивление», в настоящее время формально самостоятельна, что позволяет очистить «Хезболлу» от обвинений в терроризме. Ливанская «Хезболла» с 1992 г. представлена в парламенте страны и, таким образом, сочетает характеристики системной и внесистемной оппозиционной силы²³. Американские спецслужбы утверждают, что «Хезболла» создаёт «спящие» ячейки, разведывательную и тренировочную сеть по всей Латинской Америке – особенно активно в Боливии, Венесуэле, Кубе, Мексике, Эквадоре, Никарагуа, Доминике, Антигуа-и-Барбуда, Сент-Винсенте и Гренадинах²⁴.

«Экспорт исламской революции» и связанная с этим поддержка Ираном шиитского сепаратизма и антиправительственных выступлений в странах Ближнего Востока могут привести в будущем к созданию федерации самопровозглашённых шиитских государств на части территорий Ирака, Ливана, Кувейта, Катара, ОАЭ, Бахрейна, Омана, Йемена, а также Королевства Саудовской Аравии в её Восточной провинции, Наджране и Асире. Запасы углеводородов данной федерации вкуче с иранскими составят бо́льшую часть нефтяных и газовых богатств Персидского Залива и всего Ближнего Востока. «Это арабское шиитское государство, если оно когда-нибудь будет реально создано, протянется вдоль всего западного берега Персидского залива, превратив его, если учитывать территорию Ирана, во внутреннее “шиитское море”»²⁵.

«Ислам – это политика или ничего», – говорил аятолла Хомейни²⁶. В рамках этой концепции находятся все действия иранского государства.

Разумеется, поддержка шиизма Ираном ведётся и пропагандистскими методами, такими как: создание художественных фильмов религиозно-про-

²³ Хезболла // Академик : [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/697690> (дата обращения: 11.09.2021).

²⁴ Исламизм в Латинской Америке // Политинформация. Аналитика, факты, комментарии : [сайт]. URL: <http://politinform.su/geopolitika/13176-islamizm-v-latinskoy-amerike.html> (дата обращения: 09.09.2021).

²⁵ Шиитский полумесяц // Мировая политика и ресурсы : [сайт]. URL: <http://www.wpru.ru/archives/tag/jemen> (дата обращения: 09.09.2021).

²⁶ Имам Хомейни: Исламская революция и её наследие // Исламская революция : [сайт]. URL: <https://iran1979.ru/imam-homejni-islamskaya-revoluciya-i-ee-nasledie> (дата обращения: 09.09.2021).

светительского содержания; строительство мечетей, религиозных школ-медресе, исламских культурных центров и библиотек в других странах; деятельность шиитских религиозных миссионеров.

Религия является главным компонентом иранского геополитического проекта, но в турецком «большом проекте» она играет хоть и важную, но вспомогательную роль, служа сакрализации основного его элемента – неоосманизма и стремления воссоздать в новой форме разрушенную Первой мировой войной Османскую империю. Реализуя концепцию неоосманизма, Турция применяет следующие инструменты: создание военных баз, демонстрацию военной силы и прямые боевые действия турецкой армии на бывших османских территориях и в акваториях (военные операции в Северной Сирии, манёвры военных кораблей Турции возле Южного Кипра для предотвращения разведки и добычи газа греческими властями); государственную поддержку, в том числе в финансовом плане, переселения турок в бывшие инклюзии Османской империи, а также экспансии турецкого бизнеса в эти страны; создание средствами кинематографа и художественной литературы мифа о том, что османская Турция являлась государством, где царили социальная справедливость, религиозный и межэтнический мир. Проводя неоосманистскую политику на территориях, населённых мусульманами, Турция применяет доктрину суннитского панисламизма в качестве средства воздействия, а там, где этнически близкое туркам население исповедует другую религию (тюрки-католики, тюрки-православные), используется концепт пантюркизма. При этом турецкие технологии продвижения суннизма мало отличаются от иранских пропагандистских технологий поддержки шиизма: строительство и реставрация суннитских мечетей на трёх континентах, в Азии, Европе и Африке (преимущественно в странах, располагающихся на территории бывшей Османской империи); создание религиозных образовательных учреждений (теологические факультеты, исламские лицеи) и курсов по изучению Корана в других странах (везде присутствуют турецкие преподаватели)²⁷. Однако никаких технологий «экспорта исламской революции» Турция не применяет, это светская страна (ст. 2 Конституции Турецкой Республики²⁸). Тем не менее в связке «неоосманизм – суннитский панисламизм» существует идея формирования «исламской сверхдержавы» со столицей в Стамбуле, конфедерации на основе шариатского права, включающей 61 страну с преобладанием мусульманского населения. Называться она будет Асрика (Азия плюс Африка). Идея продвигается турецким Центром стратегических исследований защитников справедливости (ASSAM), который опубликовал проект конституции Асрики и с 2017 г. еже-

²⁷ Подр. см.: [5].

²⁸ Конституция Турецкой Республики // Конституции государств (стран) мира : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 11.09.2021).

годно проводит конференции с обсуждением деталей воплощения данной идеи²⁹.

Подчеркнём ещё раз: не религия, а неоосманизм – основной элемент турецкого геополитического проекта и основная сторона «турецкого треугольника». **В турецком «большом проекте» на первом месте – вполне земное имперское начало, а в иранском – сакрально-ценностное, сверхъестественное.**

АРИЙСТВО

Второй стороной иранского квадрата является **арийство**, декларируемая принадлежность к ариям. Концепция Арийской империи (Эраншахр) возникла в период наибольшего расцвета Древней Персии, при Сасанидах, и на тот момент арийцами называли приверженцев зороастризма, государственной религии Персидской империи («эран» – мн. ч. от «арий»). В данной трактовке арии – это носители абсолютной религиозной истины и тем самым носители абсолютной и единственно истинной формы земной власти, основанной на этой религии. Возрождение концепции Арийской империи произошло в XX в. при шахе Резе Пехлеви, который в 1935 г. в соответствии с этой концепцией сменил официальное название страны с греческого «Персия» на изменённое древнеперсидское «Эран» (страна ариев) – Иран. Современное иранское летоисчисление и официальный флаг сочетают исламскую и арийскую (зороастрийскую) традиции³⁰.

В Авесте, древнеиранских священных текстах зороастрийцев, встречается как термин «арии» (благородные люди), так и термин «туирьи» (иные, чужаки³¹), откуда впоследствии родилось противопоставление Ирана и Турана (слово «туирьи» с течением времени превратилось в «тюр» и «тур»). Заметим при этом, что концепт Великого Турана входит составной частью в геополитический проект современной Турции (в данном случае Туран трактуется как территория проживания всех тюрок). Таким образом, современное противостояние иранского и турецкого геополитических проектов имеет очень древние корни.

²⁹ Асалыоглу А. Эрдоган идёт на создание исламского союза «АСРИКА» // Regnum.ru : [сайт]. [09.03.2021]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3210174.html> (дата обращения: 12.09.2021).

³⁰ Летоисчисление ведётся от хиджры (переселение Пророка и его последователей из Мекки в Медину), но основывается на солнечном, а не на лунном годе (солнечная хиджра), названия месяцев – зороастрийские. Календарный год начинается со дня весеннего равноденствия. Цвета флага восходят как к исламским традициям (зелёный – цвет райских садов Аллаха, красный – цвет пролитой за веру крови, белый – благородство целей последователей Пророка), так и к арийским цветовым характеристикам трёх основных социальных групп (красный – воины, белый – духовенство, зелёный – крестьянство).

³¹ Строго говоря, туирьи и ещё три племена, противопоставлявшиеся в Авесте ариям, носили общее название «анарьянам» (не-арии), но только название племена туирьев породило затем топоним Турана, первоначально обозначавший территорию расселения кочевых племён в противовес территории оседлых ариев (Арьянам, Эран).

Если иранский «большой проект» использует концепт арийства, то турецкий – концепт пантюркизма как дополнительный к основному концепту неоосманизма. Турция стремится стать центром геополитического пространства, объединяющего не только бывшие инклюзии Османской империи, но вообще всех тюрков Евразии («Великий Туран»). Для реализации этой цели создан (2009 г.) Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский совет), штаб-квартира которого располагается в Стамбуле, Парламентский совет – в Баку, Тюркская Академия (научные исследования различных аспектов жизни тюркских народов) – в Нур-Султане, а Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) – в Анкаре. В 2019 г. в рамках Тюркского совета созданы Тюркский инвестиционно-интеграционный фонд (ТИИФ), а также Тюркская торгово-промышленная палата (ТТПП). В 2019 г. в Баку был подписан «Протокол о сотрудничестве между учреждениями общественного вещания государств – членов Тюркского совета». Достигнута договорённость о создании совместных документальных, художественных фильмов и видеороликов для реализации проектов «100 лиц Тюркского мира» и «Святая земля Тюркского мира». Тюркской академии и министерствам образования стран Тюркского совета поручено завершить работу над учебниками для средних школ стран-участниц Совета: по общей истории тюркских народов до XV в., а также по общей географии и литературе тюркского мира. В 2012 г. на очередном саммите Тюркского совета был принят и в том же году впервые поднят общий флаг, сочетающий в себе символы из флагов всех стран-членов Совета (цвет – Казахстан, звезда – Азербайджан, солнце – Киргизия, полумесяц – Турция). Предписывается на официальных мероприятиях одной из стран Совета располагать этот флаг рядом с флагом данной страны, что и исполняется. В ноябре 2021 г. на очередном саммите Тюркского совета он был преобразован в Организацию тюркских государств, что придало новый импульс проекту Великого Турана, равно как и принятый тогда же стратегический документ – «Видение Тюркского мира – 2040». Прогнозируется также формирование структуры с затейливым названием Ассоциация правоохранительных органов военного статуса Евразии («армия Турана»). В 1992 г. при турецком Министерстве иностранных дел было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТІКА). Координационные офисы ТІКА находятся в 54 странах Азии, Европы и Африки. Особо отметим, что Агентство выделяет стипендии государственным должностным лицам этих стран для обучения и профессиональной подготовки в Турции. Обучение за счёт Турецкой республики предоставляется и медицинскому персоналу различного уровня, военным, полицейским, а также религиозным деятелям (в том числе преподавателям исламских учебных заведений)³².

Повторим ещё раз: **в политических практиках неоосманизма Турция применяет в качестве геополитического инструментария как суннит-**

³² Подробнее см.: [4].

ский панисламизм, так и пантюркизм в зависимости от преобладающей характеристики населения бывших инклюзий Османской империи (религиозная либо этническая составляющая).

В Иране же арийство, т. е. неразрывная связь с Эраншахром («Царство благородных») как с империей благородства и справедливости, выражается в том числе в следующем положении Конституции: «Исламская республика Иран, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую борьбу угнетённых против угнетателей во всём мире»³³, а также в соответствующих геополитических практиках.

Главным угнетателем человечества в Иране считаются США («большой сатана»), а противостояние американскому экспансионизму является одной из основных геополитических практик Ирана. «Тегеран ... сделал антиамериканизм одной из базовых основ своей государственной идеологии»³⁴. При этом Израиль почитается в современном Иране «малым сатаной» и верным приспешником США. Несмотря на то, что арабы и персы имеют неоднозначные взаимоотношения, за антиизраильскими военизированными арабскими структурами («Бригады мучеников Аль-Акса», ТАНЗИМ, ХАМАС, «Исламский джихад», «Народный фронт освобождения Палестины») израильтяне видят «руку Ирана». «Вообще сегодня в любую точку, с которой уйдет Иерусалим, придёт Тегеран», – пишет один из израильских политологов³⁵.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Аятолла Хомейни делил мир на обездоленных и угнетателей и выдвинул лозунг: «Обездоленные всего мира – объединяйтесь!». Он призывал мусульман всего мира объединиться независимо от того, шииты они или сунниты, в антиимпериалистической борьбе против «угнетателей» и использовать в этой борьбе своё основное оружие – нефтяные ресурсы, поскольку «нефть, важнейшее ископаемое, находится ... в руках мусульман, в недрах исламских земель», и угнетатели «должны покупать эту нефть по самой высокой цене» [10, с. 114].

Этот призыв великого аятоллы прочерчивает третью сторону «иранского квадрата» – **энергетические ресурсы как средство геополитической борьбы.**

Иран – энергетическая сверхдержава, он занимает четвёртое место в мире по разведанным запасам нефти и второе – по разведанным запасам

³³ Конституция Исламской республики Иран, ст. 154 // Исламская революция : [сайт]. URL: <https://iran1979.ru/constitution-of-islamic-republic-of-iran> (дата обращения: 09.09.2021).

³⁴ Смагин Н. 40 лет антиамериканизма. Почему Тегерану не удаётся помириться с США // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/opinions/7080225> (дата обращения: 06.09.2021).

³⁵ Шмулевич А. «Шиитский пояс» вокруг Израиля // АПН. Агентство политических новостей : [сайт]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1552.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

природного газа³⁶ и обладает наибольшим танкерным флотом в мире, осуществляющим доставку иранской нефти на мировые рынки³⁷. Нефтегазовая отрасль в Иране находится под контролем государства. Основные импортёры иранской нефти – Китай, Индия, Япония и Южная Корея. Из европейских стран иранскую нефть получают Греция, Италия, Испания и Франция. Иранский газ поставляется в Турцию, ОАЭ, Ирак, Кувейт, Тайвань, Шри-Ланку, ЮАР, а также в Оман, Индию и Пакистан.

В настоящее время экспорт иранской нефти и газа сдерживается санкциями со стороны США и их геополитических союзников, а также прямыми угрозами странам-импортёрам со стороны США. К примеру, в 2013 г. в Пакистане вспыхнули массовые выступления «против коррупции», которые, как известно, являются начальным этапом любой «цветной революции», при этом американцы прямо указали пакистанским властям на то, что технология «цветной революции» будет применена в полном объёме в случае реализации проекта газового трубопровода Иран – Пакистан (IP, «Мир»), и убеждали заменить иранский газ туркменским. В сложившихся условиях Пакистан передал подряд на строительство пакистанского участка трубопровода Китаю (85% финансовых вложений в проект IP), а порт Гвадар, морской выход трубопровода, – под китайское управление. Так проект превратился из ирано-пакистанского в ирано-китайский, а Пакистан формально оказался в стороне³⁸. Отметим также, что мятеж в Сирии стал разрастаться почти синхронно с подписанием 25 июня 2011 г. в Бушере меморандума о строительстве нового газопровода Иран – Ирак – Сирия³⁹.

Иран также является крупнейшим производителем электроэнергии на Среднем и Ближнем Востоке и поставляет электроэнергию в Афганистан, Армению, Азербайджан, Ирак, Ливан, Пакистан, Туркменистан, Турцию и Нахичеванскую Республику (эксклав Азербайджана). Иран располагает крупнейшей на Ближнем и Среднем Востоке электроэнергетической сетью.

КОММУНИКАЦИИ

Наконец, четвёртая сторона «иранского квадрата» – **коммуникации**. Иран с древности является страной-транзитёром. Через иранскую террито-

³⁶ Нефтегазовая отрасль Ирана // Neftegas.RU : [сайт]. URL: <https://magazine.neftegas.ru/articles/rynok/504876-neftegazovaya-otrasl-irana> (дата обращения: 09.09.2021).

³⁷ Amirahmadian B. Iran as a Geopolitical Actor // E-Almanac Space and Time : [сайт]. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t13v1/PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast13-1.2016.41.pdf (дата обращения: 09.09.2021).

³⁸ Панкратенко И. Интрига газопровода Иран – Пакистан – Китай // Aftershock. Каким будет завтра : [сайт]. [30.10.2015]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/345257&full> (дата обращения: 09.09.2021).

³⁹ Сирия: истинные причины войны // Военная хроника : [сайт]. URL: http://voenkhronika.ru/publ/sirija_vojna/sirija_istinnye_prichiny_vojny_gaz_neft_gazoprovody_rossija_analitika_2013_god/58-1-0-2613 (дата обращения: 10.09.2021).

рию проходят транспортные коридоры, с помощью которых страны Европы, в том числе Россия, выходят к Южным морям. Так, коридор «Север-Юг» (NOSTRAC) соединяет Северную Европу и Россию с Индией и Индийским океаном, причём в «коридор» входят как железнодорожные, так и автомобильные, морские пути (проект реализован пока не полностью, но в преобладающей части). Большое значение имеет Евроазиатский транспортный коридор (TRACEKA), связывающий Европу с Центральной Азией.

Железные дороги Ирана и государств Центральной Азии соединены, причём при транспортировке транзитных грузов из стран Центральной Азии по иранским железным дорогам предоставляются 35% скидки, в Пакистан – 40% скидки и в Турцию – 50% скидки: как в прямом, так и в обратном направлении⁴⁰.

Будучи членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁴¹, Иран способствует железнодорожному, автомобильному и трубопроводному сообщению стран-членов ШОС с регионом Большого Ближнего Востока.

ИРИ активно участвует в проекте Нового Шёлкового пути, инициированном Китаем, поскольку этот проект ведёт к «ключевой геополитической роли Ирана в центре Евразии»⁴². Существует и другой проект Нового Шёлкового пути, американский, – и в нём Ирана нет⁴³.

С 2012 г. существует проект канала между Каспийским морем и Персидским заливом, который, в частности, позволил бы России смягчить проблему использования турецких проливов для выхода к Южным морям. Проект предполагает соединение водных путей на пространстве от Балтики до Индийского океана. США и Турция активнейшим образом противодействуют этому проекту, в силу чего он не реализован, хотя строительство канала планировалось завершить ещё в 2016 г.⁴⁴. Недавние проблемы с судоходством по Суэцкому каналу вновь оживили интерес к данному проекту.

⁴⁰ Иран предоставляет скидки при транспортировке транзитных грузов из стран Центральной Азии // Review.uz : [сайт]. URL: <http://www.review.uz/index.php/novosti-main/item/4104-iran-predostavlyaet-skidki-pri-transportirovke-tranzitnykh-gruzov-iz-stran-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 08.09.2021).

⁴¹ Иран получил членство в ШОС 17 сентября 2021 г., а до этого имел статус страны-наблюдателя.

⁴² Escobar P. New great game revisited, Part 2. Iran, China and the New Silk Road // Asia Times online. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/KG26Ad02.html> (дата обращения: 09.09.2021).

⁴³ Одна из целей разработки американцами этого проекта – последующее создание военных баз США по всему региону Центральной Евразии «для обеспечения безопасности» трубопроводов и других транспортных путей и получение свободного доступа к ресурсам региона. По разным причинам этот проект не получил своего полного развития, но США активно препятствовали и реализации китайского проекта, устраивая «цветные революции» в ключевых странах на отдельных направлениях китайского варианта Шёлкового пути.

⁴⁴ Володин А. Иранский водный канал: проект строительный или политический? // Военное обозрение : [сайт]. [13.08.2012]. URL: <http://topwar.ru/17657-iranskiy-vodnyy-kanal-proekt-stroitelnyy-ili-politicheskiy.html> (дата обращения: 09.09.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иран играет заметную роль в геополитическом процессе как в регионе Большого Ближнего Востока, так и во всей Евразии и мире в целом, опираясь на собственный геополитический проект, составными частями которого являются шиизм, арийство, энергетические ресурсы и коммуникации («иранский квадрат»). При этом Иран имманентно противостоит Турции и её геополитическому проекту, составными частями которого являются панисламизм суннитского толка, пантюркизм и неоосманизм («турецкий треугольник»).

В завершение краткой характеристики геополитического проекта Ирана приведём прогноз профессора Тегеранского университета Бахрама Амирахмадиана о близком будущем Исламской Республики Иран: «К 2025 г. Иран способен стать наиболее влиятельной страной региона ... и занять в нём первое место» [11]. Так иранский исследователь видит ближайший результат соперничества «иранского квадрата» с «турецким треугольником».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. Новая сирийская стратегия Тегерана // Современный Иран. 2015. № 44. С. 61–65.
2. Васильев А. М. Иран как шиитская сверхдержава: реальные и мнимые вызовы // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8. С. 3–7.
3. Ибяттов Ф. М. Политическая философия и социальная доктрина ирано-шиитской революции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 5. С. 138–144.
4. Комлева Н. А. Возрождение империи: «Турецкий треугольник» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.09.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1082
5. Ли Ю. Состояние религиозного образования в Турции // Россия и мусульманский мир. 2006. № 2. С. 139–144.
6. Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2012. 429 с.
7. Свистунова И. А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (4). С. 130–144.
8. Сулимов С. И., Трегубова Д. Д. Шиитский исламизм как политический фактор // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 158–161.
9. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / пер. с англ. А. А. Калинина, В. А. Нарицы, М. Я. Мацковской. М.: Эксмо, 2010. 336 с.
10. Хандогин К. Идеология хомейнизма и её влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана // Власть. 2011. № 10. С. 111–114.

11. Amirahmadian B. Iran as a Geopolitical Actor // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. Т. 13. Вып. 1. URL: <http://www.j-spacetime.com> (дата обращения: 11.09.2021).

REFERENCES

1. Alekseev V. [New Syrian Strategy of Tehran]. In: *Sovremennyyi Iran* [Modern Iran], 2015, no. 44, pp. 61–65.
2. Vasil'ev A. M. [Iran as the Shiite Superpower: Real and Imaginary Challenges]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia & Africa today], 2012, no. 8, pp. 3–7.
3. Ibyatov F. M. [Political Philosophy and Social Doctrine of Iranian Shiah Revolution]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2010, no. 5, pp. 138–144.
4. Komleva N. A. [The rebirth of the empire: "Turkish triangle"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru (accessed: 10.09.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1082
5. Li Yu. [The State of Religious Education in Turkey]. In: *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem World], 2006, no. 2, pp. 139–144.
6. Roux J.-P. Histoire de l'Iran et des Iraniens : des origines a nos jours (Rus. ed: Nekrasov M. Yu., transl. *Istoriya Irana i irantsev. Ot istokov do nashikh dnei*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 429 p.).
7. Svistunova I. A. [Turkish-Iranian relations in the Middle East: in search of the regional balance]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2019, no. 12 (4), pp. 130–144.
8. Sulimov S. I., Tregubova D. D. [Shiite Islamism as a political factor]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2019, vol. 12, iss. 6, pp. 158–161.
9. Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century (Rus. ed.: Kalinin A. A., Naritsa V. A., Matskovskaya M. Ya., transl. *Sleduyushchie 100 let: prognoz sobytii XXI veka*. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 336 p.).
10. Khandogin K. [The Khomeinist Ideology and its Influence on Forming Conceptual Basis of Iran Foreign Policy]. In: *Vlast'* [The Authority], 2011, no. 10, pp. 111–114.
11. Amirahmadian B. Iran as a Geopolitical Actor. In: *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time], 2016, vol. 13, iss. 1. Available at: <http://www.j-spacetime.com> (accessed: 11.09.2021).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 13.09.2021

Статья размещена на сайте: 02.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем; e-mail: komleva1@yandex.ru

Natalia A. Komleva – Dr. Sci. (Politics), Prof., Director, Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems; e-mail: komleva1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Комлева Н. А. «Иранский квадрат» против «турецкого треугольника» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Komleva N. A. "Iranian square" against "Turkish triangle". In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 504.75:32

Кузнецова А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Комплексный анализ и рассмотрение эволюции содержательной и семантической составляющих биополитики как научного направления политологических исследований.

Процедура и методы. Отобраны и проанализированы работы как отечественных, так и англоязычных представителей в области изучения биополитики; рассмотрены различные подходы в рамках данного направления исследований. В работе использованы герменевтический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Выявлены специфические черты, характерные для разных подходов в рамках биополитики, а также определены тенденции дальнейшего развития её научного поля.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе представлена систематизированная история эволюции – как исследований, объединённых названием «биополитика», так и их понятийного оформления, что позволяет прояснить суть и взаимосвязь различных биополитических штудий. В то же время выделенные тенденции развития помогают показать возможные направления дальнейших исследований в русле биополитики и векторы практического применения теоретических разработок в контексте реализации управленческих мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

биополитика, биополития, биовласть, концепция «полного мира»

СТРУКТУРА

Введение

Предпосылки становления биополитики

Институционализация и направления биополитики

Классические и новые концепции биополитики

Биополитика в XXI в.

Заключение

A. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University
27 k. 4 Lomonosovskii pr-t., Moscow 119991, Russian Federation

HISTORY OF BIOPOLITICS' FORMATION AS AN APPROACH OF POLITICAL STUDIES

ABSTRACT

Aim. This paper aims at a comprehensive analysis and consideration of biopolitics' content and semantic components evolution as a type of scientific approach in political science research.

Methodology. For this study were selected and analyzed the works of both Russian and foreign representatives in the field of biopolitics, on the basis of which various approaches were considered in the framework of this research area. Hermeneutic and comparative historical methods were used in this paper.

Results. The specific features characteristic of different approaches within the framework of biopolitics were revealed, and trends in the further development of its scientific field were determined.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the work presents a systematized history of the evolution of both research, united by the name "biopolitics", and its conceptual design, which makes it possible to clarify the essence and interconnection of various biopolitical studies. At the same time, the identified development trends help to show possible directions of further research in the mainstream of biopolitics and vectors of theoretical developments' practical application in the context of the implementation of management measures.

KEYWORDS

biopolitics, biopolitics, biopower, "full world" concept

ВВЕДЕНИЕ

В рамках данной статьи поднимается вопрос исторического исследования понятия «биополитика». В русскоязычной и англоязычной традициях под термином «биополитика» зачастую понимаются различные политологические феномены. Вследствие этого можно говорить о наличии разных подходов в контексте рассмотрения биополитики как направления политологических исследований. На основе анализа различных по своей направленности и методологии англоязычных и русскоязычных источников, позволяющих рассмотреть эволюцию научных взглядов по данной проблематике, автор ставит перед собой цель составления непротиворечивой научной картины, дающей возможность осознать суть понятия «биополитика», а также выявить область практического применения методологии и разработок, развивающихся в рамках данного научного направления исследований, в контексте реализации практикоориентированных управленческих мер. Ради достижения поставленной цели автором последовательно решаются соответствующие

задачи: будут проанализированы научные предпосылки становления биополитики как направления научных исследований, рассмотрен процесс её институционализации, будет проведён исторический обзор различных подходов и научных школ, которые по-разному отвечали на вопрос о методологии и объекте биополитики; проанализируется концепция биополитики М. Фуко, а также будет представлен обзор современных подходов к исследованиям в рамках биополитики.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ

В качестве предыстории становления биополитики можно рассматривать формирование, существование, развитие и упадок различных культурно-философских парадигм, таких как мифологическая, натурфилософская, теологическая, механистическая, эволюционная, социогуманитарная. В рамках каждой из них по-разному рассматривались место человека в окружающем мире и его организующая и деятельностная функции. Например, в контексте натурфилософии подобное научное объяснение происходило через предбиополитические сопоставления социальной жизни человека и биологических процессов окружающей его среды, в контексте механистической парадигмы – через «механизацию» человека и одновременно натурфилософские взгляды на природу жизни. В качестве теоретических предпосылок формирования биополитики отчасти можно рассматривать некоторые установки, характерные для философских работ Ф. Ницше и А. Бергсона, в которых сам термин «биополитика» ещё не использовался.

В 1920 г. шведский учёный Р. Челлен стал одним из первых исследователей, выдвинувших полноценную концепцию биополитики, изучаемой как специальная научная дисциплина. Согласно его взглядам в качестве предмета биополитики должны были рассматриваться взаимодействия социальных групп через отношения борьбы – сотрудничества, напряжённой конкуренции за право обладания ресурсами, обеспечивающими возможность существования, в которых одной из сторон выступало государство.

В тот же период представители национал-социалистических взглядов выдвинули свою версию трактовки биополитики, в которой в качестве акторов исторического процесса выступали закрытые сообщества, обладающие общим генетическим наследием. Они рассматривали биологические характеристики человека как подверженные модификациям и контролю, а теоретической предпосылкой данного направления биополитики служила методология, позаимствованная из геополитики и биологии, а также расистских учений [27].

В 60–70-е гг. XX в. можно говорить о возникновении совокупности различных биополитических течений, таких как: *экологическая* (развивавшаяся на базе Римского клуба [9]) и *технологическая* (развивавшаяся на базе тех-

нологий, применяемых в генетических и репродуктивных исследованиях, в рамках биоэтик [18]) биополитики [5], а также *биополитология* (в цели которой входило создание государства, оптимально распределяющего ресурсы для рационального удовлетворения потребностей человека как биологического, общественного и культурного представителя своего вида [14]).

Собственно, и сам термин «биополитика», или «биополития», (*biopolitics / biopolicy*) возник в научной литературе в начале 60-х гг. XX в. [13, с. 264].

«Поворот к натурализму», т. е. повышенное внимание к биологическим предпосылкам в контексте изучения общественно значимых процессов, акцент на биологическую предопределённость человеческого поведения в обществе, в социальных и гуманитарных науках в середине прошлого века обусловил формирование биополитики как направления научных исследований. В качестве родоначальников биополитики как современного направления научного политологического знания можно назвать таких политологов, как Р. Мастерс, Л. Колдуэлл, С. Петерсон, А. Сомит, П. Корнинг, Т. Виджел, Г. Шуберт и др. В 60–70-е гг. XX в. в политологии оформились важные научные установки и теории в рамках таких парадигм, как системный подход (Дж. Алмонд, Д. Истон и др.) и бихевиорализм, которые послужили строительным материалом для формирования биополитики. В контексте системного подхода биополитика приобрела методологию сопоставления биологических и политических систем на основе их кибернетических свойств и наличия механизмов к саморегуляции. В контексте же бихевиорализма биополитика приобрела установку изучения поведения людей в политической сфере с учётом биологической предопределённости этого поведения.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ

В рамках биополитологии выделяются несколько различных научных школ: «американская (Л. Колдуэлл [15], Р. Мастерс [26], А. Сомит [28] и др.), немецкая (Х. Флор [21] – ряд работ которого посвящены рассмотрению бюрократии с точки зрения биологии; В. Таннесман [22] и др.), голландская (В. Фалгер [20], Ван дер Деенен [29] – эти работы в основном посвящены изучению конфликтов с точки зрения природной детерминации человека как вида, исследованию феномена этноцентризма и рассмотрению межэтнических конфликтов с позиции биологической природы людей), греческая (А. Влавianos Арвантис [30] – исследователи рассматривают биополитику как политику по сохранению биологического разнообразия живого на планете Земля, биоса, а также говорят о развитии биодипломатии, понимаемой как формирование системы международного сотрудничества по вопросам охраны биоокружения, для участия учёных и политических лидеров разных стран в создании биоцентрического общества)» [13, с. 264]. В нашей стране систематическое

рассмотрение биополитики содержится в работах А. В. Олескина [8] (Москва) и В. С. Степанова [10] (Санкт-Петербург).

Институализация биополитологии как дисциплины проходила параллельно с оформлением биоэтики Р. Ван Поттера.

В англо-американской научной литературе «biopolіcy» – это термин, которым обозначается политическое включение базовых концепций биологии и биологических технологий в культурную и экономическую сферы общества, «biopolіtics» – это термин, посредством которого обозначается неизбежность биологического детерминирования социальных и политических процессов и феноменов (через призму генетических предопределённости и эволюционных процессов). Речь идёт о пересекающихся понятиях.

КЛАССИЧЕСКИЕ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ

Возникновение новых концепций в русле биополитики в первую очередь вызвано изменениями самого характера современной жизни и современного знания. Политика, а также способы её осмысления трансформируются, что даёт начало существованию новых типов политики. В частности, например, Э. Гидденс понимает под политикой жизни «радикальные обязательства», через которые реализуется процесс поиска возможностей для «обеспечения наилучшей жизни для всех» [23, p. 156]. Таким образом, частично речь в данном случае идёт об обеспечении лучшего качества жизни, немалую роль в реализации чего играет биотехнологическое улучшение. Э. Гидденс придерживается взглядов, в соответствии с которыми трансформация отношения к индивидуальному телу способствует формированию нового типа социальности, что, в свою очередь, предполагает необходимость трансформации «техник управления» [24, p. 224] данной социальностью.

Более разработанной является версия возникновения и развития биополитики, предложенная М. Фуко [11; 25]. С точки зрения М. Фуко, форма проявления власти суверена изменилась: если ранее власть суверена основывалась на изъятии им у индивида части его продукции или услуг (оброк / барщина) взамен на своё покровительство ему и обещание помощи в достижении благостной загробной жизни, то современная рациональность правителя, начиная с XVI – начала XVII вв., строится на том положении, что государство имеет место только по отношению к самому себе и только для себя самого. Либеральная биополитика строится на основе совокупности технологий управления и либеральных форм социального регулирования и контроля над жизнью индивида, а также насаждения культуры опасности. В биополитическом смысле администрирование в подобном государстве принимает форму контроля над «показателями» здоровья индивида как рабочей силы, а биополитическая стратегия реализуется прежде всего через медицину [7, с. 137].

М. Фуко впервые начинает использовать и интерпретировать термин «биополитика» и связанные с ним понятия, такие, как «биовласть» и «биоистория», в своих трудах конца 1970-х – начала 1980-х гг. В рамках своей биополитической концепции М. Фуко рассматривал взаимозависимость власти и знания с учётом того факта, что значительное воздействие на данный процесс оказывает политическая рациональность, которая является определяющим фактором становления и развития биополитики как подхода [2, с. 33]. В интерпретации М. Фуко биополитика может пониматься как способ рационализации проблем в контексте реализации практики управления касательно феноменов, свойственных населению как живому объекту управления (а именно, здоровье, смертность, рождаемость, продолжительность жизни, гигиена и т. п.). Данный подход начал использоваться с XVIII в. и непосредственно определяется рамками политической рациональности [11, с. 405].

В качестве метафоры, иллюстрирующей сущность модели биополитической рационализации управления населением и его подчинения, М. Фуко использует образ «корабля дураков», что означает алгоритм, в соответствии с которым цель реализуемых действий (путешествия) определялась извне (властью), порядок и правила действия в пределах самого корабля устанавливались изнутри (в соответствии с конфигурацией корабля и прочими характеристиками), но сама конечная цель данного проекта имела смысл лишь для присутствующего на корабле экипажа, но не для пассажиров (поскольку последние имели помутнённый разум). Применительно к государственной политике данная метафора показывает, что биополитическая стратегия формируется в зависимости от внешних угроз при учёте внутренних характеристик и специфических особенностей устройства национальных государств, она применяется в отношении населения для достижения конкретной политической цели, но населением в полной мере рационально не осознаётся [2, с. 35].

В работе М. Фуко «История безумия в классическую эпоху» (1972) биополитика рассматривается автором одновременно в качестве формы существования власти (биовласти, выступающей в качестве так называемого конституирующего начала, но не метонимии биополитики [3, с. 63]) и деятельности, имеющей своей целью управление населением для реализации определённой политической идеи [11, с. 405].

Согласно взглядам М. Фуко, стратегия биовласти предполагает реализацию такой тактики управления, в рамках которой с точки зрения конкретно подобного типа политической рациональности сопротивление становится невозможным, так как предполагает возможность возникновения сомнения в легитимности доминирующего типа рациональности [4, с. 73]. Когда же для сомнения не остаётся места, власть приобретает безграничные возможности. В связи с развитием научного знания происходит процесс усложнения социально-политических связей; в контексте биополитики особое значение

в данном ключе, с позиции М. Фуко, приобретает прогресс в области медицинских наук. Развитие техник реализации биовласти в своих рассуждениях Фуко связывает с «продвижением процесса медиализации в Европе в начале XVIII в.» [4, с. 73]. В обозначенный период появляется возможность оказания политического воздействия не столько посредством идеологии через манипуляции сознанием, но посредством контроля «в теле и вместе с телом» [4, с. 73] (т. е. такие измерения, как соматическое, телесное, биологическое приобретают превалирующее значение, что означает, что в качестве биополитической реальности начинает выступать само тело, а в качестве биополитической стратегии используется медицина) [11, с. 82].

Последующее развитие биополитических стратегий, по мнению М. Фуко, имеет в своей основе экономические предпосылки, выступающие в виде основы реализующегося политического курса, целью которого становится обеспечение заботы о здоровье населения, рассматриваемого как совокупность государственных задач (например, составление статистики смертности и рождаемости, перепись населения и т. п.). М. Фуко исходит из предположения, что биополитические стратегии приобретают определённую специфику в зависимости от характеристик национальных государств, находя своё сущностное выражение в лице социальной медицины.

Медицина превращается в самостоятельную биополитическую стратегию или же составную часть комплекса стратегий инструментария государства [2, с. 37]. Например, для Германии, по мнению М. Фуко, характерен государственный тип медицины, для которого тела индивидов представляют интерес лишь в контексте их способности обеспечивать мощь государства в условиях реальных и потенциальных угроз и вызовов различного происхождения. В то же время для Франции, с точки зрения Фуко, характерен более урбанистический тип биополитической стратегии, что предполагает акцентирование внимания на проблематике локальных процессов, непосредственно связанных с устройством городов и жизни в городе, что можно объединить под понятием прототипа экологической политики государства. В данном случае подобная городская политика предполагает использование знаний из области химии и медицины с целью обеспечения наиболее благоприятных условий жизни граждан и их контроля через «медицину условий жизни и среды обитания» [12, с. 99]. Наиболее актуальной схемой реализации власти посредством объединения разрозненных социальных групп в черте города под эгидой регламентированной системы правления является карантин, известный ещё со времён Средневековья, XVIII в., благодаря которому становится возможным непрерывный анализ состояния городского населения, а следовательно, и сохранение контроля над городом [12, с. 90].

Для биополитической стратегии Великобритании характерно сочетание черт государственной политики, свойственной Германии, а также со-

циальной, специфичной для Франции. По мнению Фуко, английская модель биополитики позволила реализовать как наиболее общий уровень биополитических мер посредством ведения объединённой статистики соблюдения общественной гигиены, так и частный уровень мониторинга здоровья и силы рабочей категории населения, а также обеспечить меры по реализации помощи бедным, что способствовало обеспечению безопасности богатых классов от различных потенциальных угроз [12, с. 106].

Таким образом, новый тип социальности, предполагающий отдельного индивида как производительную единицу, формируется на рубеже XVIII–XIX вв. и рассматривает биологические особенности и состояния отдельно взятых индивидов в качестве факторов, предопределяющих специфику протекания процессов в общественном и политическом пространстве, от которых зависит благополучие государства. Базирующиеся на таком понимании социальности практики управления складываются постепенно.

Отметим в этой связи, что термин «биополитика» в русскоязычной научной литературе обыкновенно рассматривается в двух разных значениях: в значении направления биополитических исследований и научных подходов, что в англоязычной литературе по смысловой нагрузке соответствует понятию «biopolitics»; и в значении совокупности практик политического характера, в полномочия и задачи которых входят администрирование жизни и смерти, политика в области продовольствия, а также практического приложения биополитических разработок, что по своей смысловой нагрузке соответствует в английском языке термину «biopolicy» [7, с. 134].

На данный момент развития этой области исследований, с точки зрения автора данной статьи, подобный подход следует считать наиболее аргументированным и обоснованным. Однако существуют и другие точки зрения по данному вопросу.

В России ряд авторов предлагает считать «биополитологию» одним из составляющих более широкого понятия «биополитика»¹. Другие авторы говорят о постепенном расширении семантического поля понятия «биополитика» в двух направлениях: первое представляет собой формирование новых терминов посредством объединения традиционных понятий политической науки с корнем «био-» (например, «биолегитимность»), в то время как второе выражается в образовании совокупности терминов, а также «терминологических сочетаний», в которых отсутствует корень «био-», но направленность коих предполагает изучение проблем взаимодействия политики и жизни как таковой (например, «танатополитика», «некрополитика», «политика жизни», «молекулярная политика» и т. п.) [3, с. 65].

При всех видимых различиях реализации власти в зависимости от государственного устройства и внутренней специфики организации общим

¹ См., напр., С. А Кравченко [7].

трендом реализации биовласти становится стремление последней стать как можно более незаметной, что позволяет повысить её общую эффективность [4, с. 74]. Это означает, что объект биовластного воздействия перестаёт осознавать оказываемое на него управленческое влияние, воспринимает реализуемые решения как нечто имманентное самому себе (биовласть начинает реализовываться в качестве индуктивного управления, когда объект считает, что стимулы его поведения находятся в нём самом, а не ниспосланы извне). В процессе последующего развития медицинского знания и медицины как таковой власть приобретает новые инструменты и механизмы контроля и управления людьми посредством культивирования их собственного желания и потребности в более качественной и продолжительной жизни. Следствием этого становится возникновение специфических областей реализации биовласти, например, таких как биотехнологии, в рамках которых подход М. Фуко приобретает новое концептуальное оформление и наполняется новыми смыслами.

В новых концепциях биополитики, таких как политика жизни, антрополитика, этнополитика и т. п., вопрос о реализации управления жизнью человека и людей как биологического вида в изменяющихся условиях рассматривается по-разному. В частности, выделяется концепция молекулярной политики (Д. Рейд, М. Дилон, М. Флауэр, Д. Хит), в рамках которой в качестве объекта реализации современных биополитических стратегий управления выступают уже не сами люди, а генофонд, что поднимает вопросы о возможностях его изменения [3, с. 63]. В рамках данного подхода биология как наука превращается в инструмент, благодаря которому могут быть реализованы стратегии изменения и трансформации жизни [25, р. 94].

БИОПОЛИТИКА В XXI В.

Отметим также, что в XXI в. характер биополитики меняется – она становится глобально-сетевой (с точки зрения М. Кастельса, способствует формированию сообществ сетевого типа), неолиберальной (что означает отрицание идеи государства всеобщего благосостояния при сохранении общих принципов рациональности, сциентизма и прагматизма, которые продолжают реализовываться, но уже не на отдельно взятой территории, а в масштабе планеты). Лицом неолиберальной биополитики глобального масштаба выступает «зелёная революция», подразумевающая, в том числе, возникновение агробизнеса, сетью своих коммуникаций опутавшего весь мир, благодаря чему он имеет возможность администрировать во взаимозависимом мире производство питания, размещая наиболее оптимальным образом структуры производства, рационализируя сорта злаков и овощей через применение биотехнологий, определяя конфигурацию глобальных потоков.

Кроме того, современная биополитика всё больше ориентируется на комплексный, с одной стороны, и проектный, быстро изменяющийся характер не только современного производства, но и стиля жизни, с другой.

Американский экономист Г. Дейли предложил концепцию «полного мира» [17], которая может быть успешно рассмотрена в условиях современности с позиции её биополитических аспектов, а также использована для объяснения доминирующих трендов в контексте применяемых аспектов биополитики. В данной концепции присутствуют эколого-экономические и технологические компоненты, которые способствуют пересмотру и расширению понятия «биополитика» в сравнении с коннотациями, используемыми М. Фуко, что позволяет детерминировать биополитику как ряд антикризисных мер и совокупность основанных на «всеобщей политической рациональности» [1, с. 69] стратегий. Авторы Римского клуба в 2018 г. подготовили и впоследствии опубликовали доклад, в рамках которого была обозначена специфика эпохи «полного мира», основной тренд которой заключается в изменении характера процесса принятия решений национальными государствами с единоличного и суверенного на консенсусный. Это означает, что в наши дни процесс естественного развития человечества провоцирует возникновение катастроф планетарного масштаба, вследствие чего отдельные государства более не имеют возможности и права принимать решения по ликвидации и предотвращению опасностей, угроз и их последствий самостоятельно, а вынуждены в условиях перманентно сохраняющейся нестабильности учитывать всю комплексную сложность причинных факторов возникающих разрушений (т. е., например, проблемы экологической направленности неразрывно переплетаются с политическими, экономическими и иными аспектами социальной жизни).

Проблемы XXI в. способствовали неформальному стиранию межгосударственных границ, когда опасности наподобие взрыва атомной электростанции в Чернобыле и последующего радиоактивного заражения местности спровоцировали вопрос о невозможности государств отграничить себя, казалось бы, от не имеющих к ним отношения угроз, так как планета имеет свои природные законы существования и развития, а также физические пространственные ограничения, которые человечеству пока не удалось преодолеть или скорректировать.

В рамках доклада Римского клуба его авторы призывают изменить привычный подход к принятию политических решений в международном масштабе, а также объединиться лицам, принимающим решения, с целью выработки современных, актуальных сегодняшнему дню биополитических стратегий, включающих в себя антикризисные меры и алгоритмы противодействия рискам, которые были бы наиболее эффективными в условиях современного «полного мира», где превышение допустимых природой экс-

терналий² [16] провоцирует необходимость изменения привычного алгоритма выбора и реализации решений. Это означает необходимость осознания смены типа рациональности, присущей работам Фуко, на новый тип «политической рациональности, основанной на всеобщем понимании кризисных условий сегодняшнего дня» [1, с. 73].

Помимо прочего, некоторые политологи, такие как П. Дуткевич, Д. Б. Казаринова, говорят о возникновении нового политического феномена современности – «страха как политики», в качестве компонента реализации которого можно рассматривать процесс насаждения культуры опасности, который способствует изменению формы, методов, а также целей современной политической реальности [6, с. 9]. При подобном подходе к управлению страх превращается из инструментального орудия политики в саму сущность политики, способ легитимации власти. Британский социолог З. Бауман определял политику как «способность принимать решение о том, что должно быть сделано, и выбирать приоритеты» [19, р. 189]. При реализации страха как политики страх выступает в качестве базовой предпосылки процесса принятия решений, т. к. наличие тех или иных угроз становится стимулом для осуществления выбора тех или иных управленческих мер. Страх также превращается в критерий отбора необходимых для реализации решений и критерий содержательного наполнения реализуемых мер.

Угрозы и опасности существовали всегда, однако в настоящее время ситуация усугубляется перманентным состоянием протяжённой во времени неопределённости, которая страшит людей и в условиях которой последние начинают испытывать беспричинное чувство беспокойства, растерянности, «неспособности действовать решительно и уверенно»³ [6, с. 12]. Подобному состоянию «текущего страха», который не имеет локализованных и чётко определённых источников, крайне трудно противостоять, что лишь усугубляет степень интенсивности его пугающей сущности. Однако некоторые

² Стоит отметить, что в контексте теории рационального выбора разработка концепции экстерналий была вызвана необходимостью учёта проблемы дефицита общественных ресурсов. В рамках указанного направления исследований «экстерналии» – это неконтролируемые последствия действий субъекта, которые влияют на лиц, непосредственно не принимающих участия в рыночном обмене. В условиях достижения экстерналиями значительных показателей даже самые рациональные модели теряют способность обеспечивать оптимальное распределение ресурсов (пример подобных негативных экстерналий – подрыв экологии путём загрязнения окружающей среды). Проблема экстерналий рассматривается и анализируется в работах Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, а также Р. Коуза. Р. Коуз разработал теорему, согласно которой внешние эффекты не возникают в случае наличия чёткого предписания прав собственности, а также при чётком соблюдении акторами результатов добровольного обмена.

³ Ш. Винт, дополняя взгляды З. Баумана, придерживается позиции, в соответствии с которой страх, присущий эре глобализации, является по своей сути специфичным, вследствие чего не может быть рассмотрен через призму подхода Гоббса, понятия «тревоги», характерного учениям З. Фрейда или М. Хайдеггера, поскольку указанные подходы рассматривают внешние факторы и причины в качестве стимулов.

исследователи, например В. Л. Иноземцев, считают, что наибольший вред в подобной ситуации оказывает не столько сам специфический страх, сколько источаемый им парализующий эффект, который не позволяет людям осознать новый порядок вещей, взять его под свой контроль, хотя бы частичный, и направить себе на пользу [6, с. 13].

В наши дни, согласно позиции профессора Калифорнийского университета в Риверсайде Ш. Винта, реальность представляется текучей субстанцией, в которой государство потеряло способность эффективно выполнять свои обещания касательно защиты населения, поскольку глобальный капитализм в силу своей природной непредсказуемости ослабил социальную стабильность, от сохранения которой зависит возможность соблюдения указанного обещания; в то же время характерные «несправедливости этой системы продуцируют контекст физической угрозы личной безопасности» [6, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о комплексном и междисциплинарном характере понятия «биополитика». На современном этапе развития поле биополитики является нестабильным, подверженным флуктуациям и постепенному развитию. Благодаря этому исследователи имеют возможность фиксировать актуальные трансформации социально-политической реальности. Биополитология также начала приобретать всё более практико-ориентированный характер, вследствие чего разрозненные и тематически, казалось бы, не связанные между собой исследования стало ещё более проблематично подводить под единые основания. Однако это открывает широкие возможности использования методологии и технологических разработок из данной области при реализации практик управления населением с помощью специфической организации устройства городского пространства или психологического воздействия, посредством конструирования виртуальной реальности восприятия людьми имеющейся действительности. Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент новая парадигма биополитики находится ещё в процессе своего становления, который не может быть краткосрочным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аласания К. Ю. Биополитические аспекты концепции «полного мира» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 69–74.
2. Аласания К. Ю. Биополитика как реальность и стратегия. Взгляд М. Фуко // Философия политики и права. 2018. № 9. С. 33–40.
3. Аласания К. Ю. «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 60–67.

4. Аласания К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 70–78.
5. Брызгалова Е. В. Индивидуальность человека. М.: Институт молодёжи, 2000. 336 с.
6. Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.
7. Кравченко С. А. Риски и вызовы еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 139–152.
8. Олескин А. В. Биополитика: Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2001. 423 с.
9. Печей А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
10. Степанов В. С. Цивилизационное состояние общества с точки зрения биополитологии // Клио. 1999. № 1. С. 18–24.
11. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. 320 с.
13. Чешко В. Ф., Глазко В. И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска): учебное пособие. М., 2009. 319 с.
14. Blank R. H., Hines S. M. *Biology and Political Science*. New York: Routledge, 2001. 183 p.
15. Caldwell L. K. Biopolitics: science, ethics and public policy // *Yale Review*. 1964. Vol. 54. № 1. P. 1–16.
16. Coase R. H. The problem of social cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. № 3. P. 1–44.
17. Daly H. *Ecological Economics and Sustainable Development*. Cheltenham: Edward Elgar Pub., 2007. 270 p.
18. De Vries G., Subedi J. *Bioethics and Society*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998. 276 p.
19. Dutkiewicz P., Sakwa R. *22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. New York: New York University Press, 2013. 466 p.
20. Falger V. S. E. Proximate Solutions and Ultimate Analysis: Ethnic Conflicts Do Not Fit the Scheme // *Politics and the Life Sciences*. 1997. Vol. 16. № 2. P. 254–256.
21. Flohr H. *Unsere biokulturelle Natur: für die Beachtung der Biologie bei der Erklärung menschlichen Sozialverhaltens* // *Menschliches Handeln und Sozialstrukturen* / hrsg. A. Elting. Opladen: Lesko und Budrich. 1986. P. 43–65.

22. Flohr H., Tönnesmann W. Selbstverständnis und Grundlagen der Biopolitics // Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften / ed. A. Somit, R. Slagter. Berlin; Hamburg: Verlag Paul Parey, 1983. P. 11–31.
23. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990. 188 p.
24. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity, 1991. 264 p.
25. Lemke T. Bio-Politics. An Advanced Introduction. New York; London: New York University Press, 2011. 158 p.
26. Masters R. D. Biology and politics: linking nature and nurture // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 345–369.
27. Reiter H. Unsere Biopolitik und das Ausländedeutschum. In Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. 374 p.
28. Somit A. Biology and politics. Paris: Mouton, 1976. 330 p.
29. Van der Deenen J. The politics of peace in primitive societies: the adaptive rationale behind corroboree and calumet // Indoctrinability, Ideology and Warfare / ed. I. Eibl-Eibesfeldt, F. K. Salter. New York; Oxford: Berghahn books, 1998. P. 151–185.
30. Vlavianos-Arvanitis A. Biopolitics – dimensions of biology. Athens: Biopolitics International Organization, 1985. 256 p.

REFERENCES

1. Alasania K. Yu. [Biopolitical aspects of the “full world” concept]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 2, pp. 69–74.
2. Alasania K. Yu. [Biopolitics as reality and strategy. M. Foucault's view]. In: *Filosofiya politiki i prava* [Philosophy of politics and law], 2018, no. 9, pp. 33–40.
3. Alasania K. Yu. [“Biopolitics”: Interpretations and Meanings in Modern Social and Political Knowledge]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2020, no. 1 (62), pp. 60–67.
4. Alasania K. Yu. [Philosophical concept of biopower: sources and perspectives]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 70–78.
5. Bryzgalina E. V. *Individual'nost' cheloveka* [Human individuality]. Moscow, Institut molodezhi Publ., 2000. 336 p.
6. Dutkiewicz P., Kazarinova D. B. [Fear as politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 4, pp. 8–21.
7. Kravchenko S. A. [Risks and Challenges of Food: The Need for Humanistic Biopolitics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2015, no. 5, pp. 139–152.
8. Oleskin A. V. *Biopolitika: Politicheskii potentsial sovremennoi biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty* [Biopolitics: The Political

- Potential of Modern Life Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2001. 423 p.
9. Peccei A. *Chelovecheskie kachestva* [The human quality]. Moscow, Progress Publ., 1985. 312 p.
 10. Stepanov V. S. [The civilizational state of society from the point of view of biopolitics]. In: *Klio* [Klio], 1999, no. 1, pp. 18–24.
 11. Foucault M. Naissance de la biopolitique : cours au collège de France (1978–1979) (Rus. ed.: Dyakov A. V., transl. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 448 p.).
 12. Foucault M. Les intellectuels et le pouvoir : articles, discours et entretiens politiques sélectionnés (Rus. ed.: Scuratov B. M., transl., Bolshakov V. P., ed. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu*. Moscow, Praxis Publ., 2006. 320 p.).
 13. Cheshko V. F., Glazko V. I. *High Hume (biovlast' i biopolitika v obshchestve riska)* [High Hume (bio-power and bio-policy in society of risk)]. Moscow, 2009. 319 p.
 14. Blank R. H., Hines S. M. *Biology and Political Science*. New York, Routledge, 2001. 183 p.
 15. Caldwell L. K. Biopolitics: science, ethics and public policy. In: *Yale Review*, 1964, vol. 54, no. 1, pp. 1–16.
 16. Coase R. H. The problem of social cost. In: *Journal of Law and Economics*, 1960, no. 3, pp. 1–44.
 17. Daly H. *Ecological Economics and Sustainable Development*. Cheltenham, Edward Elgar Pub., 2007. 270 p.
 18. De Vries G., Subedi J. *Bioethics and Society*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall, 1998. 276 p.
 19. Dutkiewicz P., Sakwa R. *22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. New York, New York University Press, 2013. 466 p.
 20. Falger V. S. E. Proximate Solutions and Ultimate Analysis: Ethnic Conflicts Do Not Fit the Scheme. In: *Politics and the Life Sciences*, 1997, vol. 16, no. 2, pp. 254–256.
 21. Flohr H. Unsere biokulturelle Natur: für die Beachtung der Biologie bei der Erklärung menschlichen Sozialverhaltens // *Menschliches Handeln und Sozialstrukturen* / hrsg. A. Elting. Opladen, Lesko und Budrich, 1986, p. 43–65.
 22. Flohr H., Tönnesmann W. Selbstverständnis und Grundlagen der Biopolitics. In: Somit A., Slagter R., eds. *Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften*. Berlin, Hamburg, Verlag Paul Parey, 1983, pp. 11–31.
 23. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity, 1990. 188 p.
 24. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity, 1991. 264 p.
 25. Lemke T. *Bio-Politics. An Advanced Introduction*. New York, London, New York University Press, 2011. 158 p.

26. Masters R. D. Biology and politics: linking nature and nurture. In: *Annual Review of Political Science*, 2001, vol. 4, pp. 345–369.
27. Reiter H. Unsere Biopolitik und das Auslandedeutschtum. In *Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung*. Berlin, Julius Springer Verlag, 1939. 374 p.
28. Somit A. Biology and politics. Paris, Mouton, 1976. 330 p.
29. Van der Deenen J. The politics of peace in primitive societies: the adaptive rationale behind corroboree and calumet. In: Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. K., eds. *Indoctrinability, Ideology and Warfare*. New York, Oxford, Berghahn books, 1998, pp. 151–185.
30. Vlavianos-Arvanitis A. Biopolitics – dimensions of biology. Athens, Biopolitics International Organization, 1985. 256 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.08.2021

Статья размещена на сайте: 16.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецова Анастасия Александровна – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: ace96@inbox.ru

Anastasia A. Kuznetsova – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ace96@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кузнецова А. А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kuznetsova A. A. History of biopolitics' formation as an approach of political studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 316.654-053.88

Новаковский Е. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ОБРАЗ УКРАИНЫ КАК ВРАГА РОССИИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление образа Украины, существующего в сознании граждан Российской Федерации.

Процедура и методы. Работа основана на результатах социологических исследований образа зарубежных стран в сознании россиян. Данные получены в ходе проводимых кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова эмпирических исследований в 2018–2019 гг. При интерпретации полученных данных использовались качественные и количественные методы исследования (фокусированные полустандартизированные интервью и кодировка полученных данных).

Результаты. Исследование показало, что в образе Украины в сознании россиян действительно в значительной мере присутствуют компоненты образа врага. При этом врагом в представлении россиян преимущественно являются власть и государственные структуры Украины, нежели народ. Прослеживается обострённое чувство угрозы со стороны Украины – как геополитического характера, так и для российской национальной идентичности. Вместе с тем геополитическая угроза в сознании россиян является не прямой, а опосредованной и исходит не столько от самой Украины, сколько от её статуса некоего «проводника» и катализатора угрозы со стороны более масштабных западных игроков. Угроза же национальной идентичности произрастает из чувства культурно-исторической близости к народу Украины и склонности граждан России отождествлять народы России, Украины и Белоруссии. В связи с этими факторами поворот Украины к антироссийскому вектору и возросший на этом фоне антироссийский политический дискурс внутри Украины были восприняты гражданами России крайне болезненно.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты данного исследования вносят вклад в научное понимание образа «значимого чужого», существующего в сознании россиян, значение которого для национальной идентичности российских граждан сильно возросло в последние годы. Это позволяет дополнить научную картину происходящих в современности процессов формирования и трансформации российской национально-государственной идентичности, вопросы укрепления оснований которой сейчас особенно остро стоят на уровне дискурса российских политических элит.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образ врага, образ Украины, национальная идентичность, значимый чужой, политическое восприятие

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Методология исследования](#)[Теоретические основы исследования](#)[Общие характеристики образа](#)[Образ власти](#)[Образ народа](#)[Образ Украины в международных отношениях](#)[Заключение](#)**E. Novakovskiy***Lomonosov Moscow State University**Lomonosovsky prosp. 27 korp. 4, Moscow 119991, Russian Federation*

IMAGE OF UKRAINE AS AN ENEMY IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS

ABSTRACT

Aim. To reveal the elements of the image of the enemy in the image of Ukraine as it exists in the minds of the citizens of the Russian Federation.

Methodology. The article is based on the results of sociological studies of the image of foreign countries in the consciousness of Russian citizens. The data were obtained during the empirical research conducted in 2018–2019 by the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. To interpret the obtained data obtained, qualitative and quantitative research methods were used (focused semi-standardized interviews and coding of the data obtained).

Results. The study has shown that the image of Ukraine in the minds of the Russians indeed contains components of the image of the enemy to a large degree. At the same time, the Russians predominantly see the ruling elites and state structures of Ukraine as the enemy rather than the people of Ukraine. There is a heightened sense of danger from Ukraine, of geopolitical nature as well as a threat to Russian national identity. At the same time, the geopolitical threat in minds of the Russians is indirect rather than direct, and comes not so much from Ukraine itself, but from its status as a kind of “conductor” and catalyst of the threat from larger Western players. The threat to national identity is rooted in a sense of cultural and historical closeness to the people of Ukraine and the tendency of Russian citizens to equate the peoples of Russia, Ukraine and Belarus. Due to these factors, Ukraine’s turn towards an anti-Russian vector and the anti-Russian political discourse that has grown out of it are perceived rather negatively by the Russians.

Research implications. The results of this research are of practical importance, since they contribute to the academic understanding of the image of the “evil other” that exists in the consciousness of the Russians, the importance of which for the national identity of Russian citizens has greatly increased in the recent years. This article supplies the academic understanding of the processes of the formation and transformation of the Russian national identity, which is currently unfolding. The questions related to

strengthening its foundations are now of particular importance at the level of discourse of Russian political elites.

KEYWORDS

image of the enemy, image of Ukraine, national identity, evil other, political perception

ВВЕДЕНИЕ

Политический кризис в Украине 2013–2014 гг. стал поворотной точкой в изменении отношений Украины и России. В связи с обострением геополитической ситуации и значительным ухудшением отношений двух стран, переросшим во враждебность, политический дискурс внутри России стал в значительной мере наполняться образом врага в лице Украины. В связи с тем, что отношения между двумя странами до сих пор остаются напряжёнными, усугубляясь более широким геополитическим контекстом противостояния России и Запада, политический дискурс в отношении Украины всё ещё сохраняет значительное негативное наполнение.

Особый интерес в данном контексте представляет изучение того, насколько данный дискурс находит отражение в сознании россиян. Образ врага может служить консолидирующим элементом национально-государственной идентичности, приводя к её актуализации в массовом сознании. Рост актуализации образа врага в массовом сознании ведёт к укреплению тенденции индивидов к идентификации себя по национальному признаку. Согласно мнениям исследователей М. Хелблинга и М. Райта, насыщенность элементами образа врага политического дискурса на уровне элит обладает сильным влиянием на выраженность проявлений этнической и гражданской форм идентичности среди населения [7]. Действительно, данный феномен можно проследить на примере так называемого Крымского консенсуса, значительно актуализировавшего российскую национальную идентичность среди граждан.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задача данного исследования – выявить, присутствует ли образ врага в лице Украины в сознании россиян, и определить основные элементы смыслового и символического наполнения этого образа. Для выполнения поставленной задачи автором были использованы методы качественного и количественного исследования. Были обработаны и проанализированы ответы респондентов, полученные во время проведённого кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ исследования образа зарубежных стран в сознании россиян в 2018–2019 гг. В рамках данного эксперимента респондентам был задан ряд открытых и закрытых вопросов, направленных на выявление таких компонентов образа страны, как образы

власти, народа, будущего, пространственные границы и др. Выборка в целом превышает 1000 опрошенных. Не будучи репрезентативной для России в целом, она была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Для достижения цели данного исследования автором были отобраны данные по образу власти Украины, образу места Украины в международных отношениях, образу народа, а также данные по слабым и сильным сторонам Украины в понимании респондентов. Ответы на данные вопросы, по мнению автора, позволят оценить присутствие враждебных характеристик в ключевых компонентах образа Украины. Особый интерес в контексте геополитического конфликта России и стран Запада, в первую очередь США, представляет вопрос о месте Украины в международных отношениях.

Настоящее исследование проводилось согласно модели, разработанной на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е. Б. Шестоपाल. В рамках этой модели образ страны изучается в двух срезах – в психологическом через категории привлекательности, силы и активности образа; а также в смысловом, в рамках которого оценивается смысловое и символическое наполнение образа территории, народа, власти и лидера [4].

Восприятие страны определяется рядом факторов, среди которых можно выделить две основные категории [3]. *Объектные факторы*, относящиеся непосредственно к стране, – например, население страны, действия её лидеров, политический контекст, в рамках которого происходит восприятие. И *субъектные факторы*, такие как социально-демографические и психологические характеристики респондентов. Важно отметить, что процесс восприятия иностранного государства в современном мире осуществляется под всё большим влиянием СМИ. В связи с этим значительное внимание в рамках данной статьи будет уделяться непосредственно коммуникативному фактору.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основаниями идентичности любого общества являются два ключевых компонента – ценности и смыслы, за счёт которых происходит объединение общества, а также образ «другого», служащий реперной точкой самоопределения этого общества. Значение данного образа в контексте групповой идентичности подчёркивается в теории социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тёрнера [11], проистекающей из теории самокатегоризации Дж. Тёрнера. Согласно данным учёных, социальная идентичность представляет собой самовосприятие индивида, основанное на знании и чувстве принадлежности к определённой социальной группе. Оно всегда несёт в себе ценностное и эмоциональное содержание. Эта идентичность является результатом процесса осознания индивидом своего положения в мире в рамках существующей

щих в нём групповых структур (категоризация) и причисления себя к одной из этих групп. Такая социальная идентичность может быть только результатом межгруппового сравнения. Через групповое сравнение подчёркивается важность членства в группе и происходит заострение групповых чувств индивида. Данный вид идентичности также является частью «я-концепции» индивида.

В рамках данной статьи наиболее важным является то, что согласно положениям данной теории идентичность может вырабатываться через межгрупповое сравнение.

В рамках социальной категоризации люди, принадлежащие к категории «других», или к «аутгруппе», подвергаются деперсонификации, воспринимаются в качестве репрезентации группового стереотипа, являющегося набором ряда отличительных черт группы. Исходя из этого, можно заключить, что образ врага представляет собой стереотипы группы «других», воспринимаемой как враждебной [9]. В рамках данного стереотипа происходят минимизация различий внутри группы и заострение различий между группой «своих» и группой «других» в сознании индивида. В таком случае «другие», имеющие резкие отличия от «своих», начинают восприниматься как группа, несущая в себе противоположные «своим» негативные ценностные и поведенческие характеристики. Связано это с явлением «ингруппового фаворитизма», в связи с которым группе «своих» приписываются исключительно положительные качества.

Эффекты ингруппового фаворитизма и последующего негативного восприятия представителей аутгруппы могут в значительной мере усиливаться присутствием в политическом дискурсе отчуждающих сюжетов. Так, согласно работе Ю. Фейнстина и Б. Бониковски, сюжеты, подчёркивающие уникальность и избранность членов ингруппы, ведут к значительному повышению неприязни по отношению к представителям аутгрупп [12].

В процессе категоризации происходит выделение типологических групповых характеристик, которые затем начинают проецироваться на индивидуальных членов группы, размывая и стирая при этом множественные индивидуальные различия между ними. Важность этого феномена была подчёркнута ещё в работах Г. Олпорта, в которых учёный проводил анализ процесса стереотипизации и формирования предрассудков [6]. Значительный вклад в развитие исследований роли категоризации в интергрупповом восприятии был внесён работами Г. Тэшфела [10], в результате которых было получено эмпирическое подтверждение основополагающего влияния процесса категоризации на индивидуальное и групповое социальное восприятие и поведение.

Процессы групповой категоризации и последующей идентификации приводят к дифференциации между группами. Она несёт в себе значительный потенциал к формированию групповых стереотипов, которые затем зачастую сами становятся категориями межгрупповой дифференциации.

Образ врага, в свою очередь, имеет своим основанием восприятие некоего чуждого и незнакомого объекта, оцениваемого из-за его чуждости как источник опасности. Это приводит к всплеску неприязни, агрессии, страха, ненависти и презрения [8]. Соответственно, к заострению в поведении и восприятии индивида следующих особенностей [5]:

1. негативное ожидание, при котором действиям враждебной «аутгруппы» во всех темпоральных измерениях приписываются исключительные негативные и деструктивные мотивации, направленные против собственной «ингруппы»;
2. враг начинает рассматриваться индивидом как источник обрушивающихся на «ингруппу» бед;
3. враждебная «аутгруппа» активно идентифицируется со злом, представляется имеющей диаметрально противоположную присущей группе «своих» систему ценностей;
4. наблюдается феномен мышления с нулевой суммой, в рамках которого то, что приносит желаемый для врага результат, обязательно воспринимается как наносящее ущерб группе «своих»;
5. закрепляется эффект стереотипизации и деиндивидуализации, стираются персональные качества составляющих группу «врага» людей, и враждебные негативные характеристики, приписываемые группе, начинают проецироваться на отдельных её членов.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА

Отношения России и Украины на данный момент характеризуются напряжённостью, что обусловлено объективными геополитическими факторами. Точкой роста напряжённости в отношениях двух стран стали украинский политический кризис и события Крымской весны. Как в России, так и в Украине данные события получали информационное сопровождение, в значительной мере наполненное элементами образа врага. Безусловно, коммуникативный фактор, посредством которого происходила трансляция дискурса российской политической элиты, сыграл значительную роль в изменении восприятия Украины российскими гражданами [3]. Именно эти события стали ключевой предпосылкой для формирования образа врага в лице Украины; мифологические, символические и ценностные компоненты, которыми данный образ наполнялся в тот период, прослеживаются в образе Украины в сознании россиян и по сей день.

Отвечая на вопрос о том, кем Украина является для России, большинство респондентов (68%) ответили, что воспринимают Украину как соседа. Вторым по популярности среди респондентов был ответ «как врага» (34%). Как друга Украину воспринимают лишь 10% респондентов, как партнёра – 14%, и как конкурента – 10% респондентов. Это говорит о том, что Украина

жителями России воспринимается преимущественно либо нейтрально – как соседствующее государство, – либо откровенно враждебно. Важно отметить, что Украину практически не рассматривают как конкурента (см. табл. 1). Можно предположить, что россияне видят Украину как государство слабое, управляемое и в связи с этим не способное находиться в одной силовой и политической плоскостях с Россией.

Таблица 1 /Table 1

Характеристика Украины российскими респондентами (2018–2019, %) /
Characteristics of Ukraine in relation to Russia (2018–2019, %)

Отношение россиян к Украине	%
Воспринимают как друга	10,0
Воспринимают как врага	34,0
Воспринимают как соседа	68,0
Воспринимают как партнёра	14,0
Воспринимают как конкурента	10,0

При анализе когнитивных компонентов образа Украины, проявляющихся в указанных респондентами слабых и сильных сторонах страны, становится видно, что наиболее сильной стороной россияне считают природные ресурсы Украины. На втором месте – культура, затем – язык и спорт. Получается, что на когнитивном уровне наиболее позитивными характеристиками Украины являются характеристики негосударственные. Значительную позитивную окраску в восприятии россиян имеют характеристики, непосредственно связанные с народом Украины, поскольку именно народ выступает носителем как культуры, так и языка.

Интересно, что наименьшую частотность имели ответы «государство» и «вооружённые силы» (см. табл. 2). Безусловно, это связано непосредственно с событиями украинского кризиса и с их информационным освещением в России. Так, в российском политическом дискурсе в значительной мере присутствовала точка зрения, согласно которой Украина является государством слабым и несамостоятельным, её действия на государственном уровне обусловлены в первую очередь интересами и влиянием других международных акторов. Важно подчеркнуть, что военный потенциал Украины представляется респондентам крайне незначительным, из чего можно сделать вывод, что самостоятельной угрозы в представлении респондентов Украина не несёт.

Таблица 2 / Table 2

Сильные и слабые стороны Украины по мнению россиян (2018–2019, %) / Strengths and weaknesses of Ukraine according to the Russians (2018–2019, %)

	Сильная сторона	Слабая сторона
Государство	2,0	74,0
Природные ресурсы	58,0	1,9
Экономика, финансы, промышленность	4,0	76,0
Вооруженные силы	2,0	50,0
Язык	24,0	10,0
История	6,0	2,0
Культура	44,0	6,0
Наука, образование	8,0	14,0
Спорт	22,0	4,0
Религия	10,0	18,0
Другое	14,0	8,0

Таким образом, большинство респондентов среди слабых сторон выделяют государство (74%), экономику (76%) и вооружённые силы (50%). Можно увидеть, что россияне считают стороны жизнедеятельности страны, связанные с государственным управлением, её наиболее несостоятельными элементами. С большой долей вероятности такая оценка основана во многом на текущей информационной повестке в отношении Украины, в рамках которой экономическая ситуация в стране преподносится как чрезвычайно неблагоприятная. Оценка государства как слабой стороны связана, по нашему мнению, с двумя факторами. Объективным фактором представляется то, что Украина действительно прошла через период значительной политической нестабильности, что, безусловно, оказало значительное влияние на восприятие её как слабого государства. С другой стороны, в образе власти Украины, как будет продемонстрировано ниже, в значительной мере присутствуют такие оценки, как «управляемая», «марионеточная» и «несамостоятельная».

Важно также отметить значительную стереотипизированность образа Украины в сознании россиян, которая будет наиболее отчётливо проявляться в последующих компонентах образа. Он наполнен транслируемыми в рамках политической коммуникации и дискурса оценочными шаблонами, что говорит в пользу влияния коммуникативного фактора на формирование образа врага в лице Украины, поскольку стереотипизированность является важным элементом феномена образа врага в целом.

ОБРАЗ ВЛАСТИ

Подавляющее большинство респондентов так или иначе смогли дать характеристику власти Украины. Предоставленные описания были преимущественно краткими и односторонними. Тем не менее, несмотря на одномерность ответов, их конкретность говорит о том, что в сознании россиян сформирован достаточно чёткий образ власти Украины, являющийся когнитивно простым. Описания, которые респонденты дали власти Украины, не были тематически дифференцированы и оставались в рамках достаточно узкой концептуальной системы.

Важно отметить, что в значительной мере в характеристиках власти присутствовали идеи её продажности, фигурировали категории предательства, жадности. Власть Украины респондентами видится как слабая, зависимая, не способная взять контроль в свои руки, о чём свидетельствуют такие описания, как: «неустойчивая», «отсутствии стержня», «безвольные», «не имеющие собственного мнения», «анархия», «марионеточный режим». Так, помимо того, что власть Украины россиянами рассматривается как предательская по отношению к России, респонденты воспринимают её также как слабую, управляемую извне и некомпетентную. Очень часто респонденты в качестве характеристики власти упоминали её коррумпированность. Вероятно, на образ власти Украины наибольшее влияние оказал коммуникативный фактор. Так, в российском политическом дискурсе образ власти Украины очень часто наполнен идеями её безвольности, несамостоятельности и подчинённости крупным геополитическим игрокам, её антинародности. Важно отметить, что респондентами не было приведено практически ни одной позитивной характеристики власти Украины.

В образе власти очень чётко прослеживается компонент негативного ожидания, являющийся крайне важным компонентом образа врага. Фигурировали такие ответы, как «хорошего от них не жду», «не имеет будущего», «неустойчивая», «нет чёткого понимания, какие цели для развития преследует власть», «безответственная, своими действиями ведущая к распаду страны». Власть Украины в сознании россиян также достаточно сильно идентифицируется со злом, что позволяют заключить такие ответы, как «коррумпированная», «хапуги», «воры», «алчная до денег и власти». Особенно показательно это в связи с тем, что в последнее время вопрос коррупции был в значительной мере актуализирован в сознании россиян, представляя собой одну из наиболее негативных характеристик, которой может обладать власть. Эти компоненты говорят нам о том, что в сознании россиян в лице власти Украины однозначно существует образ врага, в рамках которого власть Украины видится несущей исключительно враждебные ценности и предвещающей лишь негативные события в будущем. Как уже было сказано выше, наблюдается также и значительная стереотипизация образа в отношении власти

Украины. Стереотипы, при этом, несут в себе исключительно негативных характер.

Итак, образ власти Украины в сознании россиян представляется скорее негативным. В нём превалирует компонент слабости, представители правящей элиты Украины зачастую описываются как преследующие исключительно свои корыстные интересы. Он также отличается когнитивной простотой, предоставляемые характеристики являются одномерными и не отличающимися понятийной сложностью. В контексте внешней политики украинское руководство представляется россиянам как подчинённое чужим геополитическим интересам, «марионеточное». В контексте внутренней политики россияне видят её как антинародную, коррумпированную и нелегитимную. Образ власти Украины в сознании россиян является весьма чётким, монолитным и однозначным.

Нельзя, однако, не учесть особенностей российской политической культуры, которые неизбежно будут оказывать влияние на восприятие украинской власти, а именно на такие её характеристики, как «антинародная», «коррумпированная» и т. д. Как писали Е. Б. Шестопап и Н. В. Смутькина в своём исследовании восприятия постсоветских республик российскими гражданами, «представления об отчуждённом положении власти и народа как о норме определяют специфику прежде всего политических образов постсоветских стран» [3]. Вероятно, данные представления находят отражение в восприятии и власти Украины, обостряясь при этом негативно наполненным дискурсом в отношении неё, существующим в информационной сфере России.

ОБРАЗ НАРОДА

Что касается образа народа Украины, он представляется достаточно неоднозначным. Несмотря на то, что при ответе на вопрос «Кем для вас является народ Украины?» большинство респондентов приводили достаточно нейтральные и иногда даже позитивные характеристики, например «обычные люди», «народ», «соседи», «жители Украины», «братский народ», при описании качеств украинского народа они давали негативную оценку. Респондентами использовались такие эпитеты, как «хитрые», «жадные», «бесцеремонные», «глупые». Вероятнее всего, характеристики такого рода приписывались респондентами украинскому народу на основании стереотипов, которые были распространены ещё до событий украинского кризиса. Можно, однако, предположить, что негативный информационный фон в отношении Украины в значительной мере способствовал актуализации подобных негативных характеристик в образе народа Украины.

Тем не менее, в значительной мере были представлены и характеристики, однозначно спровоцированные событиями украинского кризиса. Так, при ответе на вопрос «Какие качества присущи жителям Украины?» респон-

денты нередко приводили такие описания, как «политическая недалёковидность», «предательство», «исконная продажность интересов государства», «враждебность», «злость», «национализм».

Следовательно, эмоциональное наполнение образа народа Украины россиянами представляется преимущественно негативным. В значительной мере образ украинцев для респондентов наполнен характеристиками, так или иначе связанными с отчуждением Украины от России во время событий 2014 г. В сознании россиян ответственность за политический курс, взятый властью Украины, часто проецируется на её население, в связи с чем в образе народа явное отражение находят идеи предательства и продажности. При этом, несмотря на преимущественно негативную наполненность образа украинского народа, встречались и позитивные характеристики, связанные с индивидуальными качествами украинцев. Так, например, достаточно распространёнными описаниями были «гостеприимство» и «доброта / дружелюбие». Образ народа Украины в сознании россиян представляется достаточно когнитивно простым – респонденты описывали украинцев преимущественно одномерными характеристиками. На этот образ также, безусловно, влияет устойчивый культурный фактор, выражающийся в стремлении воспринимать народ данной страны как «младших братьев». Вероятно, именно с этим во многом связаны характеристики предательства, приписываемые народу Украины.

ОБРАЗ УКРАИНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Если говорить о наличии влияния Украины на Россию, мнения респондентов разделились примерно поровну. Большая часть респондентов (53,1%) утверждала, что влияние Украины в России не ощущается совершенно. При этом 26,5% респондентов отвечали, что влияние Украины однозначно ощущается, а 20,4% сказали, что чувствуется лишь частично. Наиболее показательными здесь являются открытые ответы респондентов, указавших на ощущаемое влияние. На вопрос «В чём это влияние проявляется?» одним из самых распространённых среди респондентов ответов было указание на наложенные на Россию санкции в связи с украинскими событиями. Крайне показательным здесь является ответ одного из респондентов: «В том, что через Украину США вышли на нас».

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что в целом Украина не воспринимается россиянами как страна, способная оказывать самостоятельное влияние на Россию. Большинство респондентов либо не чувствуют её влияния в принципе, либо если и чувствуют, то Украина в этом аспекте для них представляется лишь неким проводником, через который просачивается влияние намного более крупных игроков. Действительно, как подмечали отечественные исследователи Е. Б. Шестопап и Н. В. Смулькина, ухудшение

отношений России с Западом из-за украинского кризиса оказало влияние на политические представления российских граждан о мире, о странах-соседах в частности [3]. И в наибольшей степени, по мнению данных исследователей, это относится к восприятию Украины. Более того, согласно исследованию Левада-центра от 2017 г., 53% россиян не воспринимают Украину как границу¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая образ Украины в сознании россиян, можно увидеть, что он является наполненным преимущественно негативными характеристиками. Страна воспринимается как объект несостоятельный и управляемый другими, в большей степени – весомыми международными агентами в лице США и Евросоюза. В связи с этим граждане России воспринимают Украину в качестве сателлита других враждебно настроенных государств, всё влияние на Россию которого ограничивается наложенными на неё в связи с украинскими событиями санкциями. Таким образом, Украина воспринимается россиянами скорее как плацдарм для геополитического противостояния России и Запада, нежели как самостоятельная угроза. Несмотря на присутствие компонента обвинения группы «украинцы» в некоторых негативных событиях, оказывающих влияние на Россию или группу «своих», таких как санкции, этот компонент выражен относительно слабо. Такие выводы подтверждаются и другими исследователями данной проблематики. Так, Т. В. Евгеньева и З. Р. Усманова отмечали, что основным негативным «значимым другим» или «врагом» в представлении россиян являются США, в то время как Украину россияне рассматривают в качестве «врага» опосредованного, проводящего волю США [1].

Тем не менее, несмотря на отсутствие прямой геополитической угрозы со стороны Украины в восприятии её россиянами, в её образе прослеживается ощущение угрозы российской идентичности. Об этом говорит большое количество упоминаний национализма, враждебности «ко всему русскому». В совокупности с тем, что культура Украины большей частью респондентов оценивается как её сильная сторона, а также с указанием большинства респондентов на общие культурно-исторические корни ощущение культурно-политического отчуждения Украины от России в восприятии россиян несёт значительный потенциал для разрушения общих для двух народов идентификационных оснований.

¹ Россияне не считают бывшие республики СССР зарубежьем – их надо силой удерживать под контролем Москвы // News.ru.com : [сайт]. [02.02.2017]. URL: <http://www.newsru.com/russia/02feb2017/levada.html> (дата обращения: 14.05.2021).

Наиболее негативно россиянами воспринимается власть Украины – именно её образ формирует базис для образа врага в лице этого государства. Негативное восприятие власти Украины прослеживается практически во всех измерениях её образа, а негативные эмоциональные характеристики, которыми наполнен образ украинской власти, частично проецируются и на народ. Говоря о власти Украины, многие респонденты обращаются к категориям предательства. Именно как предательство российскими гражданами расценивается поворот украинской внешней политики на Запад. В значительной мере «болезненность» этого «предательства» усиливается культурной тенденцией воспринимать страны СНГ, в том числе Украину, как своих «младших братьев», а также тем, что Украина не воспринимается россиянами как самостоятельное государство, она видится им как государство-сателлит. Если до украинского политического кризиса Украина виделась сателлитом России, то после этих событий в восприятии российских граждан Украина перешла «под крыло» главного геополитического соперника – США. Это объясняет некоторые специфические особенности образа врага в лице Украины – например, врага, не представляющего самостоятельной геополитической угрозы. Опасность Украины в восприятии россиян исходит именно из её интегрированности в более обширную враждебную систему под руководством США. С другой стороны, в некоторой степени украинская власть и её действия воспринимаются как угроза российской идентичности. Некоторые респонденты отмечали, что украинская власть выступает «против всего русского». Учитывая культурную тенденцию россиян отождествлять народы Украины, России и Беларуси, что отмечалось, например, исследователями Е. Б. Шестопал и Н. В. Смутькиной, подобное восприятие будет неизбежно трансформироваться в чувство угрозы национальной идентичности россиян.

Образ Украины в сознании россиян не обладает когнитивной сложностью. При описании различных компонентов данной страны респондентами использовались одномерные характеристики, преимущественно сфокусированные на событиях украинского кризиса, во многом почерпнутые из информационной повестки России в отношении Украины.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о закреплении в сознании россиян присутствующего в российском политическом дискурсе образа врага в лице Украины подтвердилась. Действительно, в образе Украины в сознании россиян наблюдаются многие негативные характеристики, имеющиеся в текущей информационной повестке. Особенно враждебно россиянами воспринимается власть Украины, которая рассматривается как деструктивная не только по отношению к России, но и по отношению к собственному народу.

Народ Украины воспринимается неоднозначно, в некоторой мере именно на народ респондентами возлагалась ответственность за отчуждение Украины от России. В вербализированных характеристиках украинского на-

рода, приведённых респондентами, порой встречаются такие характеристики, как «фашисты», «бендеровцы» и т. д. С учётом культурно-исторического контекста данные характеристики несут крайне негативное символическое наполнение, отождествляющее народ Украины с самым болезненным для россиян историческим врагом. Встречались данные характеристики, однако, достаточно редко. Тем не менее украинцы не воспринимаются непосредственно врагом. В восприятии украинского населения россиянами отмечаются, скорее, значительное разочарование отчуждением «младшего брата» от народа России и беспокойство о его будущем. Данное будущее не видится перспективным. Таким образом, в восприятии народа Украины наблюдается значительная россиецентричность, которая отмечалась также и другими исследователями данной проблематики, например, Н. В. Смутькиной и А. В. Селезнёвой [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгеньева Т. В., Усманова З. Р. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 2. С. 57–75.
2. Селезнева А. В., Смутькина Н. В. Политико-психологические особенности восприятия славянских стран российскими гражданами // Журнал Фронтальных Исследований. 2020. № 4 (20). С. 209–236.
3. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44.
4. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. № 10 (3). С. 74–94.
5. Abric J. C. A Structural approach to social representations // Deaux K., Philogene G. Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Oxford: Blackwell, 2001. P. 621–631.
6. Allport G. W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
7. Helbling M., Reeskens T., Wright M. The mobilization of identities: a study on the relationship between elite rhetoric and public opinion on national identity in developed democracies // Nations and Nationalism. 2016. № 22 (4). P. 744–767. DOI: 10.1111/nana.12235
8. Hewstone M., Rubin M., Willis H. Intergroup Bias // Annual Review of Psychology. 2002. № 53. P. 575–604.
9. Hogg M., Terry D., White K. A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 1995. Vol. 58. Iss. 4. P. 255–269.
10. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.

11. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Worchel S., Austin W. G. *Psychology of Intergroup Relation*. Chicago: Nelson Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
12. Feinstein Y., Bonikowski B. Nationalist narratives and anti-Immigrant attitudes: exceptionalism and collective victimhood in contemporary Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. № 47 (3). P. 1–21. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1620596

REFERENCES

1. Evgenyeva T. V., Usmanova Z. R. ["Ours" and "Others": Images of Foreign States in the Context of the Perception of Russia by its own Citizens]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political science], 2018, no. 2, pp. 57–75.
2. Selezneva A. V., Smul'kina N. V. [Political and psychological features of Slavic countries' perception by Russian citizens]. In: *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2020, no. 4 (20), pp. 209–236.
3. Shestopal E. B., Smul'kina N. V. [Factors of political perception of post-Soviet countries in contemporary Russian society]. In: *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 1, pp. 26–44.
4. Shestopal E. B., Smul'kina N. V., Morozikova I. V. [Comparative analysis of one's own images in Russian regions]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2019, no. 10 (3), pp. 74–94.
5. Abric J. C. A Structural approach to social representations. In: Deaux K., Philogene G. *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Oxford, Blackwell, 2001, pp. 621–631.
6. Allport G. W. *The nature of prejudice*. Cambridge, Addison-Wesley, 1954. 537 p.
7. Helbling M., Reeskens T., Wright M. The mobilization of identities: a study on the relationship between elite rhetoric and public opinion on national identity in developed democracies. In: *Nations and Nationalism*, 2016, no. 22 (4), pp. 744–767. DOI: 10.1111/nana.12235
8. Hewstone M., Rubin M., Willis H. Intergroup Bias. In: *Annual Review of Psychology*, 2002, no. 53, pp. 575–604.
9. Hogg M., Terry D., White K. A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory. In: *Social Psychology Quarterly*, 1995, vol. 58, iss. 4, pp. 255–269.
10. Tajfel H. *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 546 p.
11. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W. G. *Psychology of Intergroup Relation*. Chicago, Nelson Hall Publishers, 1986, pp. 7–24.
12. Feinstein Y., Bonikowski B. Nationalist narratives and anti-Immigrant attitudes: exceptionalism and collective victimhood in contemporary Israel. In: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019, no 47 (3), pp. 1–21. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1620596

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.03.2021

Статья размещена на сайте: 28.01.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Новаковский Евгений Алексеевич – аспирант кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: novakovsky111@yandex.ru

Evgeniy A. Novakovskiy – Postgraduate Student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: novakovsky111@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Новаковский Е.А. Образ Украины как врага России в сознании российских граждан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Novakovskiy E. A. Image of Ukraine as an enemy in the consciousness of Russian citizens. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 328.3

Воропаева М. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VIII СОЗЫВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ влияния выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва и первых результатов работы парламента на показатели одобрения обществом деятельности данного политического института

Процедура и методы. Использовались такие методы, как нормативно-правовой анализ изменения законодательства о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, сравнительный анализ результатов выборов в парламент предыдущих созывов и их влияния на конфигурацию законодательного органа, проведён вторичный анализ результатов социологического опроса о доверии деятельности политических институтов.

Результаты. Показана необходимость повышения политической субъектности Государственной Думы как условия укрепления доверия к институту парламента в России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены данные о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, спрогнозированы общие тенденции в работе парламента с учётом его изменившейся политической конфигурации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная Дума, выборы депутатов Государственной Думы, политическая субъектность, QR-коды, пандемия COVID-19

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Формирование Государственной Думы VIII созыва: особенности избирательной кампании](#)

[Государственная Дума VIII созыва: начало работы](#)

[Закключение](#)

M. Voropaeva

Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradskiy prosp., Moscow 125993, Russian Federation

ON THE ISSUE OF INCREASING THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF THE STATE DUMA OF THE VIII CONVOCATION

ABSTRACT

Aim. Analysis of the election of the deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation and the impact of the work of the parliament on the approval indicators of this political institution.

Methodology. As part of the preparation of the article, the following empirical methods were used: regulatory analysis of changes in legislation on the election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the VIII convocation, comparative analysis of the results of elections to the parliament of previous convocations and their impact on the configuration of the legislative body, secondary analysis of data from a sociological survey on confidence in the activities of political institutions.

Results. The necessity of increasing of political subjectivity of the State Duma as a condition for strengthening confidence in parliament is shown.

Research implications. The data on the results of the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the VIII convocation are summarized, general trends in the work of the parliament are predicted, taking into account the changed political configuration of the parliament.

KEYWORDS

State Duma, elections of deputies of the State Duma, political subjectivity, QR codes, COVID-19 pandemic

ВВЕДЕНИЕ

17–19 сентября 2021 г. состоялись выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва. Избирательная кампания проходила в форс-мажорных условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая породила ряд кризисных явлений в экономике, социальной сфере и т. д. В этой связи задача легитимации избирательного процесса и результатов выборов приобрела особую актуальность.

Избирательная система претерпела ряд изменений, но в целом сохранила свою конфигурацию: 225 депутатов Думы VIII созыва были избраны по одномандатным округам и столько же – по партийным спискам.

Выборы в 2021 г. проходили в неординарных условиях, когда наряду с их легитимностью необходимо было обеспечить безопасность избирателей. Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) стало осно-

ванием для введения трёхдневного голосования на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва¹.

О парламентских выборах в целом, а также о политической конфигурации Государственной Думы VIII созыва и прогнозах работы парламента в частности писали С. А. Авакьян [1], Д. А. Ежов [2; 8], В. К. Левашов [3], В. В. Шлычков [7], А. Н. Медушевский [4], М. А. Фалалеев и Н. А. Ситдикова [6], Е. А. Слинко и А. В. Антонов [5]. Вместе с тем вопросы деятельности сформированного парламента пока не нашли достаточного отражения в научных трудах. Последнее и составило цель настоящего исследования.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VIII СОЗЫВА: ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Новацией парламентской кампании 2021 г. стало усиление требований к лицам, принимавшим участие в выборах и получившим статус депутата. Преобразования выразились в установлении ограничения в пассивном избирательном праве для лиц, причастных к деятельности экстремистских организаций. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² был установлен запрет для депутатов на наличие иностранного гражданства или вида на жительство в иностранном государстве.

Ряд изменений коснулся и избирательного процесса как такового. Позитивным результатом введения трёхдневного голосования стало повышение явки избирателей до 51,72%, что выше показателя 2016 г. на 3,84%. Однако нельзя говорить о том, что нововведение привело к беспрецедентному повышению уровня интереса граждан к парламентским выборам. Голосование с самой высокой явкой было однодневным – 2 декабря 2007 г. (63,78%) при избрании Думы V созыва.

Впервые в столь широком масштабе на выборах депутатов Государственной Думы также было применено дистанционное электронное голосование. Как развитие положений национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» взамен голосования с использованием бумажного бюллетеня избирателям в Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, в городах федерального значения – Москве и Севастополе – было предложено голосовать с использованием про-

¹ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

² Российская Федерация. Законы. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

граммного обеспечения (при сохранении возможности голосовать традиционным способом). Итоги электронного голосования вызвали ряд негативных откликов от оппозиционных партий и кандидатов. Так, КПРФ подала в суд иск о признании недействительными результатов дистанционного электронного голосования в Москве³.

Согласимся с Д. А. Ежовым [4, с. 92–93] в том, что центральной темой избирательной кампании стала тема борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и её последствиями. Необходимость активных действий и реальной помощи вывела на первый план кампании партий и кандидатов, оказывающих реальную помощь в борьбе с пандемией. Трансформация элитарной демократии в социальную привела в парламент врачей, добровольцев, благотворителей и представителей социальной сферы. Возможно, как элемент предвыборной стратегии это дало определённые результаты, однако остаётся открытым вопрос о влиянии такого рекрутинга на эффективность законотворческого процесса.

Пятипроцентный барьер по партийным спискам преодолели пять партий: «Единая Россия» (49,82%), КПРФ (18,93%), ЛДПР (7,55%), «Справедливая Россия – За правду» (7,46%), «Новые люди» (5,32%). Эти партии в совокупности набрали 89,08% голосов избирателей. Более 6 млн голосов избирателей, отданных за другие партии, были дополнительно разделены между объединениями, прошедшими в Государственную Думу.

Всего же в Государственную Думу вошли представители восьми партий. По одному представителю от «Родины», «Партии Роста» и «Гражданской платформы» были избраны в одномандатных округах.

Политические риски в виде возможного получения парламентской трибуны представителями внесистемной оппозиции были нивелированы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА VIII СОЗЫВА: НАЧАЛО РАБОТЫ

Итоги голосования несколько изменили политическую расстановку сил в Государственной Думе. Впервые с 1999 г. в парламенте оказалось представлено более четырёх партий. Однако говорить о том, что фракция «Новые люди» сможет существенно влиять на ход голосования, – преждевременно. Обновление может привести к разнообразию дискуссии, в частности, связанной с поддержкой предпринимательства, либерализацией экономики в целом.

«Единая Россия», сумевшая реализовать эффективную электоральную стратегию, сохранила конституционное большинство. Это и в восьмом созыве будет обеспечивать поддержку предложениям Президента и исполнительной власти (и ситуативно – примыкание к голосованию по некоторым инициативам

³ КПРФ подала 31 иск по итогам онлайн-голосования в Москве // РИА Новости : [сайт]. [29.09.2021]. URL: <https://ria.ru/20210929/golosovanie-1752274263.html> (дата обращения: 12.12.2021).

системной оппозиции). Присутствие и участие в голосовании других фракций демонстрирует публичную легитимность работы парламента. Ряд экспертов оппозиционным парламентским партиям, представленным в VII созыве, отводит и вовсе «декоративную роль в системе властных отношений» [3, с. 10].

Изменения процедуры выборов, в том числе, связанные с увеличением дней голосования и введением дистанционного электронного голосования, оказали существенное воздействие на признание результатов выборов как политическими партиями, так и гражданами. Но в целом итоги выборов в Государственную Думу VIII созыва были лояльно приняты обществом.

Всероссийский центр изучения общественного мнения в рамках еженедельного опроса замеряет одобрение деятельности государственных институтов. Динамика этого показателя говорит о том, что обновление парламента и начало работы нового созыва не привели к повышению одобрения. Так, после проведения первого заседания показатель находился на отметке в 35,5% (замер представлен 24.10.2021), а уже 28.11.2021 составил 32,6%. В то время как неодобрение выросло за тот же период с 43,8% до 47,6%⁴. Таким образом, свою работу парламента начинает с критически низких показателей одобрения, что является следствием как деятельности предыдущего седьмого созыва, так и процессов политической десубъективизации Государственной Думы.

Опираясь на идеи П. Бурдые [9, р. 19], можно утверждать, что политическая субъектность парламента соответствует символическому капиталу, который должен достичь определённого уровня признания избирателей. Это способность Государственной Думы быть полноценным и самостоятельным актором политического поля, оказывать воздействие на совокупность процессов, происходящих в российском обществе. Именно политическая субъектность позволяет определить истинную роль института в политической системе общества.

За два месяца деятельности Государственной Думы наиболее ярким примером, дающим определённую надежду на повышение роли парламента в общественных процессах, является перенос рассмотрения законопроекта № 17358-8 «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”» (о QR-кодах на транспорте)⁵.

Законодательные изменения, связанные с ограничениями из-за распространения новой коронавирусной инфекции, вводятся с определённой периодичностью, начиная с марта 2020 г., практически каждый раз вызывая

⁴ Деятельность государственных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения : [сайт]. [28.11.2021]. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov> (дата обращения: 16.12.2021).

⁵ Российская Федерация. Законы. «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”»: Проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8> (дата обращения: 16.12.2021).

негативную реакцию со стороны граждан. Вместе с тем кульминацией этих процессов стали законопроекты № 17358-8 и № 17357-8 (о QR-кодах в общественных местах)⁶.

После появления первых сообщений о внесении указанных проектов законов граждане массово стали обращаться к депутатам Государственной Думы о необходимости отклонения инициатив Правительства России. Кроме того, в социальных медиа активные граждане оставляли тысячи комментариев соответствующего содержания к постам депутатов. Впервые в отечественной истории цифровой политической активизм оказал влияние на законодательный процесс.

Напомним, что именно недоучёт мнений граждан при разработке законопроектов вменялся Государственной Думе VII созыва. Так, например, 80% граждан выступили против пенсионной реформы⁷.

Вместе с тем Советом Государственной Думы было принято решение о снятии законопроекта о QR-кодах на транспорте. Спикер Государственной Думы В. В. Володин пояснил, что «решение снять с рассмотрения законопроект о введении QR-кодов на транспорте – это результат диалога Государственной Думы с Правительством на основе учёта мнений регионов и обращений граждан. Благодаря обратной связи замечания были услышаны»⁸.

Таким образом, Председатель Государственной Думы продемонстрировал готовность парламента слышать и учитывать мнения граждан. Однако в полной мере это станет понятным по итогам рассмотрения второго резонансного законопроекта № 17357-8, который также вызвал массу негативных откликов граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее.

Выборы продемонстрировали стабильность российской партийной системы в целом, устойчивость поддержки властных институтов. Государственная Дума VIII созыва, практически сохранившая свою конфигурацию, начинает работу с крайне низких показателей одобрения деятельности.

⁶ Российская Федерация. Законы. «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”»: Проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8> (дата обращения: 16.12.2021).

⁷ Повышение пенсионного возраста: реакция граждан. О решении повысить пенсии и его влиянии на отношение к властям // Фонд «Общественное мнение»: [сайт]. [29.06.2018]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14057> (дата обращения: 15.12.2021).

⁸ Законопроект о введении QR-кодов на транспорте снимут с рассмотрения // Коммерсантъ: [сайт]. [13.12.2021]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5128555> (дата обращения: 16.12.2021).

Для повышения доверия со стороны граждан парламентскому институту в ближайшие пять лет предстоит постоянно демонстрировать свою политическую субъектность. Думе будет необходим поиск политических проектов, которые могли бы консолидировать общество, в том числе, с использованием новых цифровых технологий, позволяющих организовывать прямое участие граждан в законотворческом процессе.

Наличие доминирующей партии, выстраивающей свою деятельность вокруг Президента и исполнительной власти, может быть использовано в достижении этой цели. «Единая Россия» должна постоянно демонстрировать понимание и готовность законодательно отрабатывать запросы граждан. Прецедент с законопроектом о QR-кодах на транспорте позволяет надеяться на оформление этой тенденции в постоянную практику Государственной Думы VIII созыва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 5. С. 23–39.
2. Ежов Д. А. Выборы депутатов Государственной Думы восьмого созыва: тенденции и прогнозы // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 91–93.
3. Левашов В. К., Великая Н. М. Публичная легитимность российского государства в условиях пандемии и выборов в Государственную Думу // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. С. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.4
4. Медушевский А. Н. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1. С. 43–66.
5. Слинко Е. А., Антонов А. В. Трансформация политической власти в России: конституционная реформа и парламентские выборы в свете теории разделения властей // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 3. С. 133–138.
6. Фалалеев М. А., Ситдикова Н. А. Выборы в государственную думу VIII созыва. Прогноз стабильности политической системы // Социосфера. 2020. № 1. С. 170–175.
7. Шлычков В. В. Российский электоральный цикл 2021 г. и его воздействие на протекающие социально-экономические процессы и состояние национальной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 44–48.
8. Электоральные процессы в современном мире / Р. В. Пырма, Р. А. Алексеев, А. В. Абрамов, Д. А. Ежов, А. Н. Аринин, В. Н. Петрищев, П. Б. Салин, П. Я. Фельдман, С. Л. Чепель, Ю. В. Ирхин, А. А. Деревянченко, М. Е. Родионова, Е. Ю. Березкина, В. В. Зубов, С. В. Расторгуев, И. Н. Липилина, Л. М. Ефимова, Н. Н. Бектимирова, Ю. А. Мамаева, Я. А. Шпитюк, Н. Н. Кулакова. М.: КноРус, 2020. 492 с.
9. Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987. 229 p.

REFERENCES

1. Avak'yan S. A. [Elections in Russia: the evolution of electoral systems, modern problems]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [The Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2015, no. 5, pp. 23–39.
2. Ezhov D. A. [Elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation of the eighth convocation: trends and forecasts]. In: *Vlast'* [The Authority], 2021, vol. 29, no. 3, pp. 91–93.
3. Levashov V. K., Velikaya N. M. [Russia's Public Legitimacy in the Pandemic and the State Duma Elections]. In: *Sotsial'noe prostranstvo* [Social area], 2021, vol. 7, no. 4, pp. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.4
4. Medushevskii A. N. [Constitutional amendments in Russia in 2020 as a political project of the state reorganization]. In: *Publichnaya politika* [Public policy], 2020, vol. 4, no. 1, pp. 43–66.
5. Slin'ko E. A., Antonov A. V. [Transformation of political power in Russia: constitutional reform and parliamentary elections in the light of the theory of separation of powers]. In: *Region: sistema, ekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management], 2021, no. 3, pp. 133–138.
6. Falaleev M. A., Sitdikova N. A. [State Duma's Elections of the VIII convocation. Forecast of political system's stability]. In: *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2020, no. 1, pp. 170–175.
7. Shlychkov V. V. [The Russian electoral cycle of 2021 and its impact on the ongoing socio-economic processes and the state of the national economy]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2021, no. 3, pp. 44–48.
8. Pyrma R. V., Alekseev R. A., Abramov A. V., et al. *Elektoral'nye protsessy v sovremennoy mire* [Electoral Processes in the Modern World]. Moscow, KnoRus Publ., 2020. 492 p.
9. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris, Minuit, 1987. 229 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.12.2021

Статья размещена на сайте: 19.01.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воропаева Мария Александровна – аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: mariavoropaeva@yandex.ru

Maria A. Voropaeva – Postgraduate Student, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: mariavoropaeva@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Воропаева М. А. К вопросу о повышении политической субъектности Государственной Думы VIII созыва // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Voropaeva M. A. On the issue of increasing the political subjectivity of the State Duma of the VIII convocation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072

Дятлов Д. А., Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А.*Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76, Российская Федерация*

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИДЕРОВ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ ЗНАЧИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование специфики социальной идентичности реальных лидеров, выявляемых группой в стрессовой ситуации, социометрических и референтометрических лидеров в привычной жизнедеятельности.

Процедура и методы. Для выявления социометрических лидеров применялась методика «Социометрия». Для выявления референтометрических лидеров применялась методика «Референтометрия». Реальные действующие лидеры определялись в стрессовой ситуации значимой групповой деятельности. Для определения социально-ролевой идентичности применялась методика «Ролевые отношения социальных субъектов и творческой личности» (РОССТЛ). Для статистической обработки данных использовался факторный анализ.

Результаты. По итогам исследования было выявлено, что лидеры в повседневных ситуациях жизнедеятельности группы имеют специфику социально-ролевой идентичности: выраженность ролей руководителя и востребованного сотрудника выявлена у социометрических лидеров; выраженность ролей криэйтора и спасателя в кризисе выявлена у референтометрических лидеров; выраженность персональной роли криэйтора выявлена у реальных лидеров, выбранных группой в стрессовой ситуации. Феномен сохранения лидерства в стрессовой ситуации имеет свою специфику: у социометрических лидеров он связан с идентификацией с социальными ролями руководителей, у референтометрических лидеров – с идентификацией с персональной ролью криэйтора и социальной ролью руководителя. Феномен движения на роль лидера в стрессовой ситуации субъектов, не определяемых группой в качестве социометрического или референтометрического лидера, связан с идентификацией таких субъектов с руководящими ролями.

Практическая значимость. Выявленные особенности сохранивших лидерство социометрических и референтометрических лидеров позволяют дополнить программы обучения лидерства в условиях стрессовых ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социально-ролевая идентичность, реальный лидер, социометрический лидер, референтометрический лидер, лидер в стрессе, ситуация оценивания, неопределённость оценивания

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Процедура и методы](#)[Результаты](#)[Обсуждение](#)[Заключение](#)

D. Dyatlov, V. Gryazeva-Dobshinskaya, Yu. Dmitrieva

South Ural State University (national research university)
prosp. Lenina 76, Chelyabinsk 454080, Russian Federation

SOCIAL IDENTITY OF LEADERS IN A STRESS SITUATION OF SIGNIFICANT ACTIVITIES OF THE GROUP

ABSTRACT

Aim. The purpose of the article is to study the specifics of the social identity of real leaders chosen by a group in a stressful situation, sociometric and referentometric leaders in their everyday life.

Methodology. To identify sociometric leaders, the Sociometry method was used. To identify the referentometric leaders, the "Referentometry" technique was used. Real acting leaders were identified in the stressful situation of meaningful group activity. To determine the social-role identity, the method "Role relations of social subjects and creative personality" was used. Factor analysis was used for statistical data processing.

Results. According to the results of the study, leaders in everyday situations of the group's life have a specific social-role identity: the significance of the leaders' roles and the role of an in-demand employee was revealed in sociometric leaders; the expressiveness of the roles of creator and rescuer in a crisis was revealed in referentometric leaders; the expressiveness of the personal role of the creator was revealed in real leaders, selected by the group in a stressful situation. The phenomenon of retention of leadership in a stressful situation has its own specifics: for sociometric leaders it is associated with identification with the social roles of leaders, for referentometric leaders it is associated with identification with the personal role of the creator and the social role of the leader. The phenomenon of the promotion to the role of a leader in a stressful situation of subjects who are not defined by the group as a sociometric or referentometric leader is associated with the identification of such subjects with leading roles.

Research implications. The revealed features of the sociometric and referentometric leaders who have retained their leadership make it possible to supplement with training programs for leadership in stressful situations.

KEYWORDS

social-role identity, real leader, sociometric leader, referentometric leader, leader in stress, assessment situation, assessment uncertainty

ВВЕДЕНИЕ

Феномен лидерства и феномен выдвижения субъекта группы в лидерскую позицию традиционно изучаются в контексте ситуативного, диспозиционного, а также деятельностного подходов. В ситуативном подходе (П. Фидлер, П. Херси, К. Бланшар) лидерство рассматривается как динамичный феномен, который зависит от особенностей задания, взаимоотношений в группе, готовности сотрудников к выполнению задания [8, с. 75–79]. В диспозиционном подходе (Р. Стогдил, Р. Тенненбаум, Я. Морено) особенности лидера рассматриваются как устойчивые черты личности, которые являются врождёнными или приобретёнными [9, с. 50–51]. К этому подходу можно от-

нести социометрию Я. Л. Морено, в которой предполагается, что лидерами становятся субъекты, личностные свойства которых вызывают симпатию [15, р. 50–51]. Развивая социометрический подход, Я. Коломинский для изучения детских групп в привычной школьной обстановке разработал социометрическую методику «Выбор в действии» [9, с. 42]. В оппозиции социометрическому подходу, в котором лидерство рассматривалось как основанное на эмоциональных отношениях, проводились исследования референтных отношений в рамках деятельностного опосредования межличностных отношений А. В. Петровского. В русле этой теории Е. В. Щедрина противопоставляет эмоциональные отношения симпатии – антипатии референтным отношениям, которые зависят от особенностей совместной деятельности субъектов групп [12, с. 57–60]. На основе теории деятельностного опосредования межличностных отношений решается проблема лидерства и руководства Р. Л. Кричевским. В этом подходе лидерство – это внутренняя социально-психологическая организация, которая противопоставляется руководству как формально правовому управлению совместной деятельностью [5, с. 81]. Феномены лидерства обобщаются в концепции межличностной значимости А. В. Петровского [6, с. 178]. На основе этой теории А. В. Петровским строится модель значимого другого, включающая все аспекты межличностных отношений, в которой системообразующим основанием является деятельностная опосредованность. Феномены лидерства можно объяснить на основе этой модели:

- феномены лидерства, которые включают эмоциональный аспект значимых межличностных отношений, к ним можно отнести эмоциональное лидерство на основе симпатии – антипатии;
- феномены референтных отношений, к ним можно отнести авторитет как феномен лидерства;
- феномены лидерства, включающие социально-ролевые отношения, к которым можно отнести аспект руководства и власти [4, с. 120–121].

На основе этой модели и исследований М. Ю. Кондратьев определяет значимого другого как личность, оказывающую влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности [10, с. 17].

Менее исследованы феномены лидерства в стрессовых ситуациях. Стресс может усиливать динамические процессы в группе. Поэтому актуально изучать специфику лидерства в стрессовых ситуациях.

Исследования Д. Кэррингтона и М. Мамфорда показывают, что в стрессовых ситуациях организационных изменений лидерам сложнее искать новые способы поведения и мышления, т. к. предыдущий опыт мешает адаптироваться к новым нестандартным ситуациям [13, р. 12–13]. Результаты экспериментальной стрессовой ситуации Л. Ларсона и К. Роуланда показывают, что в стрессовой ситуации лидер с низким уважением к наименее предпо-

читительному сотруднику (LPS) демонстрирует поведение, ориентированное на решение задач, а лидер с высоким LPS ориентирован на установление отношений [20, р. 185–186]. Оппозиция ориентации лидера, с одной стороны, на отношения, а с другой – на выполнение задач была названа П. Фидлером мерой стиля лидерства.

Системный взгляд на лидерство в условиях стрессовых ситуаций предложил П. Д. Хармс. Его метааналитическое исследование на основе исследований 157 независимых выборок показывает, что лидеры чаще других субъектов группы испытывают стресс из-за возможной потери статусной позиции; а также лидеры не только испытывают стресс в сложных неопределённых ситуациях, но и сами вызывают стресс у других субъектов группы. Лидеры в стрессовых ситуациях менее склонны придерживаться мнения группы, из-за этого становятся более директивными, что негативно воспринимается субъектами групп. Основные факторы, вызывающие стресс, по П. Д. Хармсу, – это неуверенность и неспособность контролировать ситуацию [17, р. 183–184].

В условиях стрессогенной ситуации значимой деятельности группы может наблюдаться групповая динамика с изменением статусных позиций субъектов группы. Это можно объяснить в контексте: ситуативного подхода – специфическими вызовами ситуации; диспозиционного подхода – наличием необходимых лидеру личностных свойств; деятельностного подхода – изменением структуры группы под влиянием значимой деятельности. В условиях стрессогенной ситуации лидерами могут стать субъекты группы, наиболее адекватно действующие в неожиданных стрессовых ситуациях, имеющие личностные ресурсы, наиболее значимые для группы на уровне эмоциональных, референтных или деловых отношений и значимые для группы на любом из этих отношений. Можно предположить, что в стрессовой ситуации важна социальная идентичность лидера, которая имеет многофакторное основание, включающее личностные диспозиции, межличностные и деловые отношения, и которая проявляется во множестве социальных и персональных ролей.

Социальную идентичность субъектов в условиях нормальной жизнедеятельности группы исследовали А. Тэшвел и Дж. Тернер [1, с. 8]. Рассматривая социальную идентичность, А. Тэшвел и Дж. Тернер выделяют два её варианта: персональную идентичность (опосредованную межличностными отношениями) и социальную идентичность (опосредованную межгрупповыми отношениями). Рассматривая социальную идентичность, О. Эпитропаки и К. Ронит объединяют два её уровня: уровень самости (индивидуальный и коллективный) и уровень анализа (внутриличностного, межличностного, группового) [14, р. 108–110]. Социальную идентичность субъектов в потенциально стрессовой ситуации исследовал Дж. Котэ. В концепции капитала «Идентичности» Дж. Котэ рассматривал идентичность как систему внешних и

внутренних ресурсов, позволяющих субъекту самоопределяться в условиях социальной неопределённости [2, с. 110].

Таким образом, в дизайн исследования лидерства в стрессовой ситуации необходимо включать социальную идентичность, имеющую многоуровневую основу (личностные диспозиции, межличностные и деловые отношения) и проявляющуюся в специфике социальных и персональных ролей. В связи с этим актуально изучить особенности социальной идентичности социометрических, референтометрических и реальных лидеров в стрессовых ситуациях.

Поэтому цель настоящей работы – исследовать специфику социальной идентичности реальных лидеров, выбираемых группой в стрессовых ситуациях, социометрических и референтометрических лидеров, выбираемых группой в привычной жизнедеятельности.

Гипотезы исследования:

1. лидеры, выявленные в повседневных ситуациях, и лидеры, выбранные группой в стрессовой ситуации, имеют специфику социальной идентичности, связанную с персональными и статусными ролями;
2. основанием изменения статуса лидерства в стрессовой ситуации является особенность социально-ролевой идентичности лидера.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ

Выборка – студенты архитектурно-строительного и политехнического факультетов ЮУрГУ. Общее количество групп – 20. Общая численность респондентов, принявших участие в исследовании, составила 137 человек в возрасте от 17 до 23 лет, из них 65 мужчин и 72 женщины. Из них с помощью психодиагностических методик «социометрия» и «референтометрия» были выявлены: социометрические лидеры – 28 субъектов, референтометрические лидеры – 21 субъект, и в результате экспериментальной ситуации группой были выдвинуты реальные лидеры – 20 субъектов. Исследование проводилось в рамках экспериментальной стрессовой ситуации, моделирующей неопределённость оценивания в соревновательной учебной деятельности.

Дизайн исследования.

На первом (психодиагностическом) этапе исследования были выявлены лидеры (социометрические и референтометрические), а также социально-ролевая идентичность лидеров.

На втором (экспериментальном) этапе исследования были сформированы подгруппы студентов по результатам социометрии. В качестве реально значимой стрессовой ситуации использовалась ситуация зачёта в виде ролевой игры с оцениванием групповой деятельности экспертами. Неопределённость оценивания как стресс-фактор задавалась субъективизмом оценок экспертов.

На третьем (аналитическом) этапе были определены особенности социально-ролевой идентичности групп лидеров с помощью факторного анализа.

В исследовании внимание сфокусировано на трёх типах лидеров. Это лидеры, выявленные с помощью методик «Социометрия» Я. Л. Морено [16, р. 4] и «Референтометрия» Е. В. Щедриной [12, с. 60], реальные лидеры, выбранные группой в ситуации стресса.

В работе использовались следующие психодиагностические методики:

– *референтометрия*. Для измерения наиболее значимого для человека члена группы, к оценке которого субъект прислушивается, была выбрана методика референтометрии, разработанная Е. В. Щедриной [12, с. 59];

– *социометрия*. Для выявления неформальных и наиболее эмоционально притягательных членов группы была выбрана методика «Социометрия» Я. Л. Морено [16, р. 50–51]. Социометрические вопросы относились к значимой интеллектуальной деятельности, эмоциональным качествам, устойчивости в потенциально стрессовой ситуации;

– *РОССТЛ*. Для выявления социально-ролевой идентичности лидеров была проведена психодиагностическая технология РОССТЛ («Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями») В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глуховой, А. С. Мальцевой [11, с. 160–162]. Методика РОССТЛ выявляет социальную идентичность лидеров в отношении социальных и персональных ролей. Социальные роли – это начальник мужчина, начальник женщина (т. е. роли руководителей), заместитель начальника мужчина, заместитель начальника женщина. Персональные роли – это криэйтор, востребованный сотрудник, спасатель в кризисе, увольняемый мужчина, увольняемая женщина [7, с. 36].

Для автоматической математико-статистической обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics v23 [15, р. 254]. Факторный анализ проводился с использованием модели главных компонент с Varimax вращением факторных осей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для выявления структуры социально-ролевой идентичности группы лидеров был использован факторный анализ. Факторный анализ социально-ролевой идентичности лидеров проводился по результатам РОССТЛ. В таблице 1 представлена социально-ролевая идентичность группы реальных лидеров в стрессовой ситуации – 20 субъектов, социометрических лидеров – 8 субъектов, референтометрических лидеров – 9 субъектов.

Социально-ролевая идентичность группы реальных лидеров в стрессовой ситуации включает четыре фактора. Главной особенностью социально-ролевой идентичности группы лидеров в стрессовой ситуации является их интеграция «Я» с персональной ролью «Криэйтор». Социально-ролевая

идентичность группы социометрических лидеров представлена социальной ролью «Руководитель» и персональной ролью «Востребованный сотрудник». Социометрические лидеры ориентированы на статус. Социально-ролевая идентичность группы референтометрических лидеров является мультифакторной, включающей в себя персональные роли «Криэйтор» и «Спасатель в кризисе», а во втором случае включающей персональную роль «Спасатель в кризисе» и противопоставляющей себя социальным ролям «Руководитель».

Таблица 1 / Table 1

Структура социально-ролевой идентичности группы лидеров / The structure of the social-role identity of a group of leaders

Роли	Социально-ролевая идентичность групп лидеров											
	Реальные лидеры в стрессовой ситуации – 20 субъектов				Социометрические лидеры в повседневных ситуациях – 8 субъектов				Референтометрические лидеры в повседневных ситуациях – 9 субъектов			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Я		0,7				0,7			0,5		-0,4	
Начальник мужчина	0,7				0,7	0,4				0,7		
Начальник женщина	0,7				0,6					0,8		
Заместитель Мужчина				0,4			0,9			0,4	0,4	
Заместитель Женщина				0,6	0,8						0,8	
Криэйтор		0,7							0,8			
Востребованный сотрудник			0,8			0,6		-0,4				0,8
Спасатель в кризисе								0,9	0,4		-0,4	
Увольняемый мужчина	-0,5			-0,7		-0,7			-0,7			
Увольняемая женщина	-0,6	-0,4	-0,6		-0,6	-0,4			-0,6			
Дисперсия %	22	15	12	11	33	14	13	8	29	16	11	10

Группа реальных лидеров была с опытом референтометрического и социометрического лидерства, поэтому мы решили изучить социально-ролевую идентичность лидеров в стрессовой ситуации, имеющих такой опыт, и лидеров, выбираемых группой лишь в стрессовой ситуации (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Структура социально-ролевой идентичности группы реальных лидеров / The structure of the social-role identity of a group of real leaders

Роли	Социально-ролевая идентичность реальных лидеров групп, в стрессовых ситуациях											
	Реальные лидеры, новые в стрессовой ситуации – 6 субъектов.				Социометрические лидеры, сохранившие лидерство в стрессовых ситуациях – 6 субъектов.				Референтометрические лидеры, сохранившие лидерство в стрессовых ситуациях – 6 субъектов.			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Я	0,4	0,5				0,7			0,8			
Начальник мужчина	0,6				0,8				0,5			-0,6
Начальник женщина	0,7				0,8				0,6			
Заместитель мужчина	0,5			-0,6		0,7			0,8			
Заместитель женщина		0,7				0,4	0,4	-0,4		0,5	0,6	
Кризэйтор				0,9				0,8	0,5			
Востребованный сотрудник			0,9				0,7				-0,8	
Спасатель в кризисе		-0,8			0,6							0,7
Увольняемый мужчина	-0,5		-0,6				-0,7		-0,6	-0,5		
Увольняемая женщина	-0,7					-0,5			-0,8			
Дисперсия %	28	17	12	10	23	19	10	10	26	16	13	12

В таблице 2 рассматриваются субъекты, воспринимаемые группой как реальные лидеры в стрессовой ситуации и не являющиеся лидерами в условиях нормальной жизнедеятельности групп, в количестве 6 субъектов. Рассматривается также группа реальных лидеров, которых участники группы в условиях нормальной жизнедеятельности воспринимают как социометрических и референтометрических лидеров, т. е. такие лидеры имели опыт лидерства в группе. Количество таких лидеров – по 6 субъектов на каждый тип лидерства. Социально-ролевая идентичность группы реальных лидеров в стрессовой ситуации, не имеющих опыта социометрического и референтометрического лидерства, включает социальные роли «Руководитель». Социально-ролевая идентичность группы реальных лидеров в стрессовой ситуации, имеющих опыт социометрического лидерства, включает социальные роли «Заместитель руководителя». Социально-ролевая идентичность груп-

пы лидеров в стрессовой ситуации, имеющих опыт референтометрического лидерства, включает социальную роль «Руководитель» и персональную роль «Кризэйтор».

ОБСУЖДЕНИЕ

Статья посвящена особенностям социальной идентичности лидеров в стрессовой ситуации. В отличие от теории черт и ситуативного лидерства концепция социальной идентичности лидерства сосредотачивается не на отличии лидера от участников групп по личностным качествам и ресурсам, а на сходстве между лидером и участниками группы, т. е. на прототипичности лидера. Согласно исследованиям социальной идентичности М. Хогга лидером становится наиболее прототипичный субъект группы, который представляет цели и интересы всей группы [18, р. 194]. В исследовании влияния стресса на лидерство М. Смита, К. Купер было выявлено, что в стрессовой ситуации участники групп выберут того лидера, который способен снизить общий уровень стресса [21, р. 6].

Выявленный феномен сохранения лидерства в нашем исследовании связан с тем, что лидеры, выбираемые группой в стрессовой ситуации, являются наиболее прототипичными и имеют ресурсы для совладания со стрессом. Наиболее прототипичными социометрическими лидерами в стрессовой ситуации для студенческой среды являются эмоциональные лидеры, идентифицирующие себя с ролью «Руководитель». Наиболее прототипичными референтометрическими лидерами в стрессовой ситуации являются лидеры, идентифицирующие себя с ролями «Кризэйтор» и «Руководитель», т. е. лидеры, способные к созиданию и преобразованию. В исследовании Д. Кох обнаружена также связь между трансформационным лидерством и креативностью. Трансформационное лидерство наиболее эффективно в кризисных ситуациях и ситуациях организационных изменений. В нашем исследовании референтометрические лидеры идентифицируют себя с ролями «Кризэйтор» и «Руководитель», вероятно, референтометрические лидеры имеют личностные ресурсы трансформационного лидерства и сохраняют лидерство в экспериментальной ситуации, моделирующей неопределённость оценивания в соревновательной учебной деятельности [19, р. 8]. В исследовании динамики социальной идентичности в ситуациях социальных изменений Е. П. Белинская выявила, что наиболее устойчивые субъекты (демонстрирующие готовность к действиям в условиях изменений) в ситуациях социальных изменений – это субъекты групп, идентифицирующие себя с социальными ролями, а не с персональными [3, с. 30–32]. Выбор в качестве лидеров субъектов, раньше не воспринимаемых группой как лидеры, связан с их идентификацией исключительно с социальными ролями руководителей. Результаты нашего исследования подтверждают это.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования было выявлено, что лидеры в повседневных ситуациях жизнедеятельности группы имеют специфику, связанную с персональными и статусными ролями, включёнными в социальную идентичность (у социометрических лидеров – это социальные роли «Руководитель» и персональная роль «Востребованный сотрудник», у референтометрических – персональные роли «Кризэйтор» и «Спасатель в кризисе»; лидеры, выбранные группой в стрессовой ситуации, имеют специфику социальной идентичности, связанную с персональной ролью «Кризэйтор»). Феномен сохранения лидерства в стрессовой ситуации имеет свою специфику: у социометрических лидеров он связан с идентификацией с социальными ролями «Руководитель»; у референтометрических – с идентификацией с персональной ролью «Кризэйтор» и социальной ролью «Руководитель». Феномен выдвижения на роль лидера в стрессовой ситуации субъектов, не определяемых группой в качестве социометрического или референтометрического лидера, связан с идентификацией таких субъектов с ролями «Руководитель». Таким образом, изменение статуса лидерства (сохранение и потеря) имеет специфические основания в социальной идентичности лидера. Выявленные особенности сохранивших лидерство социометрических и референтометрических лидеров позволяют дополнить программы обучения лидерству в условиях стрессовых ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.101
2. Белинская Е. П. К вопросу об изменчивости / устойчивости идентичности // Социальная психология и общество: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А. В. Петровского, Москва, 15–16 октября 2019 г. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. С. 109–111.
3. Белинская Е. П. Идентичность личности в условиях социальных изменений : автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2006. 50 с.
4. Власова К. О. Современные подходы к изучению лидерства в учебных группах // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М. Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2020 г. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2020. С. 119–122.
5. Гасимова В. А. Лидерство и малая группа : хрестоматия : пособие для студентов по дисциплине “Деловое общение”. Пермь, Пермский государственный институт культуры, 2016. 104 с.

6. Горенинцева В. Н., Губайдуллина А. Н. Новая модель “значимого взрослого” во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 176–187. DOI: 10.17223/19986645/50/11
7. Грязева-Добшинская В. Г., Бакунчик Н. Ю., Глухова В. А., Мальцева А. С. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Психология». 2008. Вып. 3. С. 33–45.
8. Дафт Р. Л. Уроки лидерства / пер. с англ. А. В. Козлова; под ред. И. В. Андреевой. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
9. Коломинский Я. Л. Социальная психология выбора. Смоленск: Ноопресс, 2018. 232 с.
10. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 2. С. 17–28.
11. Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический инновационный аудит : учебное пособие / В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, В. А. Глухова и др.; под ред. В. Г. Грязевой-Добшинской, Ю. А. Дмитриевой. Челябинск: Издательский центр Южно-Уральского государственного университета, 2016. 240 с.
12. Сачкова М. Е. Современные концепции и подходы к групповой дифференциации в малых группах : учебное пособие для вузов. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2020. 123 с.
13. Carrington D. J, Combe I. A., Mumford M. D. Cognitive shifts within leader and follower teams: Where consensus develops in mental models during an organizational crisis // The Leadership Quarterly. 2019. Vol. 30. Iss. 3. P. 335–350. DOI: 10.1016/j.leaqua.2018.12.002
14. Leadership and followership identity processes: A multilevel review / O. Epitropaki, R. Kark, C. Mainemelis, R. G. Lord // The Leadership Quarterly. 2017. № 28. P. 104–129. DOI: 10.1016/j.leaqua.2016.10.003
15. George D., Mallery P. IBM SPSS Statistics 23 Step by Step: A Simple Guide and Reference. New York: Routledge, 2016. 400 p. DOI: 10.4324/9781315545899
16. Giacomucci S. Introduction to Social Work, Sociometry, and Psychodrama. Luxembourg: Springer, 2021. 501 p. DOI: 10.1007/978-981-33-6342-7_1
17. Leadership and stress: A meta-analytic review / P. Harms, M. Crede, M. Tynan, M. Leon, W. Jeung // The Leadership Quarterly. 2017. № 28 (1). P. 178–194. DOI: 10.1016/j.leaqua.2016.10.006
18. Hogg M. A Social Identity Theory of Leadership // Personality and Social Psychology Review. 2001. № 5 (3). P. 184–200. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0503_1
19. Koh Dohyoung, Lee Kyootai, Joshi Kailsh. Transformational leadership and creativity: A meta-analytic review and identification of an integrated model // Journal of Organizational Behavior. 2019. № 40 (6). P. 625–650. DOI: 40.10.1002/job.2355

20. Larson L. L., Rowland K. M. Stress and leader behavior // Academy of Management Annual Meeting Proceedings. 1972. № 1. P. 185–188. DOI: 10.5465/AMBPP.1972.4981449
21. Smith M., Cooper C. Leadership and Stress // Leadership & Organization Development Journal. 1994. Vol. 15. № 2. P. 3–7. DOI: 10.1108/01437739410055290

REFERENCES

1. Belinskaya E. P. [Modern Identity Studies: From Structural Certainty to Procedural Incompleteness]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika* [Vestnik of St. Petersburg university. Psychology and education], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.101
2. Belinskaya E. P. [On the issue of variability/stability of identity]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati akademika RAO A. V. Petrovskogo, Moskva, 15–16 oktyabrya 2019 g.* [Social psychology and society: history and modernity: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation in memory of Academician of the Russian Academy of Education A. V. Petrovsky, Moscow, October 15–16, 2019]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet Publ., 2019, pp. 109–111.
3. Belinskaya E. P. *Identichnost' lichnosti v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii : avtoref. dis. ... dokt. psikhol. nauk* [Personal identity in the conditions of social changes : abstract of Dr. Sci. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2006. 50 p.
4. Vlasova K. O. [Modern approaches to the study of leadership in student groups]. In: *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati M. Yu. Kondrat'eva, Moskva, 12–13 maya 2020 g.* [Social psychology: questions of theory and practice: materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation in memory of M. Yu. Kondratiev, Moscow, May 12–13, 2020]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet Publ., 2020, pp. 119–122.
5. Gasimova V. A. *Liderstvo i malaya gruppa* [Leadership and a small group]. Perm, Perm State Institute of Culture Publ., 2016. 104 p.
6. Gorenintseva V. N., Gubaidullina A. N. [A New Model of a “Significant Adult” in the Intra-Family Relationships (Based on Modern Russian Prose for Children and Young Adults)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk state university journal of philology], 2017, no. 50, pp. 176–187. DOI: 10.17223/19986645/50/11
7. Gryazeva-Dobshinskaya V. G., Bakunchik N. Yu., Glukhova V. A., Mal'tseva A. S. [Methodology for diagnosing the attitude of social subjects to a creative personality]. In: *Vestnik Yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya «Psikhologiya»* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"], 2008, iss. 3, pp. 33–45.
8. Daft R. L. The Leadership Experience (Rus. ed: Kozlov A. V., trasl., Andreeva I. V., ed. *Uroki liderstva*. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 480 p.).
 9. Kolominskii Ya. L. *Sotsial'naya psikhologiya vybora* [Social psychology of choice]. Smolensk, Noopress Publ., 2018. 232 p.
 10. Kondratyev M. Yu. I'"Significant Other": Components of Interpersonal Significance]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2011, vol. 2, no. 2, pp. 17–28.
 11. Resursy innovatsionnogo liderstva menedzherov: psikhologicheskii innovatsionnyi audit [Resources of innovative leadership of managers: psychological innovative audit]. Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016. 240 p.
 12. Sachkova M. E. *Sovremennnye kontseptsii i podkhody k gruppovoi differentsiatcii v malykh gruppakh* [Modern concepts and approaches to group differentiation in small groups]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 123 p.
 13. Carrington D. J, Combe I. A., Mumford M. D. Cognitive shifts within leader and follower teams: Where consensus develops in mental models during an organizational crisis. In: *The Leadership Quarterly*, 2019, vol. 30, iss. 3, pp. 335–350. DOI: 10.1016/j.leaqua.2018.12.002
 14. Epitropaki O., Kark R., Mainemelis C., Lord R G. Leadership and followership identity processes: A multilevel review. In: *The Leadership Quarterly*, 2017, no. 28, pp. 104–129. DOI: 10.1016/j.leaqua.2016.10.003
 15. George D., Mallery P. *IBM SPSS Statistics 23 Step by Step: A Simple Guide and Reference*. New York, Routledge, 2016. 400 p. DOI: 10.4324/9781315545899
 16. Giacomucci S. *Introduction to Social Work, Sociometry, and Psychodrama*. Luxembourg, Springer, 2021. 501 p. DOI: 10.1007/978-981-33-6342-7_1
 17. Harms P., Crede M., Tynan M., Leon M., Jeung W. Leadership and stress: A meta-analytic review. In: *The Leadership Quarterly*, 2017, no 28 (1), pp. 178–194. DOI: 10.1016/j.leaqua.2016.10.006
 18. Hogg M. A Social Identity Theory of Leadership. In: *Personality and Social Psychology Review*, 2001, no 5 (3), pp. 184–200. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0503_1
 19. Koh Dohyoung, Lee Kyootai, Joshi Kailsh. Transformational leadership and creativity: A meta-analytic review and identification of an integrated model. In: *Journal of Organizational Behavior*, 2019, no 40 (6), pp. 625–650. DOI: 40.10.1002/job.2355
 20. Larson L. L., Rowland K. M. Stress and leader behavior. In: *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*, 1972, no.1, pp. 185–188. DOI: 10.5465/AMBPP.1972.4981449
 21. Smith M., Cooper C. Leadership and Stress. In: *Leadership & Organization Development Journal*, 1994, vol. 15, no. 2, pp. 3–7. DOI: 10.1108/01437739410055290

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.12.2021

Статья размещена на сайте: 24.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дятлов Дмитрий Александрович – аспирант кафедры психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета; e-mail: dmitrii.dyatlov@mail.ru

Грязева-Добшинская Вера Геннадьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности; e-mail: vdobshinya@mail.ru

Дмитриева Юлия Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

Dmitriy A. Dyatlov – Postgraduate Student, Department of Psychology of Management and Service Activities, South Ural State University; e-mail: dmitrii.dyatlov@mail.ru

Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Psychology of Management and Service Activities, Laboratory Head of Psychology and Psychophysiology of Stress Resistance and Creativity, South Ural State University; e-mail: vdobshinya@mail.ru

Yuliya A. Dmitrieva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology of Management and Service Activities, Senior Researcher of Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Stress Resistance and Creativity, South Ural State University; e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дятлов Д. А., Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А. Социальная идентичность лидеров в стрессовой ситуации значимой деятельности группы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Dyatlov D. A., Gryazeva-Dobshinskaya V. G., Dmitrieva Yu. A. Social identity of leaders in a stress situation of significant activities of the group. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.99

Орлова Е. А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

*Московский институт психоанализа
121170, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14, Российская Федерация*

Горскина И. Н.

*Московский институт психоанализа
121170, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОВЗ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить особенности копинг-стратегий и жизнестойкости женщин, имеющих детей с ОВЗ, по сравнению с женщинами, имеющими здоровых детей.

Процедура и методы. Проведены анализ научных работ по проблематике и исследование копинг-стратегий и жизнестойкости у женщин, имеющих детей с ОВЗ. При проведении исследования использовались методики: тест «анализ стиля жизни» (в адаптации Ю. В. Щербатых), тест копинг-стратегий Р. Лазаруса (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк), тест жизнестойкости (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), 2 варианта авторской анкеты.

Результаты. Результаты исследования подтвердили наличие особенностей копинг-стратегий и жизнестойкости у женщин, имеющих детей с ОВЗ, обнаружены значимые различия по отдельным показателям, отвечающим за стрессоустойчивость, копинг-стратегии и жизнестойкость.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение проблемы трудных жизненных ситуаций. В заключении статьи сформулированы предложения по использованию данных в работе психологических служб, благотворительных фондов, волонтерских организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трудная жизненная ситуация, копинг-стратегии, жизнестойкость, ребёнок с ОВЗ, женщины, имеющие детей с ОВЗ, рождение и воспитание детей с ОВЗ

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Процедура исследования](#)

[Результаты исследования. Стрессоустойчивость](#)

[Особенности копинг-стратегий](#)

[Особенности жизнестойкости](#)

[Заключение](#)

E. Orlova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
pr. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

*Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

*Moscow Institute of Psychoanalysis
Kutuzovskiy prospect 13 str. 14, Moscow 121170, Russian Federation*

I. Gorskina

*Moscow Institute of Psychoanalysis
Kutuzovskiy prospect 13 str. 14, Moscow 121170, Russian Federation*

HARDINESS AND COPING STRATEGIES DISTINCTIONS IN WOMEN WITH DIFFICULT LIFE SITUATIONS (ON THE EXAMPLE OF WOMEN HAVING CHILDREN WITH DISABILITIES)

ABSTRACT

Aim. To study the features of coping strategies and hardiness of women who have children with disabilities in comparison with women who have healthy children.

Methodology. The analysis of scientific publications and data on issues of coping strategies and hardiness of women who have children with disabilities has been carried out. The following diagnostic methods were used: the "life style analysis" test (adapted by Y. V. Shcherbatykh), R. Lazarus's coping strategies test (adapted by T. L. Kryukova, E. V. Kuftyak), hardiness test (adapted by D. A. Leontiev, E. I. Rasskazova), and 2 versions of the author's questionnaire.

Results. The results of the research confirmed the presence of special features of coping strategies and hardiness in women who have children with disabilities. Significant differences were also found in certain indicators responsible for stress resistance, coping strategies and hardiness.

Research implications. The research materials complement scientific data on the problem of difficult life situations. At the end of the article, proposals are formulated for the use of data in the work of psychological services, charitable foundations, and volunteer organizations.

KEYWORDS

difficult life situation, coping strategies, hardiness, child with disabilities, women who have children with disabilities, birth and upbringing of children with disabilities

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы численность детей с ограниченными возможностями здоровья в РФ неуклонно растёт – по данным Росстата, общая численность детей-инвалидов с 2017 по 2019 гг. возросла на 8%¹. Многие выявленные патологии являются врождёнными.

В нашей стране существует множество программ помощи таким детям. Они касаются вопросов развития, психологической поддержки, направленной на адаптацию к социуму. Однако, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется их матерям и их психологическому состоянию, хотя, пожалуй, именно от этого в большей мере будет зависеть дальнейшая судьба такого ребёнка. Достаточно вспомнить теорию привязанности Дж. Боулби, а также исследования других современных психологов, в том числе занимающихся изучением гениальности. К примеру, В. П. Эфроимсон подчёркивает: «Мать – это тот человек, который находится в наибольшей, наитеснейшей связи с ребёнком с раннего его возраста – с первых минут жизни. И именно мать способна оказать наибольшее, наисильнейшее влияние на ребёнка в самом раннем, но во многом наиболее важном периоде развития» [11, с. 22].

Между тем рождение и воспитание ребёнка, имеющего ограниченные возможности здоровья, большинство исследователей относят к категории трудных жизненных ситуаций. «По содержанию данная ситуация может быть представлена и как экстремальная, и как чрезвычайная, и как критическая. Она может быть разной для разных членов семьи в зависимости от ряда объективных и субъективных факторов» [2, с. 44].

Кроме того, если мы обратимся к законодательству РФ, также увидим, что данные жизненные обстоятельства «ухудшают или могут ухудшить условия ... жизнедеятельности», а «гражданин признаётся нуждающимся в социальном обслуживании».

Говоря о рождении и воспитании ребёнка с ограниченными возможностями здоровья, многие авторы подчёркивают стрессовый характер данной ситуации, имеющий особенные черты в силу длительных негативных воздействий.

«Факт появления на свет ребёнка “не такого, как у всех”, является причиной сильного стресса, испытываемого родителями, в первую очередь, матерью. Стресс, имеющий пролонгированный характер, оказывает сильное деформирующее воздействие на психику родителей и становится исходным условием резкого травмирующего изменения сформировавшегося в семье жизненного уклада» [5, с. 5].

¹ Доклад «Состояние и динамика инвалидности детского населения Российской Федерации» // Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Министерства труда и социальной защиты РФ : [сайт]. [28.06.2019]. URL: https://fbmse.ru/news/#federalnoe_byuro_mediko_socialnoy_ekspertizy_mintruda_rossii_podgotovilo_doklady_ob_analize_sostoyaniya_i_dinamiki_invalidnosti_vzroslogo_i_detskogo_naseleniya (дата обращения: 08.10.2021).

Некоторые исследователи вводят даже отдельное понятие «родительского стресса», которое включает в себя комплекс негативных реакций и переживаний, вызванных, в том числе, рождением ребёнка с ограниченными возможностями здоровья. Как отмечают Л. В. Петрановская и Е. Ю. Чеботарёва, «в настоящее время феномен родительского стресса находится в постоянном поле внимания исследователей, методы его оценки становятся всё более важными для прогноза при работе с кризисными семьями, а также с семьями, в которых воспитываются дети с теми или иными особенностями здоровья и развития» [8, с. 306]. Они также замечают, что «все родители испытывают стресс в той или иной степени, и это является неотъемлемой частью родительской роли, высокий уровень родительского стресса может быть опасным как для родителя, так и для ребёнка, нести риски более жёстких мер воспитания, вплоть до жестокого обращения с детьми, а также приводит к снижению качества заботы и последовательности воспитания» [8, с. 306].

По мнению Л. И. Акатова, «рождение ребенка с дефектом развития действует на разных родителей неодинаково, но в большинстве своём проявляется как сильнейший психологический стресс, последствием которого может быть возникновение так называемого травматического невроза, т. е. нарушение функционирования психики в результате пережитого шока» [1, с. 157].

Однако в современной психологии существует такой феномен, как «посттравматический рост», который был обнаружен в ходе изучения страданий жертв травмирующих событий. М. Ш. Магомед-Эминов отмечает, что выявленные данные доказывали не только негативное, но и позитивное влияние на личность, благодаря чему «исследователи были вынуждены констатировать, что тенденция роста и развития у исследуемых выше, чем регрессии и упадничества. Вопреки фону травмы рост не только внезапен и, в соответствии с этим, по существу своему интересен, но и направлен на многостороннюю программу человеческого совладания и адаптации» [7, с. 111].

Вместе с тем важно отметить, что «нельзя говорить о полезности травмы. Речь идёт исключительно о том, что травмирующее событие может запустить механизм совпадения с ситуацией, что именно борьба после кризиса, а не само событие поможет инициировать посттравматический рост» [9, с. 11].

Таким образом, основной проблемой, послужившей отправной точкой нашего исследования, является противоречие между безусловной травматичностью трудной жизненной ситуации, в которой оказываются женщины, имеющие детей с ОВЗ, и возможностью личностного развития, которое может принести её успешное переживание. Именно поэтому целью нашей работы выступило изучение особенностей копинг-стратегий и жизнестойкости женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, которое позволит выявить проблемы, мешающие успешному преодолению кризиса, и направить психокоррекционную работу на решение данных проблем.

ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель работы: изучить особенности копинг-стратегий и жизнестойкости женщин, имеющих детей с ОВЗ, в сравнении с женщинами, имеющими здоровых детей.

Гипотеза исследования: существуют особенности копинг-стратегий и жизнестойкости у женщин, имеющих детей с ОВЗ, проявляющиеся в: уровне жизнестойкости, уровне напряжения копинг-стратегий, а также уровне стрессоустойчивости.

Выборка: в исследовании приняли участие 58 женщин в возрасте от 20 до 45 лет, из них 29 женщин с детьми, имеющими челюстно-лицевые патологии и нарушения слуха разной степени тяжести, характерные для синдрома Тричера-Коллинза и синдрома Гольденхара, и 29 женщин, имеющих здоровых детей.

В исследовании использовались следующие **диагностические методики:**

1. тест «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость) в адаптации Ю. В. Щербатых [10];
2. тест копинг-стратегий Р. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения» (ССП) в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык [4];
3. тест жизнестойкости в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой [6];
4. два варианта авторских анкет: одна – для женщин, имеющих детей с ОВЗ, и вторая – для женщин, имеющих здоровых детей.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета SPSS Statistics.

Сравнение женщин, имеющих детей с ОВЗ, и женщин, имеющих здоровых детей, проводилось с помощью параметрического t-критерия Стьюдента в случаях, когда распределение не отличается от нормального и дисперсии гомогенны. В альтернативных случаях был применён непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ

По показателю «стрессоустойчивость» были выявлены значимые различия ($p = 0,003$, $p \leq 0,05$): мамы, имеющие детей с ОВЗ, имеют бо́льшую уязвимость для стресса ($M = 36,24$; $sd = 8,309$), чем женщины, имеющие здоровых детей ($M = 29,52$; $sd = 7,98$).

Данные результаты можно объяснить хроническим характером стресса, в котором находятся женщины, осуществляющие заботу и уход за особенными детьми. Этот вид стресса, безусловно, можно отнести к дисфункциональному, истощающему защитные силы организма.

В авторской анкете мы задали женщинам вопрос о субъективной трудности ситуации, в которой они себя ощущают в настоящий момент, и для

оценки предложили шкалу от 0 до 10 баллов, где 0 отвечает за низкую трудность и 10 – за высокую. Интересно, что 86% женщин оценили трудность от 0 до 5 баллов и лишь 14% оценили трудность от 6 до 8 баллов.

Далее мы уточнили причины текущих трудностей и выяснили, что большинство женщин беспокоятся по поводу проблем, связанных со здоровьем ребёнка, предстоящих операций и подбора врачей – 38% респондентов, 31% женщин указали, что большинство трудностей связано с усталостью, изменением привычного уклада жизни и отсутствием времени на себя, 24% матерей обеспокоены процессом социализации ребёнка и особенностями внешности, 7% выбрали иные причины.

Интересными оказались данные о субъективном восприятии трудности жизненной ситуации – сразу после рождения ребёнка с ОВЗ. Здесь только 21% опрошенных оценили трудность в интервале от 2 до 5 баллов. Остальные 79% выбрали оценки от 6 до 10 баллов. Данные трудности женщины связывали с неизвестностью в отношении будущего и текущего диагноза (45%), а также с переживаниями по поводу вопросов здоровья (31%), вместе с тем среди ответов были страх осуждения окружающих и усталость от смены режима.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

По показателю **«конфронтационный копинг»** выявлены достоверные различия ($p = 0,036$, $p < 0,05$): женщины, имеющие детей с ОВЗ, проявляют менее выраженное конфронтационное копинг-поведение ($M = 0,477$; $sd = 0,16$), чем женщины, имеющие здоровых детей ($M = 0,569$; $sd = 0,17$).

Значение показателя «конфронтационный копинг» является пограничным у обеих групп испытуемых, причём, как оказалось, у женщин, имеющих здоровых детей, данный показатель выше и находится на верхней границе нормы, приближаясь к дезадаптивному значению ($\geq 60\%$), а у женщин, имеющих детей с ОВЗ, данный показатель приближается к нижней границе нормы. Т. е. женщины, имеющие здоровых детей, более активно прикладывают агрессивные усилия по изменению ситуации, предполагают определённую степень враждебности. Женщины, имеющие детей с ОВЗ, менее склонны к применению данного способа преодоления трудностей, что может свидетельствовать об их способности активно преодолевать стрессовые ситуации, не впадая в излишнюю агрессивность и раздражительность.

По показателю **«дистанцирование»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 0,561$; $sd = 0,176$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 0,53$; $sd = 0,147$), не было выявлено статистически достоверных различий ($p = 0,474$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такую копинг-стратегию, как дистанцирование.

Результаты относятся к пограничному варианту и являются средними по напряжённости. Причём среднее значение показателя у женщин, имеющих

детей с ОВЗ, чуть выше, а значит, ближе к дезадаптивному варианту. Данная стратегия подразумевает попытки снизить значимость трудной ситуации с помощью рационализации, переключения внимания, юмора или обесценивания. Адаптивный вариант данной стратегии помогает легче переживать трудные жизненные ситуации, не фокусируясь исключительно на трудностях. Однако чрезмерное использование в длительной перспективе может привести к обесцениванию процесса переживания, недооценке значимости, а следовательно, и невозможности преодоления проблемных ситуаций каким-то иным способом, кроме избегания.

По показателю **«самоконтроль»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 0,657$; $sd = 0,15$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 0,632$; $sd = 0,143$), не было выявлено достоверных различий ($p = 0,527$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такую копинг-стратегию, как самоконтроль.

Однако значение показателя является довольно напряжённым у обеих групп. Данная стратегия предполагает склонность к подавлению негативных эмоциональных переживаний, к рационализации, высокую степень контроля над поведением. Столь выраженную напряжённость данного показателя можно объяснить современными тенденциями общества, сфокусированного на самообладании, а также культивированием идеального образа матери.

По показателю **«поиск социальной поддержки»** в результате сравнения выборок были выявлены достоверные различия ($p = 0,02$, $p < 0,05$): мамы, имеющие детей с ОВЗ, проявляют менее выраженное копинг-поведение, направленное на поиск социальной поддержки ($M = 0,598$; $sd = 0,15$), чем мамы, имеющие здоровых детей ($M = 0,735$; $sd = 0,17$).

Данная копинг-стратегия при умеренном использовании является довольно благоприятной, однако при чрезмерно активном использовании данного варианта есть риск формирования поведения, зависящего от внешних ресурсов, и, соответственно, чрезмерно высоких ожиданий от окружающих. Относительно женщин, имеющих детей с ОВЗ, активное использование данной стратегии осуществляется с помощью различных чатов поддержки в социальных сетях и мессенджерах, объединяющих женщин, имеющих детей со сходными диагнозами. Данные чаты часто являются безусловной поддержкой, особенно для молодых, только что родивших женщин, но могут привести к излишней замкнутости женщин внутри своего сообщества и попытке бегства от окружающего «враждебного» мира. Однако у женщин, имеющих детей с ОВЗ, данный показатель является менее выраженным, что может свидетельствовать о более частом использовании ими внутренних ресурсов по сравнению с женщинами, имеющими здоровых детей.

По показателю **«принятие ответственности»** в результате сравнения были выявлены достоверные различия ($p = 0,028$, $p < 0,05$): женщины, имеющие детей с ОВЗ, проявляют менее выраженное копинг-поведение, направ-

ленное на принятие ответственности ($M = 0,583$; $sd = 0,22$), чем женщины, имеющие здоровых детей ($M = 0,7098$; $sd = 0,14$).

Данный показатель при низкой и средней напряжённости может говорить о признании собственной роли в имеющихся проблемах, однако высокий, дезадаптивный уровень напряжения может свидетельствовать о склонности к самокритике и самообвинению, что может препятствовать успешному преодолению трудных жизненных ситуаций. Таким образом, женщины, имеющие детей с ОВЗ, проявляют более адаптивный вариант данного копинга по сравнению с женщинами, имеющими здоровых детей, более склонными к критике и самообвинению.

По показателю **«бегство – избегание»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 0,57$; $sd = 0,17$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 0,632$; $sd = 0,123$), не было выявлено достоверных различий ($t = 1,590$; $df = 56$; $p = 0,118$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такую копинг-стратегию, как бегство – избегание.

Данный показатель является пограничным для обеих групп, зачастую он свидетельствует об отрицании наличия реальных проблем, о бегстве от принятия решений. Как видно из статистики, и та, и другая группы респондентов пользуются данной копинг-стратегией в пограничном уровне напряжённости.

По показателю **«планирование решения проблем»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 0,67$; $sd = 0,12$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 0,686$; $sd = 0,136$), не было выявлено достоверных различий ($p = 0,653$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такую копинг-стратегию, как планирование решения проблем.

Данная копинг-стратегия подразумевает целенаправленный и аналитический подход к решению проблем и является пограничной у обеих групп респондентов, причём приближающейся к верхней границе нормы – дезадаптивному варианту, что косвенно может поддерживать предыдущую копинг-стратегию «бегство – избегание», так как планирование решения проблем зачастую так и останавливается на процессе планирования – без реальных действий, направленных на разрешение трудных ситуаций.

По показателю **«положительная переоценка»** в результате сравнения выборок были выявлены достоверные различия ($p = 0,009$, $p < 0,05$): мамы, имеющие детей с ОВЗ, проявляют менее выраженное копинг-поведение, направленное на положительную переоценку ($M = 0,558$; $sd = 0,15$), чем женщины, имеющие здоровых детей ($M = 0,673$; $sd = 0,17$).

При умеренной напряжённости данная копинг-стратегия является адаптивной и направлена на способность личности принимать сложные жизненные ситуации, находить в них философский смысл и возможность личностного роста. Как видно из результатов, у женщин, имеющих детей с ОВЗ, данный показатель находится в пограничном состоянии, что может свидетельство-

вать о разумном подходе к принятию ситуации и поиске ресурсов развития. Тогда как у мам, имеющих здоровых детей, данный показатель является дезадаптивным, что может свидетельствовать о чрезмерно позитивном взгляде на сложности и возможной попытке ухода от реальности.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

По показателю **«вовлечённость»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 28,17$; $sd = 9,59$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 31,72$; $sd = 9,74$), не было выявлено достоверных различий ($p = 0,167$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такой показатель жизнестойкости, как вовлечённость. «Человек с развитым компонентом вовлечённости получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убеждённости порождает чувство отвергнутости, ощущение себя “вне” жизни» [6, с. 5]. Оба показателя являются чуть сниженными по сравнению со средним, приведённым для данного показателя в нормативных значениях (37,64), что может свидетельствовать о сниженном ощущении удовольствия от жизни у обеих групп испытуемых.

По показателю **«контроль»** в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 23,62$; $sd = 7,404$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 25,14$; $sd = 13,76$), с помощью критерия Стьюдента не было выявлено достоверных различий ($p = 0,443$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на такой показатель жизнестойкости, как контроль. Оба данных показателя являются чуть сниженными по сравнению со средним, приведённым для данного показателя в нормативных значениях (29,17).

По показателю **«принятие риска»** в результате сравнения выборок с помощью критерия Стьюдента были выявлены достоверные различия ($p = 0,018$, $p < 0,05$): мамы, имеющие детей с ОВЗ, проявляют менее выраженный показатель, отвечающий за принятие риска ($M = 13,76$; $sd = 4,015$), чем мамы, имеющие здоровых детей ($M = 16,21$; $sd = 3,658$).

Столь выраженная разница может объясняться дополнительной ответственностью, которую чувствуют матери детей с ОВЗ и которая может помешать более смелой активной позиции по отношению к собственной жизни, способствовать определению выбора в сторону более осторожных поступков. Тем не менее данный результат приближается к среднему, указанному в нормативных значениях (13,91).

По показателю **«жизнестойкость»** в целом в результате сравнения выборок мам, имеющих детей с ОВЗ ($M = 65,55$; $sd = 19,264$), и мам, имеющих здоровых детей ($M = 73,07$; $sd = 19,699$), с помощью критерия Стьюдента не было выявлено достоверных различий ($p = 0,147$, $p > 0,05$). Т. е. наличие детей с ОВЗ не влияет на жизнестойкость. Оба они чуть снижены по сравнению

со средним, указанным в нормативных значениях (80,72), что свидетельствует о достаточном уровне совпадения со стрессом со стороны женщин, имеющих здоровых детей.

Итак, наша гипотеза об особенностях жизнестойкости и копинг-стратегиях преодоления трудных жизненных ситуаций у женщин, имеющих детей с ОВЗ, и женщин, имеющих здоровых детей, подтвердилась.

В целом можно свидетельствовать, что женщины, имеющие детей с ОВЗ, более уязвимы для стресса, чем женщины, имеющие здоровых детей.

Подтвердилась также та гипотеза, что показатели копинг-стратегий различаются у обеих групп испытуемых. Причём оказалось, что женщины, имеющие детей с ОВЗ, имеют более адаптивные по сравнению с женщинами, имеющими здоровых детей, показатели.

Что касается такого показателя, как жизнестойкость, гипотеза подтвердилась частично. Несмотря на отсутствие значимых различий по жизнестойкости в целом, были выявлены различия по показателю, отвечающему за принятие риска, который входит в вышеназванный конструкт. У женщин, имеющих здоровых детей, данный показатель, а значит, и склонность к риску и более активным действиям, попыткам жизненных перемен, выше по сравнению с женщинами, имеющими детей с ОВЗ, однако оба они приближаются к усреднённым, приведённым в таблице норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведённом исследовании особенностей копинг-стратегий и жизнестойкости женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации (на примере женщин, имеющих детей с ОВЗ), удалось решить несколько задач теоретического и практического плана.

Исследуя такое понятие, как «трудная жизненная ситуация», мы сконцентрировались на его конкретном содержании – рождении и воспитании ребёнка с ОВЗ.

Данные теоретического исследования позволили нам перейти к практической части и рассмотреть особенности копинг-стратегий и жизнестойкости женщин, имеющих детей с ОВЗ, и женщин, имеющих здоровых детей.

Полученные результаты могут быть использованы при консультировании женщин, имеющих детей с ОВЗ, а также женщин, недавно ставших матерями детей с ОВЗ и переживающих острую кризисную ситуацию.

Как показало наше исследование, женщины, имеющие детей с ОВЗ, более уязвимы для стресса, что определяется условиями их жизни, отсутствием времени на себя и постоянным взаимодействием с ситуациями неопределённости – в отношении здоровья ребёнка, динамики лечения, а также социальных факторов, отвечающих за отношения общества к детям с особенностями развития. Однако в нашей стране проводится катастрофически мало

психологических исследований в отношении детей, имеющих челюстно-лицевые патологии и нарушения слуха разной степени тяжести.

Если же обратиться в этом вопросе к опыту зарубежных коллег, можно обнаружить исследования, отражающие достаточно позитивную динамику в развитии детей, имеющих вышеназванные нарушения [12; 14; 15]. Т. е. для снижения уровня стресса матерей данную информацию можно использовать в целях психологического просвещения женщин и повышения уровня их информированности.

Что касается копинг-стратегий, особое внимание стоит уделить напряжённости показателя, отвечающего за самоконтроль. Его излишнее усиление может негативно сказываться на состоянии организма за счёт подавления негативных переживаний и пристального контроля над собой и своим поведением. В данном случае наиболее эффективные результаты показало обучение женщин основным навыкам саморегуляции и релаксации, к примеру, с помощью различных техник, используемых в когнитивно-поведенческой терапии и одном из её направлений – Mindfulness [13].

Относительно показателей жизнестойкости – работа с развитием толерантности к неопределённости может способствовать и развитию способности к принятию рисков и, как следствие, к появлению ощущения вовлечённости в свою жизнь и веры в возможность реального управления ею.

В заключение хочется упомянуть ещё одно исследование зарубежных коллег – А. Миранды и др., – занимающихся вопросами родительского стресса у матерей, имеющих детей с РАС. Устранение стрессоров, с которыми сталкиваются матери при воспитании детей с РАС, не представляется возможным. Наоборот, улучшение способности родителей справляться с трудностями и устойчивости к внешним воздействиям должно быть целью помощи семье в условиях возникновения новых и постоянных проблем [16].

Аналогично и в нашей ситуации: необходимо подчеркнуть важность фокусирования работы психологов и организаций на развитии способности преодоления стрессовых ситуаций, которые не только помогут женщинам находить наиболее оптимальное решение возникающих проблем, но и будут способствовать формированию устойчивого эмоционального фона в семьях, занимающихся воспитанием детей с ОВЗ.

Подведя итог, сделаем общие выводы:

1. женщины, имеющие детей с ОВЗ, более уязвимы для стрессовых ситуаций в отличие от женщин, имеющих здоровых детей;
2. женщины, имеющие детей с ОВЗ, в большинстве случаев применяют более адаптивные копинг-стратегии, нежели женщины, имеющие здоровых детей, менее склонны к агрессивным реакциям на возникающие проблемы, для преодоления стресса пользуются как внутренними, так и внешними ресурсами;

3. женщины, имеющие детей с ОВЗ, менее склонны к принятию риска и, как следствие, менее активны в инициировании жизненных перемен;

4. обе группы женщин в большей степени склонны к самоконтролю как способу преодоления трудных жизненных ситуаций;

5. проверка статистических гипотез по всем параметрам эмпирического исследования позволяет сделать вывод о подтверждении гипотезы: копинг-стратегии и жизнестойкость у женщин, находящихся в трудных жизненных ситуациях (имеющих детей с ОВЗ), имеют определённые особенности по сравнению с женщинами, имеющими здоровых детей;

6. результаты исследования позволили выявить факторы риска дезадаптации женщин, имеющих детей с ОВЗ, и разработать необходимые рекомендации для практического применения. В частности, работу рекомендуется осуществлять по нескольким направлениям – психологическое просвещение общества в целом (для снижения стигматизации), психологические тренинги и просвещение профессионального сообщества, в том числе медицинского персонала, работающего с вышеуказанными женщинами, информирование женщин о результатах зарубежных исследований, отражающих динамику развития детей со сходными диагнозами, и, конечно, индивидуальная работа, направленная на развитие навыков саморегуляции и релаксации, а также тренинги жизнестойкости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы. М.: ВЛАДОС, 2003. 368 с.
2. Александрова О. В., Дерманова И. Б. Психосемантический подход к оценке сложной жизненной ситуации (на примере ситуации, связанной с заболеванием, угрожающим жизни ребенка) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 40–50.
3. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
4. Левченко И. Ю., Ткачева В. В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008. 239 с.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
6. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 111–117.
7. Петрановская Л. В., Чеботарева Е. Ю. Связь между стилем привязанности у матерей и их родительским стрессом // Возможности и риски

цифровой среды : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л. Ф. Обуховой), Москва, 12–13 декабря 2019 г. Т. 2. М.: МГППУ, 2019. С. 306–310.

8. Сергиенко А. И., Холмогорова А. Б. Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 2. С. 8–26.
9. Щербатых Ю. В. Психология стресса. М.: Эксмо, 2005. 304 с.
10. Эфроимсон В. П. Загадка гениальности. М.: Знание, 1991. 64 с.
11. Arndt E. M., Travis F., Lefebvre A., Munro I. R. Psychosocial adjustment of 20 patients with Treacher Collins syndrome before and after reconstructive surgery // British Journal of Plastic Surgery. 1987. № 40 (6). P. 605–609.
12. Beaune L., Forrest C. R., Keith T. Adolescents' perspectives on living and growing up with Treacher Collins syndrome: a qualitative study // The Cleft Palate-Craniofacial Journal. 2004. № 41 (4). P. 343–350.
13. Conner C. M., White S. W. Stress in mothers of children with autism: Trait mindfulness as a protective factor // Research in Autism Spectrum Disorders. 2014. Vol. 8. Iss. 6. P. 617–624.
14. Meyer T. Psychosocial Adjustment of Patients with Congenital Craniofacial Malformations. Fundamentals of Craniofacial Malformations. Berlin: Springer, 2021. 393 p.
15. Parenting Stress in Mothers of Children with Autism without Intellectual Disability. Mediation of Behavioral Problems and Coping Strategies / A. Miranda, A. Mira, C. Berenguer, B. Rosello, I. Baixauli // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. P. 1–12.

REFERENCES

1. Akatov L. I. *Sotsial'naya reabilitatsiya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. Psikhologicheskie osnovy* [Social rehabilitation of children with disabilities. Psychological foundations]. Moscow, VLADOS Publ., 2003. 368 p.
2. Aleksandrova O. V., Dermanova I. B. [Psychosemantic approach to assessing difficult life situations (on the pattern of the situation related to the disease that threatens a child's life)]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education], 2016, no. 4, pp. 40–50.
3. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. [Coping Questionnaire (an adaptation of the WCQ methodology)]. In: *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychology], 2007, no. 3, pp. 93–112.
4. Levchenko I. Yu., Tkacheva V. V. *Psikhologicheskaya pomoshch' sem'e, vospityvayushchei rebenka s otklonenyami v razviti* [Psychological assistance to a family raising a child with developmental disabilities]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2008. 239 p.
5. Leontyev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestoikosti* [Vitality test]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 63 p.

6. Magomed-Eminov M. Sh. [Phenomenon of posttraumatic growth]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2009, no. 3, pp. 111–117.
7. Petranovskaya L. V., Chebotareva E. Yu. [Relationship between mothers' attachment style and their parental stress]. In: *Vozmozhnosti i riski tsifrovoy sredy: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya (chteniya pamyati L. F. Obukhvoi)*, Moskva, 12–13 dekabrya 2019 g. T. 2 [Opportunities and risks of the digital environment: Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference on developmental psychology (readings in memory of L. F. Obukhova), Moscow, December 12–13, 2019. Vol. 2]. Moscow, MGPPU Publ., 2019, pp. 306–310.
8. Sergienko A. I., Kholmogorova A. B. [Post-traumatic growth and coping-strategies of parents of children with disabilities]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019, vol. 27, no. 2, pp. 8–26.
9. Shcherbatykh Yu. V. *Psikhologiya stressa* [Psychology of stress]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 304 p.
10. Efroimson V. P. *Zagadka genial'nosti* [Riddle of genius]. Moscow, Znanie Publ., 1991. 64 p.
11. Arndt E. M., Travis F., Lefebvre A., Munro I. R. Psychosocial adjustment of 20 patients with Treacher Collins syndrome before and after reconstructive surgery. In: *British Journal of Plastic Surgery*, 1987, no. 40 (6), pp. 605–609.
12. Beaune L., Forrest C. R., Keith T. Adolescents' perspectives on living and growing up with Treacher Collins syndrome: a qualitative study. In: *The Cleft Palate-Craniofacial Journal*, 2004, no. 41 (4), pp. 343–350.
13. Conner C. M., White S. W. Stress in mothers of children with autism: Trait mindfulness as a protective factor. In: *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2014, vol. 8, iss. 6, pp. 617–624.
14. Meyer T. Psychosocial Adjustment of Patients with Congenital Craniofacial Malformations. *Fundamentals of Craniofacial Malformations*. Berlin, Springer, 2021. 393 p.
15. Miranda A., Mira A., Berenguer C., Rosello B., Baixauli I. Parenting Stress in Mothers of Children with Autism without Intellectual Disability. Mediation of Behavioral Problems and Coping Strategies. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10, pp. 1–12.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 21.12.2021

Статья размещена на сайте: 30.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Орлова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры психологии развития личности Московского государственного университета, профессор кафедры основ клинического психоанализа Московского института психоанализа; e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Горскина Ирина Николаевна – магистрант факультета психологии Московского института психоанализа; e-mail: iren.gorskina@gmail.com

Elena A. Orlova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Department of Personality Development Psychology, Moscow Region State University; Department of Fundamentals of Clinical Psychoanalysis, Moscow Institute of Psychoanalysis; e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Irina N. Gorskina – Master's Degree Student, Psychology faculty, Moscow Institute of Psychoanalysis; e-mail: iren.gorskina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Орлова Е. А., Горскина И. Н. Особенности жизнестойкости и копинг-стратегий у женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации (на примере женщин, имеющих детей с ОВЗ) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Orlova E. A., Gorskina I. N. Hardiness and coping strategies distinctions in women with difficult life situations (on the example of women having children with disabilities). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072.432

Селезнева Е. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация*

ВОЗРАСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ МОЛОДОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить представления людей разного возраста и культурной принадлежности о возрастных границах молодости.

Процедура и методы. Исследование проведено с использованием диагностической батареи, включающей авторский опросник, а также вопросы о нижней и верхней границах молодости.

Результаты. Анализ показал, что в представлениях участников исследования общая продолжительность молодости является относительно устойчивой величиной, а её нижняя и верхняя границы «привязываются» к определённому возрасту. Значимая взаимосвязь между представлениями о границах молодости и представлениями об отдельных психологических характеристиках молодёжи наблюдается во всех выделенных возрастных и социокультурных подгруппах.

Теоретическое и/или практическое значение. В исследовании впервые показано, что в сознании людей разного возраста и социокультурной принадлежности представления о хронологических границах молодости значимо взаимосвязаны с представлениями о психологических характеристиках, которые либо способствуют, либо препятствуют переходу от молодости к взрослости. Полученные результаты могут быть использованы в психологическом консультировании в рамках решения проблем самоопределения и саморазвития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

возраст, границы, молодость, молодёжь, психологические качества, социальные представления, возрастные особенности, культурные особенности

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Методы и выборка](#)

[Обсуждение результатов](#)

[Заключение](#)

E. Selezneva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82 str. 1, Moscow 119571, Russian Federation

AGE AND CULTURAL FEATURES OF REPRESENTATIONS OF THE AGE BOUNDARIES OF YOUTH

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to identify the ideas of people of different ages and cultural affiliation about the age limits of youth.

Methodology. The study was conducted by means of a diagnostic battery, the author's questionnaire included, as well as questions about the lower and upper limits of youth.

Results. The analysis demonstrates that in the views of the study participants the total duration of youth is a relatively stable value, and its lower and upper limits are "tied" to a certain age. A significant relationship between ideas about the boundaries of youth and ideas about individual psychological characteristics of youth is observed in all selected age and socio-cultural subgroups.

Research implications. The study shows for the first time that in minds of people of different ages and socio-cultural affiliation, ideas about the chronological boundaries of youth are significantly interrelated with ideas about psychological characteristics that either contribute to or hinder the transition from youth to adulthood. The obtained results can be used in psychological counseling within the framework of solving problems of self-determination and self-development.

KEYWORDS

age, boundaries, youth, the young, psychological qualities, social representations, age peculiarities, cultural peculiarities

ВВЕДЕНИЕ

Возраст как неотъемлемая универсальная характеристика человека выражает динамические аспекты его развития и отражается в социальном и индивидуальном сознании, с одной стороны – как общее количество прожитого от рождения времени (когда возраст обозначают через единицы времени: дни, месяцы, годы), а с другой – как тот или иной период индивидуального развития (когда возраст обозначают через стадии развития: младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость). При этом в индивидуальных и социальных представлениях о возрасте как об упорядоченной последовательности основных периодов [5, с. 11] каждый такой период осознаётся как замкнутый в себе, отграниченный от других цикл развития со «...своими своеобразными темпами и своим своеобразным содержанием развития» [2, с. 16]. Таким образом, представления о любом возрастном периоде и соответствующей этому периоду возрастной группе включают и представления о границах, которые отделяют один период и одну группу от других и позволяют различать их. При этом представления о возрастных

границах определяются социокультурными особенностями общества, историческим периодом его развития и характерными для этого периода закономерностями интеграции личности в социальную систему и, в свою очередь, определяют различия в отношении к людям разного возраста.

Выход человека за границу предыдущего возрастного периода и переход в следующую возрастную группу сопровождается изменениями в представлениях о нём и в отношении к нему как на социальном уровне (что фиксируется в законодательных документах, определяющих права и обязанности людей того или иного возраста в различных сферах социальной жизни), так и на уровне социально-психологическом (что фиксируется в социальных представлениях, отражающих требования и ожидания относительно поведения людей того или иного возраста в различных сферах социальной жизни). Социальные и социально-психологические представления о границах того или иного возраста могут в той или иной мере не совпадать друг с другом, но в совокупности определяют динамику в отношениях к человеку и с человеком при переходе его из одной возрастной группы в другую.

Безусловно, исследования представлений о границах любой возрастной группы являются актуальными, т. к. в процессах индивидуального развития значим любой возрастной период, а в процессах социального развития – любая возрастная группа, однако, на наш взгляд, особую теоретическую и практическую значимость имеют исследования представлений о возрастных границах молодости.

Особенности происходящего в период молодости становления человека как социально и личностно ответственного субъекта определяют не только его индивидуальное будущее, но и будущее общества, в котором он живёт, т. к. во многом именно вектор и степень социальной активности молодёжи как субъекта общественного производства и общественной жизни задают вектор и степень активности социального развития в целом. Социальные и социально-психологические представления о молодости и её границах:

- задают требования к поведению молодых людей в различных сферах социальной жизни;
- определяют ожидания относительно интеллектуального, эмоционального, нравственного, социального развития человека на этапе молодости;
- становятся основанием для выбора инструментов развития молодых людей, механизмов воздействия на них и форм взаимодействия с ними.

Исследователи достаточно часто обращаются к проблеме границ того или иного возраста [7; 15], в том числе и границ молодости. Можно выделить несколько направлений в этих исследованиях:

- сравнительный анализ положения молодости как этапа развития и, соответственно, её границ в научных возрастных классификациях [8] или в

возрастных периодизациях, принятых в той или иной национальной культуре [17];

- изучение проблем определения границ молодости с точки зрения гражданского, трудового, уголовного или иного законодательств [3; 12];
- теоретическое и / или эмпирическое обоснование принципов и моделей определения границ молодости [6; 11];
- исследование представлений людей разного возраста о молодости и её границах [1; 13; 16].

В то же время можно назвать две до сих пор не разрешённые исследовательские проблемы, первая из которых связана с выявлением возрастных и культурных особенностей в представлениях о границах и продолжительности молодости, а вторая требует ответа на вопрос о том, существует или нет взаимосвязь между представлениями о границах молодости и представлениями об отдельных психологических характеристиках молодёжи.

В рамках данного исследования мы исходим из предположений о том, что:

- вне зависимости от возраста и культурной принадлежности респондентов в их представлениях границы молодости «привязываются» к определённому возрасту, а её общая продолжительность выступает как относительно устойчивая величина;
- существует взаимосвязь между представлениями о границах молодости и представлениями об отдельных психологических характеристиках молодёжи;
- особенности представлений о границах молодости и о взаимосвязи между этими границами и развитием отдельных психологических характеристик молодёжи обусловлены возрастом и культурной принадлежностью респондентов.

МЕТОДЫ И ВЫБОРКА

Цель эмпирического исследования, проведённого нами совместно с И. Галлере, состояла в том, чтобы выявить представления людей разного возраста и культурной принадлежности о возрастных границах молодости.

В соответствии с целью исследования необходимо было выявить возрастные и социокультурные особенности представлений о хронологических границах молодости, а также установить связь представлений о хронологических границах молодости с атрибуцией молодым людям тех или иных психологических характеристик.

На первом этапе исследования в качестве инструмента для изучения представлений о возрастных границах молодости мы использовали модифицированную нами методику Ю. Б. Зайцевой [4]. Участники исследования должны были ответить на два вопроса: «1. В каком возрасте, на Ваш взгляд,

проходит граница между юностью и молодостью?» (с нижней границей в 14 и верхней границей в 24 года) и *«2. В каком возрасте, на Ваш взгляд, проходит граница между молодостью и взрослостью?»* (с нижней границей в 20 и верхней границей в 40 лет). «Шаг» между вариантами ответов составлял один год. Оба вопроса включали вариант ответа «затрудняюсь ответить».

На втором этапе исследования в качестве инструмента изучения представлений о психологических характеристиках молодёжи мы использовали опросник, разработанный на основе полученных в ходе первого этапа исследования данных и основанный на методе субъективного шкалирования [9; 10]. Помимо этого в диагностическую батарею были включены следующие два пункта: *«Назовите возраст, в котором, на Ваш взгляд, проходит граница между юностью и молодостью; Назовите возраст, в котором, на Ваш взгляд, проходит граница между молодостью и взрослостью»*. Респонденты, в отличие от участников первого этапа исследования, должны были не выбрать один из предложенных вариантов, а сами определить этот возраст.

Общее число участников исследования составило 444 человека. В первом этапе исследования приняли участие 156 респондентов: 90 (57,7%) женщин и 66 (42,3%) мужчин. 78 (50%) участников исследования являлись гражданами Российской Федерации, 78 (50%) – русскоговорящими гражданами Латвийской Республики. Средний возраст участников первого этапа исследования составил 32,9 года, максимальный – 86 лет, минимальный – 14 лет, медиана – 26 лет. Во втором этапе исследования приняли участие 288 респондентов: 126 мужчин (43,8%) и 162 женщины (56,2%); 142 гражданина России (49,3%) и 146 русскоязычных граждан Латвии (50,7%). Средний возраст участников второго этапа исследования также составил 32,9 года, максимальный – 71 год, минимальный – 17 лет, медиана – 29 лет.

Так как при анализе социально-демографических характеристик были выявлены различия между рядом подгрупп, сравнение проводилось между:

- респондентами в возрасте 25 лет и младше (75 человек) и 37 лет и старше (74 человека);
- женщинами в возрасте 26 лет и младше (78 человек) и 27 лет и старше (84 человека);
- мужчинами в возрасте 30 лет и младше (61 человек) и 31 год и старше (65 человек);
- гражданами России в возрасте 25 лет и младше (54 человека) и 37 лет и старше (35 человек);
- гражданами Латвии в возрасте 25 лет и младше (21 человек) и 37 лет и старше (39 человек).

Полученные в результате эмпирического исследования данные были подвергнуты количественному и качественному анализу. Достоверность полученных результатов проверялась с помощью комплекса стандартных ста-

статистических методов (анализ средних значений, U-критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок, R-коэффициент Спирмена).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты **первого этапа исследования**, в том числе относительно возрастных границ молодости, подробно описаны в нашей совместной с И. Галлере статье [9]. Здесь отметим только, что большинство респондентов при определении границы между юностью и молодостью указали возраст 18 лет (среднее значение по выборке – 18,5), а при определении границы между молодостью и взрослостью – возраст 30 лет (среднее значение по выборке – 28,8).

На **втором этапе исследования** представления о возрастных границах молодости были уточнены.

В таблице 1 представлены данные, полученные при анализе ответов участников второго этапа исследования на вопросы о возрасте, в котором проходит граница между юностью и молодостью, а также между молодостью и взрослостью.

Таблица 1 / Table 1

Возрастные границы молодости в представлениях участников исследования / Age boundaries of youth in the views of the study participants

Подгруппы	Возраст (годы), в котором проходит граница между			
	юностью и молодостью		молодостью и взрослостью	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Выборка в целом	19,5	3,0	28,9	4,7
Респонденты в возрасте 25 лет и младше	20,1	2,9	29,7	4,5
Респонденты в возрасте 37 лет и старше	19,4	3,7	30,1	6,0
Женщины в возрасте 26 лет и младше	20,2	2,8	29,3	4,2
Женщины в возрасте 27 лет и старше	19,5	3,6	29,7	5,6
Мужчины в возрасте 30 лет и младше	19,3	2,9	28,3	4,0
Мужчины в возрасте 31 год и старше	19,1	2,6	28,1	4,3

Подгруппы	Возраст (годы), в котором проходит граница между			
	юностью и молодостью		молодостью и взрослостью	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Граждане России в возрасте 25 лет и младше	20,0	2,78	29,1	4,51
Граждане России в возрасте 37 лет и старше	19,5	4,0	29,8	6,8
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше	20,4	3,4	31,0	4,2
Граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше	19,4	3,4	30,4	5,3

Как видно из таблицы, в представлениях участников исследования молодость начинается после 19 лет (минимум в 19,1 года в представлениях мужчин в возрасте 31 года и старше, максимум в 20,4 года в представлениях граждан Латвии в возрасте 25 лет и младше), а заканчивается после 28 лет (минимум в 28,1 года в представлениях мужчин в возрасте 31 год и старше, максимум в 30,1 года в представлениях респондентов в возрасте 37 лет и старше). Сравнение с данными первого этапа исследования показывает, что и нижняя, и верхняя границы молодости в представлениях участников второго этапа явно сдвинулись выше по возрастной оси. На наш взгляд, одной из причин этого было изменение формы предъявления вопросов.

В то же время, как и на первом этапе исследования, на втором этапе было установлено, что во всех выделенных подгруппах связь между возрастом участников исследования и определяемыми ими отметками нижней и верхней возрастных границ отсутствует.

Интересно сравнить наши результаты с результатами, полученными У. Дж. Чопик и соавторами в исследовании «Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions» [14].

В этом исследовании случайной выборке (N=251052), которую составили люди, заходившие в 2006–2015 гг. на демонстрационный сайт Project Implicit (исследования по тесту Implicit Association), было предложено назвать возраст, в котором человек переходит от детства к молодости, от молодости к взрослости, от взрослости к среднему возрасту, от среднего возраста к старости.

Исследователи выдвинули и затем подтвердили гипотезу, в соответствии с которой более молодые респонденты должны соотносить все эти переходы с меньшим возрастом, чем более зрелые.

В нашем исследовании граница между юностью и молодостью во всех «младших» подгруппах, наоборот, оказалась соотнесена с бо́льшим возрастом, чем в «старших», и, хотя значимой взаимосвязи между возрастом участников исследования и этой отметкой не было выявлено, можно говорить о наличии определённой устойчивой тенденции (см. табл. 1). Для границы между молодостью и взрослостью такой тенденции не выявлено.

Можно предположить, что различия в результатах, полученных в нашем исследовании и работе «Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions», связаны с несколькими причинами. Прежде всего, это значительные различия в объёме выборки, влекущие за собой различия в статистической мощности. Ещё одной причиной могут быть значительные различия в формулировке первого перехода (или в нашем исследовании – нижней границы молодости). Если в рамках нашей работы речь идёт о границе между юностью и молодостью, то в исследовании У. Дж. Чопик с соавторами – о переходе от детства к молодости.

Помимо этого, существуют культурные и возрастные различия, которые также могут обусловить разницу в результатах. В исследовании «Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions» принимали участие в основном люди, живущие в США, а, как отметили сами авторы, в разных культурах наблюдается значительная изменчивость в отношении к пожилым людям и старению, и, следовательно, в восприятии возрастных переходов. Помимо этого, участниками исследования были в основном молодые люди (средний возраст – 26,88 года), что тоже оказывает влияние на результаты. Наконец, в американском исследовании опрос проводился на английском языке, а в нашем исследовании – на русском, что также может влиять на результаты.

В целом мы согласны с У. Дж. Чопик и соавторами, которые отмечают, что, хотя различия в восприятии возраста в целом и возрастных переходов в частности культурно обусловлены, «неясно, могут ли эти различия быть связаны с проблемами статистической мощности, языковым управлением обследованием или с каким-либо другим методологическим или концептуальным объяснением» [14].

На втором этапе нашего исследования, как и на первом, по выборке в целом и в подгруппах была выявлена значимая связь между отметками нижней и верхней возрастных границ (табл. 2).

Как видно из таблицы, представления участников исследования о нижней и верхней границах молодости значимо взаимосвязаны, и эта взаимосвязь имеет прямой характер. При этом общая продолжительность молодости, с точки зрения наших респондентов, составляет в среднем 9,4 года. Интересно при этом, что наименьшую длительность (9 лет) имеет молодость в представлениях мужчин вне зависимости от возраста, а наибольшую (11 лет) – в представлениях граждан Латвии в возрасте 37 лет и старше.

Можно предположить, что представления о «минимальном сроке» молодости в мужских подгруппах обусловлены сформированными и до сих пор

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь представлений о нижней и верхней границах молодости и её общая продолжительность / The relationship of ideas about the lower and upper limits of youth and its total duration

Подгруппы	Теснота и направление связей представлений о границе между юностью и молодостью с представлениями о границе между молодостью и взрослостью		Представления об общей продолжительности молодости (кол-во лет)
	R	p	
Выборка в целом	0,467	0,00001	9,4
Респонденты в возрасте 25 лет и младше	0,503	0,000004	9,6
Респонденты в возрасте 37 лет и старше	0,399	0,0004	10,7
Женщины в возрасте 26 лет и младше	0,493	0,000005	9,1
Женщины в возрасте 27 лет и старше	0,454	0,00001	10,2
Мужчины в возрасте 30 лет и младше	0,548	0,000005	9,0
Мужчины в возрасте 31 год и старше	0,374	0,002	9,0
Граждане России в возрасте 25 лет и младше	0,500	0,0001	9,1
Граждане России в возрасте 37 лет и старше	0,363	0,032	10,3
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и младше	0,520	0,016	10,6
Граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше	0,376	0,018	11,0

действующими и в российском, и в латышском социуме стереотипами о необходимости быстрого взросления для мужчин, которые участники исследования проецировали на молодёжь в целом, а представления о «максималь-

ном сроке» молодости в подгруппе граждан Латвии в возрасте 37 лет и старше – «сложением» социокультурных и возрастных стереотипов, согласно которым следует как можно дольше оставаться молодым, потому что «Jauniem vecie jāaptek» (с латышского – «Молодые старых обходят»)¹ и «Поколе молод, потоле и дорог»².

Кроме представлений о собственно хронологических границах молодости, на втором этапе исследования были проанализированы взаимосвязи этих представлений с представлениями об отдельных психологических характеристиках молодёжи.

Рассмотрим вначале взаимосвязи представлений о психологических характеристиках молодёжи и представлений о границе между юностью и молодостью. Взаимосвязь между ними выявлена во всех подгруппах, кроме подгруппы, объединяющей женщин в возрасте 26 лет и младше, при этом в целом подобная взаимосвязь установлена по отношению к небольшому числу характеристик, и в «младших» подгруппах таких взаимосвязей несколько больше, чем в «старших» (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь представлений о психологических характеристиках молодёжи и представлений о границе между юностью и молодостью /
The relationship of ideas about the psychological characteristics of the youth and ideas about the border between adolescence and youth

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между юностью и молодостью	
	R	p
Выборка в целом		
Авантюризм	0,120	0,042
Веселость	0,127	0,032
Гибкость	0,152	0,010
Ответственность	0,181	0,002
Респонденты в возрасте 25 лет и моложе		
Авантюризм	0,231	0,046
Желание открывать новое	0,271	0,019
Искренность	0,237	0,041

¹ См.: Latviešu sakāmvārdi un parunas: izlase / sast. E. Kokare. Rīga: Latvijas PSR Zinātnu akadēmijas izdevniecība, 1957. 351 p.

² См.: Даль В. И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2020. 984 с.

Психологические характеристики молодежи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между юностью и молодостью	
	R	p
Непосредственность	0,249	0,031
Ответственность	0,267	0,021
Смелость	0,274	0,017
Старательность	0,245	0,034
Респонденты в возрасте 37 лет и старше		
Оптимизм	0,258	0,026
Эгоизм	-0,231	0,047
Женщины в возрасте 27 лет и старше		
Веселость	0,240	0,028
Мужчины в возрасте 30 лет и младше		
Гибкость	0,324	0,011
Желание быть не похожим на остальных	-0,284	0,027
Искренность	0,256	0,046
Ответственность	0,280	0,029
Мужчины в возрасте 31 год и старше		
Максимализм	-0,260	0,036
Повышенный интерес к развлечениям	-0,250	0,045
Граждане России в возрасте 25 лет и моложе		
Искренность	0,269	0,049
Непосредственность	0,274	0,045
Граждане России в возрасте 37 лет и старше		
Неопытность	-0,345	0,042
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и моложе		
Авантюризм	0,545	0,011
Креативность	0,471	0,031
Смелость	0,559	0,008
Стремление к успеху	0,444	0,044
Граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше		
Оптимизм	0,316	0,050

Как видно из таблицы, взаимосвязь между оценкой психологических характеристик как более или менее выраженных у молодёжи и представлением о более раннем или позднем переходе от юности к молодости выявлена только для 16 из 76 включённых в опросник характеристик. При этом пять характеристик, по которым установлена подобная взаимосвязь, входят в ядро, пять – в полупериферию и шесть – в периферию представлений, выявленных на первом этапе исследования, а в целом они относятся ко всем выделенным на первом этапе исследования сферам личности за исключением сферы субъектности, и в наибольшей степени – к сферам целеполагания и общения [9].

Анализ показал, что в представлениях участников исследования более поздний переход от юности к молодости оказывается связан с большей выраженностью личностных качеств и особенностей поведения, которые выступают как ресурсы развития человека на этапе молодости, даже если в социальном сознании они оцениваются неоднозначно (авантюризм, весёлость, гибкость, желание открывать новое, искренность, креативность, непосредственность, оптимизм, ответственность, смелость, старательность, стремление к успеху). В то же время более поздний переход от юности к молодости оказывается связан с меньшей выраженностью личностных качеств и особенностей поведения, которые так или иначе затрудняют развитие человека на этапе молодости (максимализм, неопытность, повышенный интерес к развлечениям, эгоизм). Следует отметить также, что в подгруппе мужчин в возрасте 30 лет и младше выявлена отрицательная взаимосвязь между представлениями о границе между юностью и молодостью и выраженностью такой характеристики молодых людей, как «желание быть непохожим на остальных», т. е. в данной подгруппе существует представление о том, что, чем позже у человека наступает молодость, тем меньше он стремится к сохранению своей индивидуальности.

Обратимся теперь к анализу взаимосвязи представлений о психологических характеристиках молодёжи и представлений о границе между молодостью и взрослостью. Эта взаимосвязь выявлена во всех подгруппах (табл. 4).

Как видно из таблицы, взаимосвязь между оценкой психологических характеристик как более или менее выраженных у молодёжи и представлением о более раннем или более позднем переходе от молодости к взрослости выявлена для 57 из 76 включённых в опросник характеристик. При этом подобная взаимосвязь установлена для всех характеристик, которые входят в ядро, для 17 характеристик, входящих в полупериферию, и для 27 входящих в периферию представлений, а в целом они относятся ко всем выделенным на первом этапе исследования сферам личности, и в наибольшей степени – к сферам целеполагания и субъектности.

Таблица 4 / Table 4

Взаимосвязь представлений о психологических характеристиках молодёжи и представлений о границе между молодостью и взрослостью /
The relationship between ideas about the psychological characteristics of the youth and ideas about the border between youth and adulthood

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между молодостью и взрослостью	
	R	p
Выборка в целом		
Амбициозность	0,119	0,043
Весёлость	0,132	0,025
Зависимость от интернета и гаджетов	0,180	0,002
Повышенный интерес к развлечениям	0,138	0,019
Стремление к высокому заработку	0,153	0,010
Респонденты в возрасте 25 лет и моложе		
Авантюризм	0,385	0,001
Активность	0,280	0,015
Амбициозность	0,276	0,016
Вера в светлое будущее	0,270	0,019
Весёлость	0,297	0,010
Влюбчивость	0,279	0,015
Восприимчивость к изменениям	0,265	0,021
Гибкость	0,288	0,012
Желание открывать новое	0,283	0,014
Жизнерадостность	0,296	0,010
Искренность	0,326	0,004
Креативность	0,297	0,010
Лёгкость в общении	0,294	0,010
Любпытство	0,306	0,008
Мобильность	0,286	0,013
Независимость	0,249	0,031
Непостоянство	0,253	0,029
Ответственность	0,306	0,008
Поспешность	0,250	0,031
Самостоятельность	0,377	0,001
Самоуверенность	0,325	0,004
Самоутверждение	0,269	0,020
Свободолюбие	0,254	0,028
Смелость	0,304	0,008

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между молодостью и взрослостью	
	R	p
Спонтанность	0,349	0,002
Старательность	0,433	0,0001
Стремление войти в какую–нибудь группу	0,334	0,003
Целеустремлённость	0,283	0,014
Чувствительность	0,296	0,010
Чувство юмора	0,339	0,0001
Эрудированность	0,324	0,005
Респонденты в возрасте 37 лет и старше		
Агрессивность	0,272	0,019
Амбициозность	0,244	0,036
Безразличие	0,231	0,048
Высокомерие	0,366	0,001
Глупость	0,279	0,016
Зависимость от интернета и гаджетов	0,288	0,013
Завышенная самооценка	0,314	0,006
Легкомысленность	0,265	0,023
Лень	0,240	0,039
Непостоянство	0,229	0,050
Повышенный интерес к развлечениям	0,236	0,043
Подверженность соблазнам	0,242	0,037
Циничность	0,335	0,004
Женщины в возрасте 26 лет и младше		
Весёлость	0,274	0,015
Инфантильность	–0,259	0,022
Старательность	0,251	0,026
Стремление войти в какую–нибудь группу	0,304	0,007
Женщины в возрасте 27 лет и старше		
Агрессивность	0,240	0,028
Амбициозность	0,231	0,035
Оптимизм	0,218	0,047
Мужчины в возрасте 30 лет и младше		
Безответственность	0,364	0,004
Безбашенность	0,345	0,007
Восприимчивость к изменениям	0,322	0,011

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между молодостью и взрослостью	
	R	p
Жизнерадостность	0,263	0,041
Любопытство	0,260	0,043
Максимализм	0,312	0,014
Наивность	0,297	0,020
Радикальность	0,262	0,041
Спонтанность	0,280	0,029
Чувствительность	0,276	0,031
Чувство юмора	0,255	0,047
Мужчины в возрасте 31 год и старше		
Безразличие	0,290	0,019
Жестокость	0,259	0,037
Зависимость от интернета и гаджетов	0,308	0,013
Идеализм	-0,263	0,034
Искренность	-0,265	0,033
Лень	0,326	0,008
Переменчивость настроения	0,270	0,029
Прагматичность	-0,246	0,048
Чрезмерная эмоциональность	0,282	0,023
Граждане России в возрасте 25 лет и моложе		
Авантюризм	0,358	0,008
Влюбчивость	0,279	0,041
Искренность	0,272	0,046
Любопытство	0,276	0,044
Самостоятельность	0,345	0,011
Самоуверенность	0,331	0,014
Спонтанность	0,310	0,023
Старательность	0,450	0,001
Чувствительность	0,313	0,021
Чувство юмора	0,313	0,021
Эрудированность	0,284	0,038
Граждане России в возрасте 37 лет и старше		
Агрессивность	0,349	0,040
Амбициозность	0,334	0,050
Высокомерие	0,353	0,038

Психологические характеристики молодёжи	Теснота и направление связей с представлениями о границе между молодостью и взрослостью	
	R	p
Зависимость от интернета и гаджетов	0,343	0,044
Лень	0,355	0,036
Непостоянство	0,382	0,023
Нетерпеливость	0,368	0,029
Переменчивость настроения	0,365	0,031
Старательность	0,396	0,018
Циничность	0,403	0,016
Граждане Латвии в возрасте 25 лет и моложе		
Восприимчивость к изменениям	0,546	0,010
Гибкость	0,473	0,030
Желание открывать новое	0,479	0,028
Жизнерадостность	0,463	0,035
Зависимость от интернета и гаджетов	0,520	0,016
Искренность	0,499	0,021
Коммуникабельность	0,504	0,020
Креативность	0,607	0,004
Лёгкость в общении	0,448	0,042
Мобильность	0,642	0,002
Ответственность	0,557	0,009
Самостоятельность	0,486	0,025
Самоутверждение	0,529	0,014
Свободолюбие	0,523	0,015
Спонтанность	0,535	0,013
Стремление войти какую-нибудь группу	0,459	0,036
Целеустремлённость	0,467	0,033
Эрудированность	0,568	0,007
Граждане Латвии в возрасте 37 лет и старше		
Безответственность	0,370	0,021
Безразличие	0,374	0,019
Высокомерие	0,408	0,010
Завышенная самооценка	0,319	0,048

Наибольшее число взаимосвязей обнаружено в подгруппе респондентов в возрасте 25 лет и моложе (31 психологическая характеристика), наи-

меньшее – в подгруппе женщин в возрасте 27 лет и старше (3 психологические характеристики).

Анализ показал, что в представлениях участников исследования более поздний переход от молодости к взрослости оказывается связан с большей выраженностью не только личностных качеств и особенностей поведения, которые выступают как ресурсы развития человека на этапе молодости (авантюризм, активность, амбициозность, вера в светлое будущее, весёлость, влюбчивость, восприимчивость к изменениям, гибкость, желание открывать новое, жизнерадостность, коммуникабельность, креативность, лёгкость в общении, любопытство, мобильность, независимость, оптимизм, ответственность, самостоятельность, свободолюбие, смелость, спонтанность, старательность, стремление войти в какую-нибудь группу, целеустремлённость, чувствительность, чувство юмора, эрудированность), но и психологических характеристик, которые играют в возрастном развитии человека неоднозначную роль (лень, непостоянство, нетерпеливость, переменчивость настроения, повышенный интерес к развлечениям, поспешность, самоуверенность, самоутверждение, стремление к высокому заработку, чрезмерная эмоциональность), а также личностных качеств и особенностей поведения, которые так или иначе затрудняют формирование у человека зрелых отношений к себе, своей жизни, другим людям и т. п. (агрессивность, безбашенность, безответственность, безразличие, высокомерие, глупость, жестокость, зависимость от интернета и гаджетов, завышенная самооценка, легкомысленность, максимализм, наивность, подверженность соблазнам, радикальность, циничность).

В то же время более поздний переход от молодости к взрослости в представлениях участников исследования оказывается связан с меньшей выраженностью, с одной стороны, качеств, затрудняющих переход к взрослости (идеализм и инфантильность), а с другой стороны, выступающих как ресурсы развития (искренность и прагматичность).

Интересно, что в ряде случаев представления участников исследования, входящих в разные подгруппы, о возрастной динамике выраженности той или иной психологической характеристики или их мнения по поводу противоположных характеристик противоречат друг другу.

Так, в подгруппах респондентов в возрасте 25 лет и моложе и граждан Латвии в возрасте 25 лет и моложе выявлена прямая зависимость между представлениями о границе между молодостью и взрослостью и выраженностью ответственности, а в подгруппах мужчин в возрасте 30 лет и младше и граждан Латвии в возрасте 37 лет и старше – безответственности.

В подгруппе мужчин в возрасте 30 лет и младше зафиксирована прямая зависимость между представлениями о границе между молодостью и взрослостью и выраженностью такого качества, как наивность, а в подгруппе женщин в возрасте 26 лет и младше – обратная зависимость между представле-

ниями о границе между молодостью и взрослостью и выраженностью такого качества, как инфантильность.

Наконец, если в подгруппах респондентов в возрасте 25 лет и моложе, граждан России в возрасте 25 лет и моложе и граждан Латвии в возрасте 25 лет и моложе выявлена прямая зависимость между представлениями о границе между молодостью и взрослостью и выраженностью искренности, то в подгруппе мужчин в возрасте 31 год и старше – обратная.

Следует также отметить, что в представлениях участников исследования, входящих в «старшие» подгруппы, более поздний переход от молодости к взрослости оказывается связан исключительно с большей выраженностью личностных качеств и особенностей поведения, затрудняющих переход к взрослости. Только в подгруппе женщин в возрасте 27 лет и старше прямая взаимосвязь между представлениями о границе между молодостью и психологическими характеристиками зафиксирована не только по отношению к агрессивности и амбициозности, но и по отношению к оптимизму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило выдвинутые нами гипотезы.

Было показано, что участники исследования воспринимают молодость как достаточно протяжённый и устойчивый по своей величине период. При этом представления респондентов о нижней и верхней хронологических границах молодости, а следовательно, о её общей продолжительности в значительной степени отличаются от формально установленных границ этого возрастного периода (так, в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» понятие «молодёжь» определяется как «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно»³). Это свидетельствует о том, что на социально-психологическом уровне представлений этапы развития человека дифференцируются более чётко, чем на социальном. В социальном сознании явно различаются такие периоды, как подростковый возраст (до 16 лет), юность (от 16 до 18 лет), молодость (от 19 до 28–30 лет) и ранняя взрослость (от 30 до 35 лет), а переход от одного этапа развития к другому фиксируется через осознание качественных изменений в психологических характеристиках человека.

Об этом свидетельствуют и результаты нашего исследования, которое показало, что представления о возрастных границах молодости и представления об отдельных психологических характеристиках молодёжи взаимосвязаны.

³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 15.10.2021).

В представлениях участников исследования более поздний переход от юности к молодости связан с:

- большей выраженностью личностных качеств и особенностей поведения, которые выступают как ресурсы развития человека на этапе молодости, даже если в социальном сознании они оцениваются неоднозначно;
- меньшей выраженностью личностных качеств и особенностей поведения, которые так или иначе затрудняют развитие человека на этапе молодости.

В то же время, по мнению респондентов, более поздний переход от молодости к взрослости, обеспечивая бо́льшую выраженность психологических характеристик, которые выступают как ресурсы развития человека на этапе молодости, и способствуя максимально продуктивному движению к взрослости, создают также условия для чрезмерного развития и закрепления в структуре личности психологических характеристик, не только затрудняющих деятельность и взаимоотношения молодых людей в настоящем, но и становящихся барьером для их деятельности и взаимоотношений в их будущей взрослости.

Взаимосвязь между представлениями о тех или иных психологических характеристиках молодёжи и представлениями о границах между юностью и молодостью и молодостью и взрослостью выявлена во всех возрастных, половых и социокультурных подгруппах. При этом представления участников исследования, входящих в разные подгруппы, о характере взаимосвязи между хронологическими границами молодости и выраженностью тех или иных личностных качеств и особенностей поведения или оценки противоположных качеств могут противоречить друг другу. Можно предположить, что в основе подобных противоречий лежат, с одной стороны, возрастные, половые и социокультурные различия в области социального познания, определяющие различия в восприятии, понимании и оценке возрастных изменений, а с другой, – особенности собственного опыта проживания периода молодости, а также опыта взаимодействия с молодыми людьми.

О влиянии собственного возраста и соответствующих этому возрасту особенностей восприятия на представления о психологических характеристиках людей, находящихся на иных стадиях развития, свидетельствует и пессимистический взгляд участников исследования, входящих в «старшие» подгруппы, на «излишне затягивающуюся» молодость, которая, как показывает их жизненный опыт, приводит к развитию только негативных психологических характеристик.

Особенности «латышской» части выборки, которую составляли люди разного возраста, пола и национальности, свободно говорящие при этом на русском языке, не позволяют однозначно объяснять зафиксированные различия в представлениях о возрастных границах молодости в «русских» и «латышских» подгруппах только социокультурными особенностями респон-

дентов. В то же время можно говорить об определенном влиянии именно латвийского образа жизни и латвийской культуры в целом на выявленные в обеих «латышских» подгруппах представления об относительно более позднем переходе от молодости к взрослости, а также о роли ответственности в процессе становления человека.

В целом наше исследование показало, что представления о хронологических границах молодости как этапа развития человека значимо взаимосвязаны с представлениями о психологических характеристиках, которые либо способствуют, либо препятствуют переходу от молодости к зрелости, а особенности этих представлений опосредованы возрастом, полом и социокультурной принадлежностью респондентов. В практическом плане полученные результаты могут использоваться при работе как с проблемами самоопределения и саморазвития людей на этапах их перехода от юности к молодости или от молодости к взрослости, так и с проблемами отношений между людьми разного возраста.

Перспективы исследования могут быть связаны с изучением представлений о возрастных границах молодости, с одной стороны, жителей различных российских регионов, а с другой стороны, русскоговорящих граждан сопредельных с Российской Федерацией государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Д. Детство в субъективных представлениях современных взрослых и подростков о жизненных циклах // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 42–51.
2. Выготский Л. С. Лекции по педологии. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 304 с.
3. Дудина К. А. Определение границ молодежного возраста с точки зрения криминологии // Человек в современном мире: актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции "ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ)", Белгород, 11 марта 2020 г. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2020. С. 23–27.
4. Зайцева Ю. Б. Стереотипные представления массового сознания о «старых людях» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 1. С. 13–28.
5. Крючкова Н. В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 252 с.
6. Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 66–76.
7. Прилепский И. А. Современные тенденции продления возрастных границ среднего возраста // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (47). С. 137–142.

8. Проблема определения возрастных границ молодежи / М. С. Кочкина, В. Е. Васильев, А. А. Красевич, М. Ю. Чучкин, С. П. Ромадин // *Colloquium-journal*. 2018. № 10-9 (21). С. 27–28.
9. Селезнева Е. В., Галлере И. Психологический портрет современной молодежи: культурно-инвариантные характеристики // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.10.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-948
10. Селезнева Е. В., Галлере И. Психологический портрет современной молодежи: инвариантные характеристики, возрастные и культурные особенности // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2020. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.10.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-1-995
11. Смирнов Р. Г. Операционализация феномена «поколение онлайн» // *Цифровая социология*. 2019. Т. 2. № 4. С. 31–38. DOI 10.26425/2658-347X-2019-4-31-38
12. Сыздыкова М. Б. Группа молодого поколения в общей структуре трудовых ресурсов // *Казанский педагогический журнал*. 2017. № 6. С. 192–195.
13. Arnett J. J. Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. № 55. P. 469–480.
14. Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions [Электронный ресурс] / W. J. Chopik, R. H. Bremner, D. J. Johnson, H. L. Giasson. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00067/full> (дата обращения: 16.11.2019).
15. Microdevelopment: Transition processes in development and learning / ed. N. Granott, J. Parziale. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 354 p.
16. Molgat M. Do transitions and social structures matter? How 'emerging adults' define themselves as adults // *Journal of Youth Studies*. 2007. Vol. 10. № 5. P. 495–516. DOI: 10.1080/13676260701580769
17. Springhall J. Coming of age: adolescence in Britain. Dublin: Gill and Macmillan, 1986. 270 p.

REFERENCES

1. Andreeva A. D. [Childhood in subjective representations of modern adults and adolescents about life cycles]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 42–51.
2. Vygotsky L. S. *Lektsii po pedologii* [Lectures on pedology]. Izhevsk, Udmurtskii universitet Publ., 2001. 304 p.
3. Dudina K. A. [Defining the boundaries of youth age from the point of view of criminology]. In: *Chelovek v sovremennom mire: aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy : sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "OOO Agentstvo*

- perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI)*”, Belgorod, 11 marta 2020 g. [Human in the modern world: current problems of social and humanitarian research: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference “LLC Agency for Advanced Scientific Research (APNI)”, Belgorod, March 11, 2020]. Belgorod, Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy Publ., 2020, pp. 23–27.
4. Zaitseva Yu. B. [Stereotypic images of “older people” in the mass consciousness]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2008, vol. 1, no. 1, pp. 13–28.
 5. Kochkina M. S., Vasilyev V. E., Krasevich A. A., Chuchkin M. Yu., Romadin S. P. [The problem of determining the age limits of youth]. In: *Colloquium-journal*, 2018, no. 10-9 (21), pp. 27–28.
 6. Kryuchkova N. V. *Kontsepty vozrasta (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk* [Concepts of age (based on Russian and French languages) : Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Saratov, 2003. 252 p.
 7. Lishaev S. A. [On the Criteria of Age Periodization (Data on Philosophy of Age)]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 66–76.
 8. Prilepsky I. A. [Current trends in extending the age limits of middle age]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of culture], 2012, no. 3 (47), pp. 137–142.
 9. Selezneva E. V., Gallery I. [Psychological portrait of modern youth: cultural-invariant characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.10.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-948
 10. Selezneva E. V., Gallery I. [Psychological portrait of modern youth: invariant characteristics, age and cultural features]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.10.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-1-995
 11. Smirnov R. G. [Operationalization of the “Online Generation” Phenomenon]. In: *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 31–38. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-4-31-38
 12. Syzdykova M. B. [Group of young generation in general the structure of the workplace]. In: *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2017, no. 6, pp. 192–195.
 13. Arnett J. J. Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties. In: *American Psychologist*, 2000, no. 55, pp. 469–480.
 14. Chopik W. J., Bremner R. H., Johnson D. J., Giasson H. L. Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00067/full> (accessed: 16.11.2019).

15. Granott N., Parziale J. *Microdevelopment: Transition processes in development and learning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 354 p.
16. Molgat M. Do transitions and social structures matter? How 'emerging adults' define themselves as adults. In: *Journal of Youth Studies*, 2007, vol. 10, no. 5, pp. 495–516. DOI: 10.1080/13676260701580769
17. Springhall J. *Coming of age: adolescence in Britain*. Dublin, Gill and Macmillan, 1986. 270 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.11.2021

Статья размещена на сайте: 09.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Селезнева Елена Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Elena V. Selezneva – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Research and Development Sector of the Scientific Laboratory for Diagnostics and Assessment of Managers, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Селезнева Е. В. Возрастные и культурные особенности представлений о возрастных границах молодости // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Selezneva E. V. Age and cultural features of representations of the age boundaries of youth. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811.11:81'42"17/19"

Левченко М. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

МОДАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление значимости категории модальности для смыслового единства философского текста при разработке системы его адекватной интерпретации.

Процедура и методы. В работе на основании структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и метода сегментного анализа анализируются фрагменты классического академического философского текста с позиций одной из его ведущих формирующих текст категорий – категории модальности.

Результаты. В статье доказано, что выделенные инвариантные признаки модальности должны послужить основой для моделирования типа философского текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования весьма полезны как для развития теории языка, так и при моделировании различных типов текстов, представляют интерес для лингвистов, филологов, журналистов, а также философов, занимающихся вопросами порождения философского текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

субъективная и объективная модальность, познание, философский текст, инвариантные и типологические признаки

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Специфика модальной палитры философского текста](#)

[Заключение](#)

M. Levchenko

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

MODALITY OF PHILOSOPHICAL TEXT

ABSTRACT

Aim. To identify the significance of the category of modality for the semantic unity of philosophical text in the development of a system of its adequate interpretation.

Methodology. Based on structural-functional, descriptive, and conceptual methods and the method of segment analysis, this paper analyzes several abstracts from classical academic philosophical text from the point of view of one of the main text-forming categories which is the category of modality.

Results. The article proves that the selected invariant signs of modality should serve as a basis for modeling the type of philosophical text.

Research implications. The results of the research might prove useful for development of the language theory as well as for modeling of various types of texts. They are of interest for linguists, philologists, journalists, and philosophers engaged in the problems of philosophical text generation.

KEYWORDS

subjective and objective modality, cognition, philosophical text, invariant and typological features

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего исследования – определение семантической значимости категории модальности для философского текста как некой языковой модели. К задачам данного исследования относятся: поиск и выявление отличительного признака (или признаков), дающего(-их) основание для отделения философского от иных типов текста по его специфической модальности, а также определение роли исследуемой категории в языковой структуре философского текста при использовании системного, структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и метода сегментного анализа.

Актуальность данного исследования очевидна, так как позволяет выделить философский текст как особый тип текста с учётом его типологических структурных особенностей.

Новизна и оригинальность исследования связана прежде всего с материалом исследования. В качестве него послужили отдельные сегменты философского текста И. Канта “*Kritik der reinen Vernunft*” («Критика чистого разума») – “*Von dem Unterschiede der reinen und empirischen Erkenntnis*” («О различии между чистым и эмпирическим познанием»), “*Von der transzendenten Logik*” («О трансцендентальной логике») и “*Der Kanon der reinen Vernunft*” («Канон чистого разума»)¹.

В работе на основании структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и метода сегментного анализа ставится задача проведения семантического анализа фрагментов классического академического философского текста с позиций одной из его ведущих формирующих текст категорий – категории модальности.

В статье Т. В. Матвеевой в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под ред. М. Н. Кожиной² категория модальности обозначена термином «тональность» и определена как текстовая категория, которая передаёт эмоционально-волевую установку автора для достижения какой-либо

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. С. 50–53, 142–145, 998–1001.

² Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Наука; Флинта, 2003. С. 459.

коммуникативной цели. В тексте тональность может быть выражена многочисленными средствами экспрессивности: эмоциональными междометиями, эмоционально-экспрессивной лексикой, словами-интенсификаторами, прямыми и переносными формами повелительного наклонения, средствами экспрессивной фонетики и синтаксиса, а также специальными приёмами выразительности (например, тропами и фигурами). Тональность разделяется автором по типу речевого воздействия на мажорную, минорную и нейтральную.

Следует отметить, что философия как дисциплина некоторыми исследователями сопоставляется с наукой [2]. В таком случае представляется важным перечислить отличительные черты тональности научного стиля, представленные в вышеназванной энциклопедической статье³. К таковым относятся:

- нейтральная лексическая тональность;
- волеизъявление автора, выражаемое модальностью долженствования и уверенной констатацией положений (объективно-логическая тональность);
- «отодвинутый», или логизированный характер тональности.

В качестве рабочей версии при анализе философского текста целесообразно рассматривать модальность и как грамматическую категорию, хотя лингвисты рассматривают её с различных позиций – например, синтаксиса [5], семантики [3], функциональной семантики [1] и т. д. Как отмечает Е. Ю. Донскова, многоаспектность категории модальности позволяет рассматривать её с разных позиций [6]. Вне зависимости от ракурса рассмотрения модальности в тексте многие лингвисты различают объективную и субъективную модальности. А. Т. Кривоносов определяет объективную модальность как отражение объективных связей конкретной ситуации. Субъективная модальность характеризуется оценкой этих связей говорящим [7].

Категория модальности особо выделяется Г. Я. Солгаником как важный элемент в понимании языка. Модальность проявляется на всех уровнях языковой системы: оценочные лексические средства; вводно-модальные слова, частицы и местоимения в морфологии; модальные значения в семантике падежей. Однако особый интерес для исследователя представляет субъективная модальность в синтаксисе, которую он по аналогии с модальной логикой называет модальным синтаксисом. Занимаясь исследованием категории субъективной модальности (выражающей отношение говорящего к высказыванию), лингвисты рассматривают вопросы, связанные с проблемой человека в языке (антропоцентрический принцип) [12].

На основе субъективной модальности, по Г. Я. Солганику, формируется так называемая текстовая модальность, обладающая двумя характеристиками: отношением производителя речи к действительности и к самой речи.

³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука, Флинта, 2003. С. 459.

Исходя из этого, автор выделяет следующие особенности научного стиля в плане модальности:

- объективирование, устранение личностно-индивидуальных черт производителя речи («мы» вместо «я»);
- приглушение авторской личности, донесение информации, раскрытие истины (изложение в 3-м лице);
- слабое выражение внешнемодальных средств (текстовых);
- проявление текстовой модальности за счёт внутримодальных средств (языковых).

Из способности выражения модальности на всех языковых уровнях различными средствами, по И. Р. Гальперину [4], следует, что данная категория может быть обозначена как сущность коммуникативного процесса. Обращаясь к «Грамматике русского языка», автор уточняет, что модальное отношение – это прежде всего отражение отношения содержания речи к действительности. Синтаксический аспект категории модальности проявляется в формах грамматического выражения различного рода отношений сообщения к действительности. Поддерживая позицию Н. Ю. Шведовой [13] в разделении видов модальности на объективно-модальное и субъективно-модальное значения (отношение сообщаемого к действительности и отношение говорящего к сообщаемому), И. Р. Гальперин не соглашается, что всякое высказывание обладает субъективно-модальным значением, и утверждает, что, например, предложение «Все повествовательные предложения имеют свои структурные схемы» имеет объективную модальность. Кроме того, он предлагает выделить фразовую и текстовую субъективно-оценочную модальности. Первая будет выражена грамматическими и лексическими средствами, а вторая – с помощью характеристик героев, через умозаключения, распределение отрезков высказывания и проч. [4].

Субъективно-оценочная модальность по-разному представлена в различных типах текстов. Так, поэтический текст будет насыщен оценочными характеристиками, в отличие от научного. В художественном произведении модальность проявляется в релятивных отрезках текста, т. к. субъективное отношение к высказыванию придаёт явлению лишь оценочную характеристику, но не раскрывает его. Модальность научного текста обладает нулевыми показателями в связи с характером излагаемого материала. И. Р. Гальперин подчёркивает, что проявлением модальности можно было бы считать сомнение автора научного труда в истинности постулируемых тезисов, однако это встречается крайне редко [4].

Модальность рассматривается и как грамматико-лексическое поле с усложнённой семантической структурой Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс [5]. Само модальное поле определяется авторами макрополем с двумя полями (Действительности и Недействительности).

Основная задача письменного текста – это передача информации, её оценка и объяснение. Для большей части письменной прозы модальным стержнем будет являться модальность действительности, включающая в себя различные степени достоверности и предположительности. Художественный текст имеет более сложный модальный рисунок, чем текст нехудожественный, что связано с наличием в нём речи автора и персонажей. Оформление речи персонажей зависит от норм употребления времён и наклонений и может требовать конъюнктива при сохранении в своей основе модальности действительности [10].

И. Ю. Кукса отмечает особую роль модальных частиц в тексте, оттеночный характер которых определяет информацию как субъективно выраженную [8].

Впервые попытка лингвистического анализа философских текстов И. Канта была предпринята А. Ю. Серебряковой в диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «Особенности представления категории персональности в философских текстах И. Канта и их переводах на русский язык», где автором рассматривались неопределённо-личные и безличные конструкции в работах: “Kritik der reinen Vernunft” («Критика чистого разума»), “Kritik der Urteilskraft” («Критика способности суждения»), “Prolegomena” («Пролегомены»), а также в переводах этих текстов [11]. Данная работа в большей степени ориентируется на сравнительный анализ переводческих решений работ немецкого философа.

На основе типологического метода анализа текстов в плане их локальности и темпоральности, разработанного М. Н. Левченко [9], А. А. Елисеева предлагает анализировать категорию модальности по следующим признакам [9, с. 26]:

- модальная детерминация описываемых событий (соотношение объективных событий с морфологическим, лексическим и лексико-синтаксическим выражением модальности);
- системность (наличие модальных подсистем автора и персонажей);
- модальный тип текста (мономодальный / полимодальный);
- основная форма модальности (индикатив или конъюнктив);
- однородный или неоднородный тип текста (стержневое языковое средство выражения модальности);
- насыщенность текста модальными маркерами.

Лингвистическая интерпретация категории модальности

Исходя из перечисленных аспектов, связанных с категорией модальности, рассмотрим философский текст “Von dem Unterschiede der reinen und empirischen Erkenntnis” («О различии между чистым и эмпирическим познанием») в плане его модальной архитектоники⁴.

⁴ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. С. 50–53.

Интерпретируем использование модальных маркеров в нескольких сегментах указанного выше философского текста:

– „Daß alle unsere Erkenntnis mit der Erfahrung **anfange**, daran ist gar **kein Zweifel**“ – в немецком тексте данный вариант сослагательного наклонения не используется для передачи условного действия, а лишь придаёт выражению форму отстранённости, косвенности отношения к ней автора.

– „...denn wodurch **sollte** das Erkenntnisvermögen sonst zur Ausübung erweckt werden, **geschähe** es nicht durch Gegenstände, die unsere Sinne rühren und teils von selbst Vorstellungen bewirken...“ – модальный глагол „sollen“ в форме конъюнктива 2 в пассивной конструкции, а также глагол „geschähen“ в форме сослагательного наклонения передают новый модальный признак философского текста – условность предположения автора.

– „Denn es **könnte wohl** sein, daß selbst unsere Erfahrungserkenntnis ein Zusammengesetztes aus dem **sei**...“ – ещё один вариант семантики – модальность предположения, выраженная глаголами в форме сослагательного наклонения и модальной частицей „wohl“.

– „**ob** es ein dergleichen von der Erfahrung und selbst von allen Eindrücken der Sinne unabhängiges Erkenntnis **gebe**“ – здесь вновь используется сослагательное наклонение (конъюнктив 1) плюс условная придаточная конструкция с союзом „ob“ для выражения предположения, которое в следующем предложении переходит в модальность утверждения в форме изъявительного наклонения – индикатива: „man nennt solche Erkenntnisse“.

– „Denn **man pflegt wohl** von mancher aus Erfahrungsquellen abgeleiteten Erkenntnis **zu sagen**...“ – для передачи информации, к которой Г. Кант имеет скептическое отношение, используется инфинитивная конструкция с модальной частицей „wohl“.

Из анализа сегмента философского текста с позиции модальности следует, что его модальная архитектура характеризуется реальностью, односистемностью, полимодальностью (наличие изъявительного и сослагательного наклонений), неоднородностью, достаточной насыщенностью модальными средствами. Эпизодическое использование сослагательного наклонения, модальных слов и частиц служит автору в передаче чужих мыслей и предположений, помогает усилить эффект рациональности и объективности суждений, относящихся к мировоззрению самого философа.

СПЕЦИФИКА МОДАЛЬНОЙ ПАЛИТРЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Перейдём к анализу полученных результатов других параграфов „Kritik der reinen Vernunft“ («Критики чистого разума») И. Канта.

Последовательно рассмотрим выраженность модальной архитектуры в главе “Von der transzendentalen Logik” («О трансцендентальной логике»)⁵.

Уже начало параграфа характеризуется использованием сослагательного наклонения. Философ предполагает существование иной, отличной от общей, логики: „so **könnte** ... ein Unterschied ... angetroffen werden“, „In diesem Falle **würde** es eine Logik geben“, „würde alle diejenigen Erkenntnisse ausschließen, welche von empirischem Inhalte **wären**“, „Sie **würde** auch auf den Ursprung unserer Erkenntnisse von Gegenständen gehen“. Далее автор противопоставляет это предположение, выраженное описательным конъюнктивом, утвердительным повествованием об общей логике, тем самым подчёркивая объективную природу его гипотезы – раз общая логика не занимается происхождением познания, должна быть какая-то иная логика, которая этим познанием занимается.

Использование конъюктива во втором абзаце, где автор призывает не всякое априорное познание называть трансцендентальным, отражено в модальности слова „**müsse**“. Далее из этой авторской ремарки вытекает вывод, выраженный и в немецком тексте индикативом (изъявительным наклонением), что не является трансцендентальным представлением: „weder der Raum, noch irgendeine geometrische Bestimmung desselben a priori“. Противопоставляя данный тезис тому, что может называться трансцендентальным (**kann** transzendental heißen), И. Кант вновь использует конъюнктив для выражения модальности возможности (die Möglichkeit, wie sie sich gleichwohl a priori auf Gegenstände der Erfahrung beziehen **könne**). Следующее предположение автора, что само по себе понятие пространства могло бы быть трансцендентальным, выражено сослагательным наклонением: „Imgleichen **würde** der Gebrauch des Raumes ... auch transzendental sein“.

Последний абзац параграфа, как и предыдущий текст, характеризуется насыщенным модальным рисунком. В первом предложении И. Кант высказывает идею существования науки о чистом рассудке, которая подтверждается возможностью существования определённых понятий: „In der Erwartung also, daß es vielleicht Begriffe geben **könne**...“. В оригинальном тексте, помимо использования сослагательного наклонения, которое, впрочем, обусловлено грамматическими особенностями языка и модального слова “vielleicht”, можно определить контекстуальную интенциональность мысли, которая находит отражение не только в модальных средствах выражения, но и в лексических. Автор отмечает, что идея науки устанавливается в ожидании возможности существования априорных понятий („In der Erwartung also...“), тем самым усиливая степень предположения – понятия не просто возможны, а вероятно возможны, ожидаются как возможные. С помощью описательного конъюктива И. Кант также предлагает название для иной логики, которая

⁵ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. С. 142–145.

и будет являться той самой наукой о чистом разуме. Модальность в тексте выражена не только сослагательным наклонением, но и модальным словом “müssen”, в полной мере передаёт смысл конструкции “würde ... heißen müssen”, уже имея в себе интенцию уверенного предположения.

Модальный рисунок текста в немецком языке выражен использованием конъюнктива в косвенных предложениях, описательного конъюнктива и модальных слов. Употребление конъюнктива в придаточных предложениях может обосновываться желанием автора дистанцироваться от высказывания, подчёркивая, что данные рассуждения не просто результат его размышлений, а являются итогом логического хода мысли. Кроме того, конъюнктив в немецком языке может употребляться для стилистического оформления произведения, а также при выражении всевозможных предположений, возможностей, пожеланий.

При высокой насыщенности текста средствами выражения модальности вероятности общая тональность текста всё же определяется как логизированная, объективная. Все главные выводы параграфа, сделанные автором, характеризуются чёткостью и последовательностью изложения в изъявительном наклонении.

Итак, модальная детерминация событий указанного текстового фрагмента определяется как объективная, архитектоника текста – односистемная (отсутствие подсистем персонажей), полимодальная (разные системы модальности), неоднородная (модальные глаголы, модальные слова, конъюнктив) и насыщенная модальными средствами.

В главе “Der Kanon der reinen Vernunft” («Канон чистого разума»)⁶ модальность текста в основном характеризуется употреблением модальных глаголов. Анализируемый отрывок определяется уверенными интонациями, чёткостью и последовательностью изложения.

Автор описывает особенности функционирования чистого употребления разума, подчёркивая необходимость использования им некой дисциплины, модальными глаголами: „sie diese Disziplin selbst ausüben **kann** und **muß**“. Несмотря на использование оценочных слов и фраз, таких как “demütigend” («унизительно»), “erhebt” («возвышает») или “gibt ihr ein Zutrauen zu sich selbst” («возвращает ему доверие к себе»), тональность повествования в контексте воспринимается как объективная и логичная, что обусловлено спецификой философской тематики, находящейся на грани научной абстрактности и художественной образности. Так, придя к выводу, что противник ограничен в притязаниях на спекулятивное употребление разума, т. е. каждый сам использует для своего разума «дисциплину», т. е. сам определяет функционирование спекулятивного мышления, автор прибегает к использованию конъю-

⁶ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. С. 998–1001.

юнктива в придаточных предложениях, чтобы передать условность данного вывода: „alles, was ihr noch von ihren vorher übertriebenen Forderungen übrig bleiben **möchte**, gegen alle Angriffe sicher stellen **könne**«. При этом в первом случае употреблён конъюнктив 2 глагола “mögen”, что непосредственно передаёт условность ситуации, в которой могли бы остаться какие бы то ни было требования к разуму; во втором же случае используется конъюнктив 1 “können”, отражающий косвенную принадлежность к высказыванию.

Вывод первого абзаца, где дважды встречаются модальные слова (vielleicht, wohl), предваряет замечание автора. Эти модальные маркеры конкретно этой ремарке придают характер субъективности и оценочности, однако далее в индикативе изложен вывод, „das stille Verdienst **hat** [Philosophie der reinen Vernunft], Irrtümer zu verhüten“. Таким образом, модальностью предположения и субъективности обладает лишь та часть предложения, что несёт в себе наименьшую информативность „**vielleicht** einzige Nutzen ... ist ... **wohl** nur negativ“, а также определение заслуги как скромной – das stille Verdienst, – основная же мысль, являющаяся результатом предшествующих размышлений, изложена последовательно, чётко, логично. В следующей части параграфа И. Кант утверждает, что где-то «должен ... существовать источник положительных познаний» („**muß** es doch irgendwo einen Quell von positiven Erkenntnissen geben“). Модальность долженствования передана глаголами “müssen” в немецком языке. После утверждения следует предположение автора, выраженное с помощью модального слова “vielleicht”, а также формулировки “durch Mißverständnis”. Другими словами, читатель получает информацию об объективном существовании источника положительных знаний, остальная же информация имеет модальность предположения и по смыслу несёт в себе наименьшую информативную ценность рассматриваемого отрывка.

Далее вновь появляются нехарактерные для научного текста интонации. Продолжая размышления об источнике положительных познаний, И. Кант задаёт вопрос, наличие которого уже свидетельствует о некоторой гипотетичности высказывания: „Denn welcher Ursache **sollte** sonst **wohl** die nicht zu dämpfende Begierde, durchaus über die Grenze der Erfahrung hinaus irgendwo festen Fuß zu fassen, zuzuschreiben sein?“ – выражена инфинитивной конструкцией в конъюнктиве с модальным глаголом “sollen”, а также с помощью модальной частицы “wohl”. Несмотря на повествовательный тип следующих предложений, представляющих собой косвенный ответ на поставленный вопрос, и их объективную тональность, представляется возможным определить субъективные элементы высказываний с помощью модальных акцентов в них:

– „Sie **ahndet** Gegenstände, die ein großes Interesse für sie bei sich führen“ – глагол “ahn(d)en”⁷, имеющий значения «догадываться», «подозревать», «пред-

⁷ Goethe-Wörterbuch // Wörterbuchnetz : [сайт]. URL: <https://clck.ru/dXFgG> (дата обращения: 23.04.2020).

угадывать», «предвидеть», характеризует модальность высказывания как предположение. Контекстуально автор утверждает, что эта способность разума является объективной, поэтому повествование ведётся в индикативе, однако характер значения глагола “ahn(d)en” придаёт повествованию оттенок релятивности, что обусловлено спецификой исследуемого вопроса и является типологической особенностью философского текста.

– „Sie **tritt** den Weg der bloßen Spekulation an, um sich ihnen zu **nähern**; aber diese **fliehen** vor sie“ – использование глаголов “nähern” по отношению к разуму и “fliehen” – к спекуляции придаёт содержанию предложения характер художественности, образности и так же, как контекстуальная модальность предыдущего предложения, определяет специфику анализируемой темы.

– „**Vermutlich** wird auf dem einzigen Wege, der ihr noch übrig ist, nämlich dem des praktischen Gebrauchs, besseres Glück für sie **zu hoffen sein**“ – модальность предположения задана в начале предложения модальным словом “vermutlich” (со значением «предположительно», «вероятно»), а также пассивной конструкцией „sein+zu+Infinitiv” в будущем времени.

Последняя часть анализируемого параграфа, в которой И. Кант делает выводы по изложенным размышлениям, имеет более объективный характер повествования, модальный рисунок менее выражен. В первом предложении последнего абзаца философ вводит определение канона, уточняя при этом, что это его понимание (“Ich verstehe unter einem Kanon...”). Повествование от первого лица, на первый взгляд, придаёт содержанию оттенок субъективности, однако контекстуально ясно, что данное терминологическое уточнение обусловлено многозначностью термина «канон», а не отношением автора к рассматриваемому понятию. Исходя из данного определения, далее в тексте даются характеристики общей и трансцендентальной логик с позиции понимания «канона», после чего автор логически возвращается к началу абзаца для ввода нового тезиса, в котором вновь проявляется модальность вероятности: „Wo aber kein richtiger Gebrauch einer Erkenntniskraft möglich ist, da gibt es keinen Kanon”. Следствием приведённого утверждения становится невозможность синтетического познания «чистого разума в его спекулятивном употреблении» („alle synthetische Erkenntnis der reinen Vernunft in ihrem spekulativen Gebrauche ... **unmöglich**”). Модальность действительности подчеркнута автором с помощью логической связки, являющейся связующим элементом повествования в композиционное целое: “nach allen bisher geführten **Beweisen**”. Обозначая предшествующие размышления словом “Beweisen” («доказательства»), И. Кант вновь придаёт тексту научное оформление, несмотря на все использованные ранее модальные средства выражения вероятности, предположения, возможности, а также несмотря на использование слов, придающих тексту оттенок художественности.

В завершении параграфа философ пишет, что в следующем разделе речь пойдёт о практическом употреблении разума. «Folglich, wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt, in welchem Fall es auch einen Kanon derselben geben muß, so wird dieser nicht den spekulativen, sondern den praktischen Vernunftgebrauch betreffen, den **wir** also jetzt untersuchen **wollen**». При этом автор использует местоимение “wir” («мы»), которое придаёт тексту характер научного повествования (типологической особенностью которого является употребление местоимения первого лица множественного числа в качестве объективированной позиции), а также модальный глагол “wollen”, характеризующий тональность высказывания как субъективную.

Таким образом, весь текст пронизан объективными и субъективными проявлениями модальности, что созвучно позиции О. А. Донсковой, предполагающей изначально субъективную модальность любого текста [6]. Действительно, несмотря на последовательное и логичное описание И. Кантом процессов функционирования чистого разума и объективную в общем контексте тональность повествования, у читателя так или иначе создаётся представление, что изложенная концепция является отражением особенностей мышления и мировосприятия конкретного философа. В случае, если бы философский текст представлял собой абсолютно объективное отражение фактов и событий реального мира, история философии не была бы настолько богата различными школами, направлениями и мыслителями. С другой стороны, задача философии вполне конкретна и направлена на решение насущных онтологических и гносеологических вопросов, поэтому философский текст не может содержать в себе лишь субъективную модальность, а должен по преимуществу обладать такими типологическими чертами, как логичность, чёткость, и по возможности отражать реальное положение вещей, касающихся как физического, так и спекулятивного пространства.

Как показывает анализ отрывка “Der Kanon der reinen Vernunft” («Канон чистого разума»), модальная архитектура этого философского текста характеризуется теми же признаками, что и другие проанализированные отрывки философского труда И. Канта, т. е.:

- объективностью;
- односистемностью (наличием только автора повествования);
- полимодальностью (использованием лексических и грамматических средств модальности);
- неоднородностью (наличием в тексте модальных слов и глаголов, конъюнктива);
- насыщенностью модальными средствами, –
которые можно отнести к типологическим признакам категории модальности философского текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование сослагательного наклонения в философском тексте обусловлено лишь спецификой немецкого языка, а также задачей автора подвергнуть критическому исследованию человеческий разум. Несмотря на вполне конкретную цель, а именно попытку И. Канта решить парадокс научного знания, которое невозможно, средства достижения этой цели лежат в области абстракции, где, помимо логичных рассуждений, автору приходится обращаться к гипотезам и предположениям, т. к. путём физического опыта или эксперимента необходимое знание касательно способностей чистого разума получить нельзя. Поэтому философ вынужден опираться только на размышления, через которые он приходит к выводу, что т. к. научное знание – это знание причинно-следственных связей и человечество пользуется благами науки, то, стало быть, помимо чувств существует и способность, помогающая приобрести каким-то знаниям статус научности. Другими словами, как человек, наделённый субъективным восприятием и переживаниями, способен постигать объективные факты и выводить из них объективные знания. Помимо основной модальности реальности в философском тексте содержится большое количество модальных средств выражения предположения, что, несомненно, также можно отнести к типологическим особенностям философского текста. Категорию модальности можно считать доминантной в философском тексте и содержащей в себе субъективную составляющую, которая обусловлена взглядами и мировоззрением философа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаева Ф. А. Модальность как лингвистическая категория (на материале английского и туркменского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 47 с.
2. Валиев Д. Ф., Егорова Ю. А. Философия и наука: сходства и отличия // Материалы II Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» : [сайт]. URL: <http://files.scienceforum.ru/pdf/2010/article727.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).
3. Виноградов В. В. Грамматика русского языка. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 703 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 144 с.
5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
6. Донскова Е. Ю. Субъективная модальность в художественном тексте: феноменологический статус и прагматический потенциал // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 94–102.

7. Кривоносов А. Т. О семантической природе модальных частиц // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1982. № 5. С. 50–58.
8. Кука И. Ю. Функционально-содержательная роль модальных частиц в текстах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (конец XVIII – середина XIX века) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2018. № 1. С. 35–43.
9. Левченко М. Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей. Типологический аспект. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 240 с.
10. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. 1978. № 3. С. 6–9.
11. Серебрякова А. Ю. Особенности представления категории персональности в философских текстах И. Канта и их переводах на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
12. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта, 2010. 132 с.
13. Шведова Н. Ю. Синтаксическое время // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 6. С. 88–97.

REFERENCES

1. Agaeva F. A. *Modal'nost' kak lingvisticheskaya kategoriya (na materiale angliiskogo i turkmenskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modality as a linguistic category (on the material of the English and Turkmen languages) : abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Baku, 1990. 47 p.
2. Valiev D. F., Yegorova Yu. A. [Philosophy and the Science: Similarities and the Differences]. In: *Materialy II Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii «Studencheskii nauchnyi forum»* [Materials of the II International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"]. Available at: <http://files.scienceforum.ru/pdf/2010/article727.pdf> (accessed: 16.12.2019).
3. Vinogradov V. V. *Grammatika russkogo yazyka. T. 2* [Grammar of the Russian language. Vol. 2]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1954. 703 p.
4. Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2004. 144 p.
5. Gulyga E. V., Shendels E. I. *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical-lexical fields in modern German]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 184 p.
6. Donskova E. Yu. [Subjective modality in fiction text: phenomenological status and pragmatic potential]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of southern Federal University. Philology], 2016, no. 1, pp. 94–102.
7. Krivonosov A. T. [On the semantic nature of modal particles]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific Essays of Higher Education. Philological Sciences], 1982, no. 5, pp. 50–58.
8. Kuksa I. Yu. [Modal particles, their function and meaning in the texts of the "St. Peterburg Vedomosti" newspaper (late 18th – mid 19th centuries)]. In: *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Immanuel Kant Baltic Federal University Vestnik], 2018, no. 1, pp. 35–43.

9. Levchenko M. N. *Interpretatsiya teksta i ego grammaticheskikh modelei. Tipologicheskii aspekt* [Interpretation of text and its grammatical patterns. Typological aspect]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013. 240 p.
10. Moskal'skaya O. I. [Text as a linguistic notion]. In: *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978, no. 3, pp. 6–9.
11. Serebryakova A. Yu. *Osobennosti predstavleniya kategorii personal'nosti v filosofskikh tekstakh I. Kanta i ikh perevodakh na russkii yazyk : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Peculiarities of the presentation of the category of personality in the philosophical texts of I. Kant and their translations into Russian : abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 2005. 24 p.
12. Solganik G. Ya. *Ocherki modal'nogo sintaksisa* [Essays on modal syntax]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 132 p.
13. Shvedova N. Yu. [Syntax time]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific Essays of Higher Education. Philological Sciences], 1978, no. 6, pp. 88–97.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021

Статья размещена на сайте: 17.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: prof_levchenko@mail.ru

Marina N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head at the Department of German Philology, Moscow Region State University; e-mail: prof_levchenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Левченко М. Н. Модальность философского текста // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Levchenko M. N. Modality of philosophical text. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'13

Савицкая Е. В.*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67, Российская Федерация*

К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН»

АННОТАЦИЯ

Цель. Уточнение и дальнейшая разработка понятия «когнитивный паттерн», выявление роли когнитивных паттернов в моделировании действительности с помощью языка.

Процедура и методы. В работе применялись методы этимологического анализа, логического анализа понятий, анализа словарных дефиниций, а также процедура целенаправленной выборки языкового материала.

Результаты. В работе показаны культурно-историческая преемственность и структурный параллелизм предметно-практического и абстрактно-теоретического языкового мышления. Продемонстрировано, что названия отвлечённых понятий восходят к названиям материальных предметов.

Теоретическая значимость. Полученные данные могут способствовать выявлению корреляции между особенностями сенсорного восприятия мира и спецификой научного моделирования мира языковыми средствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конкретно-образное языковое мышление, абстрактно-теоретическое языковое мышление, когнитивный субстрат языкового мышления, когнитивный паттерн, лингвокультурный код

СТРУКТУРА

Введение

Разработка понятия «когнитивный паттерн»

Когнитивный паттерн «плотность – рыхлость»

Когнитивный паттерн «сила – слабость»

Заключение

E. Savitskaya*Samara State University of Social Sciences and Education
ul. Maksima Gor'kogo 65/67, Samara 443099, Russian Federation*

THE NOTION OF COGNITIVE PATTERN: A RATIONALE

ABSTRACT

Aim. The aim of the research is to clarify and further develop the notion of a cognitive pattern and ascertain the role of cognitive patterns in modelling reality by language means.

Methodology. In the course of the research the author applied the methods of etymological analysis, logical analysis of notions, analysis of dictionary definitions and the procedure for purposeful sampling of language material.

Results. The analysis revealed historical continuity and structural parallelism of eidetic and abstract verbal thinking. It was shown that designators of abstract notions ultimately go back to names of material objects.

Research implications. The data obtained can contribute to revealing the correlation between peculiarities of sensory perception of reality and the specificity of scientific modelling of the world by language means.

KEYWORDS

eidetic verbal thinking, abstract verbal thinking, cognitive substrate of verbal thinking, cognitive pattern, linguocultural code

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы уточнить и содержательно обогатить понятие «когнитивный паттерн», которое, как показывают наблюдения, весьма удобно и конструктивно для установления и описания тех способов, которыми осуществляется моделирование действительности языковыми средствами. Для достижения названной цели в нашей статье использовались методы этимологического анализа, логического анализа понятий, анализа словарных дефиниций и процедура целенаправленной выборки языкового материала, с помощью которого выявлены культурно-историческая преемственность и структурная аналогия наглядно-образного и абстрактно-теоретического языкового мышления. На примерах показано, что названия отвлечённых понятий этимологически восходят к названиям физических предметов. Полученные результаты могут помочь установить характер соотношения между спецификой чувственного восприятия мира и особенностями его научного моделирования с помощью языка.

Исследователи многократно указывали на наличие преемственности и структурной аналогии между предметно-практической деятельностью с одной стороны и абстрактно-теоретической деятельностью с другой. В частности, В. И. Ленин, опираясь на гегелевскую «Науку логики», указал: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют ... аксиоматический характер ... в силу этого миллиардного повторения»¹. Новые мыслительные структуры эволюционируют, сохраняя в своей основе старые в виде культурно-исторических слоёв языковой семантики. Старые структуры, служа основой для более новых, в своей тотальности образуют когнитивный субстрат языкового мышления – набор сформировавшихся на практике, находящихся в русле здравого смысла представлений о каузальных и других взаимосвязях предметов

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М.: URSS, 2019. С. 188.

и явлений; а, кроме того, мифологические образы, предрассудки и поверья, также наследуемые генетическим путём сведения о мире.

РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЯ «КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН»

Вышеназванное понятие «когнитивный субстрат языкового мышления» имеет обобщающий характер, относится к языку в целом. Однако когнитивный субстрат подразделяется на сегменты, заключающие в себе представления культурно-языкового коллектива о структуре отдельных участков действительности. Для их обозначения нужно выбрать термин. Проанализировав подборку синонимичных терминов когнитивной науки (*скрипт, прототип, когнитивная установка, фрейм-сценарий, семантический архетип, когнитивный элемент*), мы выбрали название *когнитивный паттерн*, который сочли самым удачным в этом ряду.

Английское существительное *pattern* «схема, образец, модель, шаблон» стало термином на заре XX столетия [4, с. 65] и было заимствовано рядом языков, в том числе русским. В порядке обзора отметим: данный термин применяется в культурной антропологии [4], когнитивной психологии [8; 9], теории распознавания образов [10] и ряде других отраслей науки. В этих отраслях он интерпретируется в той или иной мере по-разному, однако имеется и смысловой инвариант: под паттерном подразумевается свойственный этносу мыслительный стереотип, который определяет идентичность этноса, блокирует этническую диффузию и обуславливает специфику культурного и социального поведения, которое характерно для представителей данного этноса. Этнолог Л. Н. Гумилёв считал стереотип этносообразующим признаком: «Каждый этнос имеет свою внутреннюю неповторимую структуру и стереотип поведения»².

Учёные выделяют психологические, социальные, культурные и иные паттерны. Нас интересуют прежде всего когнитивные паттерны, которые содержат коллективные представления о мире.

В современной науке под когнитивным паттерном обычно понимается «совокупность ... взаимно-сопряжённых отношений между объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира ... Когнитивные паттерны – это модели познания действительности, ... модели знания и мышления, набор правил и критериев. Когнитивные паттерны являют собой базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение реальности, будучи точкой отсчёта в осмыслении мира» [1, с. 5]. Приведённая трактовка термина *когнитивный паттерн* соответствует нашим теоретическим представлениям, но, как станет видно из дальнейшего

² Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Litres, 2021. С. 98.

изложения, мы конкретизировали смысловое наполнение этого термина в применении к нашей теме.

По антропологическим данным, в процессе эволюции человеческое мышление, до того как обрело абстрактно-теоретический характер, прошло стадии наглядно-действенного и конкретно-образного отображения мира. В ходе развития мышления были унаследованы паттерны, созданные на ранних стадиях; дальнейшие представления наслаивались и продолжают наслаиваться на прежние, образуя их субструктуру. Например, в трудах по генеративной грамматике нематериальные, ненаблюдаемые, абстрактные объекты – синтаксические связи – отображаются путём построения «деревьев зависимости». Под ними подразумеваются графы, похожие на деревья, у которых из ствола произрастают сучья, из сучьев – ветви, а от ветвей отходят побеги. Следует добавить: в рамках генеративистики используется и такой когнитивный паттерн, куда, кроме графа «дерево» (англ. *tree*), включён также граф «виноградная лоза» (*vine*); оба графа содержат такие элементы, как «корень» (англ. *root*), «ветви» (англ. *branches*), «листья» (англ. *leaves*) [2, с. 43–69].

Образ дерева принадлежит к числу наиболее архаичных символических архетипов, хранящихся в культурной памяти народов. В наше время он применяется как инструмент классификации во многих абстрактных областях науки. Не случайно русское слово *древний*, по сведениям из этимологического словаря³, восходит к старославянскому слову *дрѣво*: долговечность деревьев по сравнению с жизнью людей вызвала представление о деревьях как о свидетелях далёкого прошлого. В английском языке идея долговечности тоже передаётся с помощью образа древа, правда, не всякого, а только райского; этот образ содержится в компаративном обороте *as old as the Eden tree* (букв. «старый, как древо Эдема»). Именно это мы имеем в виду, когда говорим о когнитивных паттернах языкового мышления: конкретно-наглядный образ гомоморфно отображает (моделирует) ряд абстрактных тематических областей.

Когнитивные паттерны – многогранное явление, которое можно изучать с различных точек зрения: с позиций теории знаков, теории моделей, гносеологии, генеративистики. В каждом из вышеперечисленных ракурсов они видятся несколько по-разному.

В частности, с позиций семиотики культуры когнитивные паттерны предстают как **лингвокультурные коды**⁴, под которыми имеются в виду устоявшиеся в этнической культуре системы образов, зафиксированные в значениях единиц языка и выполняющие функцию символов. В роли таких кодов выступают различного рода сенсорно воспринимаемые сферы бытия:

³ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка : [сайт]. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 10.11.2021).

⁴ О них см.: [3; 5; 6; 7] и др.

фауна и флора, звёзды и планеты, погода и климат, природные явления, элементы ландшафта, тело человека, орудия труда, предметы обихода, оружие, жилище и мн. др.

С позиций гносеологии когнитивные паттерны предстают как исходные **модели** тех или иных участков реальности. Над ними с течением времени надстраиваются более новые модели, создаваемые с учётом исходных. Например, исходной является модель трёхмерного физического пространства, известная людям с древнейших времен и лежащая в основе возникших в следующие эпохи моделей математических, семиотических, лингвистических и других многомерных пространств.

Иллюстрируя вышеприведённые положения, обратимся к анализу двух смежных когнитивных паттернов английской лингвокультуры.

КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН «ПЛОТНОСТЬ – РЫХЛОСТЬ»

Как известно, плотность материальных предметов имеет витальное значение для людей. Оценка данного свойства носит амбивалентный характер. С одной стороны, плотные (твёрдые, жёсткие, крепкие, прочные) предметы могут служить эффективными орудиями в тех или иных ручных операциях, а также защитой от внешних воздействий; прочные изделия долговечны и надёжны в эксплуатации. С другой стороны, твёрдые предметы могут преграждать доступ к нужным вещам, а кроме того, они могут быть опасны своим вредоносным физическим воздействием.

Неоднозначна оценка и нетвёрдых предметов. Они могут служить целям амортизации и хорошо поддаются обработке (позитивные качества), но в то же время хрупкий лёд, болотная трясина и т. п. могут предательски подвести, а непрочные изделия легко выходят из строя (негативные качества). Эта оценка переносится на явления, недоступные для чувственного восприятия. Наглядные представления о плотности моделируют различные абстрактные тематические области.

• Во-первых, это область **личностных свойств**. Их большая сила, высокая устойчивость и резистентность к противодействующим факторам передаются с помощью образов большой плотности, твёрдости, прочности. Это отражено в английских устойчивых словосочетаниях:

stony indifference “каменное равнодушие”

stony calmness “неколебимое спокойствие”

inflexible pride “непреклонная гордость”

dense stupidity “непрошибаемая тупость”

dense ignorance “дремучее невежество”

hard callousness “жестокое бессердечие”

hard domination “суровая властность”

harsh brutality “беспардонная грубость”

rigid honesty “непогрешимая честность”

- Во-вторых, это область **эпистемических состояний**, вида когнитивных состояний, которые связаны с оценкой достоверности информации (вера, убеждённость, уверенность, полагание, мнение, сомнение и т. п.). Высокая степень твёрдости служит показателем того, что субъект считает высоко достоверной ту или иную информацию или глубоко предан каким-либо идеалам и принципам:

inflexible fidelity / loyalty / devotion “непоколебимая верность / преданность”

rigid trust / confidence / obedience “безоговорочное доверие / подчинение”

hard / steadfast adherence / bigotry “твёрдая приверженность / фанатизм”

firm / solid evidence / proof / testimony “надёжное свидетельство / резон”

firm belief / faith / conviction / assurance “твёрдая вера / убеждение”

solid argument / considerations “солидный аргумент / соображения”

- В-третьих, область **волевых качеств** и **интенциональных состояний**. Высокая степень их проявления символизируется представлениями о большой прочности:

inflexible insistency / obstinacy “непоколебимая настойчивость / упрямство”

firm resoluteness / determination / decision “твёрдая решимость / решение”

to fall hard on smb. “обрушиться на кого-л. (с обвинениями и т. п.)”

to drive smb. hard “наседать на кого-л., упорно настаивать”

unwavering tenacity “непреклонное упорство”

tough character “твёрдый / крутой характер”

firm / iron will “твёрдая / железная воля”

solid decision “твёрдое решение”

- В-четвёртых, это область **социальных норм**:

firm / tight control / discipline “строгий контроль, жёсткая дисциплина”

rigid principles / conformity “строгие принципы / соответствие”

rigorous justice / law “суровая справедливость, строгий закон”

tough / harsh restrictions “строгие ограничения”

inflexible rule “нерушимое правило”

- В-пятых, область различных **интеракций**, подразумевающих высокую резистентность и стабильность:

stiff examination / opposition “тщательный осмотр, мощное противостояние”

tough embargo / restrictions / sanctions “строгое эмбарго / ограничения”

solid backing / firm support “твёрдая поддержка”

tough competition “ожесточённая конкуренция”

tough resistance “упорное сопротивление”

rigid denial “категорическое отрицание”

harsh punishment "суровое наказание"
hard resentment "бурное негодование"
firm / hard defence "стойкая защита"
harsh penalty "строгое взыскание"
harsh insult "грубое оскорбление"
solid union "прочное единство"
rigid test "строгая проверка"

Английские прилагательные, буквально обозначающие неплотность, непрочность, тоже употребляются с названиями явлений, входящих в вышеперечисленные тематические области. В фигуральном смысле они обозначают низкую степень проявления соответствующих признаков:

loose morals "свободные нравы, моральная распущенность"
malleable person "податливый (букв. ковкий) человек"
infirmary "слабохарактерность" (букв. "нетвёрдость")
flaccid character "слабый (букв. дряблый) характер"
slack discipline "слабая, расшатанная дисциплина"
fragile relations "непрочные отношения"
flabby guy (ср. рус.: *тряпка, а не мужик*)
soft character "мягкий характер"
mild reproach "мягкий упрёк"

• В этой связи следует упомянуть и **качества текстов** (художественных, публицистических и т. п.). Эти качества метафорически характеризуются как плотность или рыхлость:

sturdy / slack architectonics "строгая / рыхлая архитектура"
rigid / loose composition "жёсткая / шаткая композиция"
tight / flabby plot "крепко скроенный / вялый сюжет"

Итоги вышеприведённых наблюдений сведены воедино в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Предметные области, моделируемые через образ плотности – рыхлости
 / Subject areas modeled through the image of density – looseness

Личностные свойства		Волевые качества	
Убеждения	Плотность – Рыхлость		Социальные нормы
Интеракции		Качества текстов	

КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН «СИЛА – СЛАБОСТЬ»

Сила (в физическом смысле) определяется как «векторная величина, являющаяся мерой механического взаимодействия материальных тел между

собой»⁵. Понятие силы тесно связано с рядом тематически близких понятий. Так, вес в механике рассматривается как **сила** тяжести; прочность – как **сила** сопротивления разрушению или **сила** упругости; твёрдость – как **сила** противодействия вдавливанию. Их взаимная связь отражена в семантических структурах соответствующих английских слов:

strong – “сильный”, но, кроме того, “прочный” (*strongbox* “сейф”), “крепкий” (*strong build* “крепкое телосложение”), “твёрдый” (*stronghold* “твердыня”);

heavy – “тяжёлый”, но, кроме того, “сильный” (*heavy blow / storm* “сильный удар / шторм”), “густой” (*heavy fog* “густой туман”), “интенсивный” (*heavy traffic* “интенсивное дорожное движение”);

hard – “крепкий”, но, кроме того, “сильный” (*hard blow* “сильный удар”), “тяжёлый” (*hard burden* “тяжёлая ноша, тяжкое бремя”).

Совпадение некоторых значений у этих слов приводит к тому, что они оказываются взаимозаменяемыми в ряде устойчивых словосочетаний:

strong / forceful = weighty argument / reason (сильный = весомый аргумент)

strong = firm will / determination (сильная = твёрдая воля / решимость)

strong = firm confidence / hope / faith / belief (сильная = крепкая вера)

strong = heavy blame / guilt / responsibility (сильная = тяжкая вина)

strong = heavy = hard pressure / blow (сильный = тяжёлый удар)

strong = heavy grief / sorrow / distress (сильное = тяжкое горе)

Тяжесть, прочность и сила связаны, взаимообусловлены и образуют комплекс физических параметров предмета. Как видно из примеров, эта взаимосвязь отражена в семантической системе английского языка.

Представления о физической силе переносятся на абстрактные области. В этих случаях физическая сила символизирует интенсивность проявления того или иного свойства нематериального объекта. Эпитеты со значением «сильный» (*strong, mighty, overpowering, powerful*) сопровождают названия, перечисляемые ниже.

- Во-первых, это названия **эмоциональных состояний**:

strong affection, attachment, aversion, detestation, dislike, emotion, excitement, feeling, grief, hate, love, passion, pleasure, repugnance, sensation, sentiment, sorrow, enjoyment, yearning (привязанность, отвращение, волнение, горе, ненависть, любовь, удовольствие, тоска)

mighty indignation, impression, interest (возмущение, впечатление, интерес)

overpowering grief, sorrow, rage, passion (скорбь, ярость, страсть)

powerful emotion, joy, anger (эмоция, радость, гнев)

- Во-вторых, это названия **эпистемических состояний**:

strong belief, conviction, doubt, faith, hope, knowledge, trust, interest, reliance, assurance (вера, убеждённость, сомнение, надежда, знание, уверенность)

⁵ Мудров А. Г. Теоретическая механика. Казань: КГУ, 2018. С. 7.

- В-третьих, это названия **интенциональных состояний**:
strong concern, interest, will, inclination, temptation, urge, desire, resolution, determination (озабоченность, намерение, соблазн, желание, решимость)
powerful motivation (побуждение, мотивация)
mighty determination (устремлённость)
- В-четвёртых, это названия **ментальных качеств и способностей**:
powerful imagination, intelligence, wit, memory (воображение, смекалка, сообразительность, память)
strong thinking, character, personality (мышление, характер, личность)
mighty mind, wittiness, inspiration (ум, остроумие, вдохновение)
puissant / potent intellect (интеллект)
- В-пятых, это названия **действий**, совершаемых в рамках **социальных интеракций**:
strong argument, challenge, competition, criticism, demand, denial, opposition, pressure, support, tempting (дискуссия, соревнование, критика, требование)
powerful argument, effect, influence (дискуссия, воздействие, влияние)
forceful argument, statement, preaching (спор, утверждение, проповедь; отказ, противодействие, давление, поддержка, подстрекательство)
herculean feat, undertaking, labors (подвиг, деяние, затея, труды)
mighty effort (усилие)
- В-шестых, названия разных **ментальных и социокультурных явлений**:
strong reason, cause, advantage, difference, evidence, guilt, unity (причина, цель, преимущество, различие, свидетельство, вина, единство)
powerful conception, reason, tendency (концепция, обоснование, тенденция)
forceful attack, offensive (нападение, наступление)
mighty crisis, change (кризис, изменение)
herculean task, labors (задача, труды)

Обратимся далее к понятию «слабый». Оно выражается лексическим полем, которое содержит прилагательные, этимологически восходящие к лексическим основам со значениями «гнутый», «скрученный», «шаткий», «ненапрянутый», «бессильный», «податливый», «отвислый», «сломанный», «мягкий»: *weak, feeble, faint, loose, lax, slack, frail, fragile, puny, effete, anemic, flimsy, limp, impotent, flaccid, reckling, pithless, dicky, languid, sluggish* и др. В своей совокупности эти значения выражают комплекс физических параметров слабости.

В английской лингвокультуре представление о физической слабости экстраполируется преимущественно на те же социальные, культурные и ментальные явления, что и представление о силе: *weak memory* (слабая память), *pithless character* (податливый характер), *faint heart* (нестойкий дух), *flimsy evidence* (слабое доказательство) *slack discipline* (расхлябанная дисциплина),

weak excuse (слабое оправдание), *impotent mind* (слабый ум), *loose morals* (распущенные нравы), *sluggish market* (вялая торговля), *feeble campaign* (вялая кампания), *fragile economy* (неустойчивая экономика) и др.

Такие представления выражены также в устойчивых оборотах речи: *weak spot / chink in smb.'s armour* (букв. прореха в броне) “уязвимый пункт” *be weak in smth.* (букв. быть слабым в чём-л.) “плохо разбираться в чём-л.” *weak / broken / bruised reed* (букв. сломанная трость) “ненадёжная опора” *weak tea* (букв. слабый чай) “нечто невыразительное, невпечатляющее” *paper tiger* (букв. бумажный тигр) “нечто с виду опасное, но нестойкое” *serve as a doormat for smb.* (ср. рус.: *о кого-либо ноги вытирают*) *colossus on the feet of clay* (ср. рус.: *коLOSS на глиняных ногах*) *weak link* “слабое звено (в аргументации и т. п.)”

Семантическим инвариантом вышеперечисленных эпитетов является “низкая интенсивность выраженности признака / малая способность к выполнению функции”. Как правило, эти эпитеты несут в себе негативную оценку: слабая память – это плохая память, шаткое доказательство – это плохое доказательство, слабое звено – ненадёжное звено, сломанная трость – плохая опора и т. п. Исключением служит оборот *to have a weakness for smb.* (ср. рус.: *питать слабость к кому-л.*) “чувствовать благорасположение / влечение к кому-л.”. В этом обороте речи под слабостью подразумевается неспособность устоять перед чьей-либо привлекательностью. Упомянутая неспособность **не** расценивается как нечто отрицательное.

Итоги вышеприведённых наблюдений сведены воедино в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Предметные области, моделируемые через образ силы – слабости /
Subject areas modeled through the image of strength – weakness

Эмоциональные состояния		Социокультурные явления	
Ментальные качества	Сила – Слабость	Убеждения	
Действия		Интенциональные состояния	

Сравнение позволяет убедиться, что спектр предметных областей, на которые распространяется образ силы – слабости, имеет много общего со спектром областей, на которые распространяются образы тяжести – лёгкости и прочности – рыхлости. В ряде случаев вышеупомянутые образы функционально эквивалентны:

strong (сильное) = *hard* (весомое) = *firm* (твёрдое) *conviction* (убеждение)
strong (сильное) = *stony* (каменное) = *heavy* (тяжкое) *grief* (горе)
faint (слабый) = *slight* (лёгкий) = *mild* (мягкий) *reproach* (упрёк)

Их взаимозаменяемость объясняется тем, что вышеназванные бытийные признаки предметов причинно связаны друг с другом: большая / малая плотность предмета обуславливает его большой / малый вес, который, в свою очередь, обуславливает большую / малую потенциальную энергию (силу), заключённую в предмете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, вышеприведённые примеры демонстрируют историческую преемственность и структурную аналогию предметно-практического и абстрактно-теоретического мышления. Этимологические изыскания дают возможность установить, что практически все десигнаторы отвлечённых понятий, в конечном счёте, восходят к названиям материальных предметов и явлений. Это свидетельствует о том, что сенсорно-наглядное мышление до конца не «отпускает» от себя абстрактное мышление, оставаясь его когнитивным субстратом. Люди моделируют ненаблюдаемые сферы бытия с помощью привычных сенсорных представлений об окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М.: URSS, 2010. 224 с.
2. Домнин Л. Н. Элементы теории графов. Пенза: Пензенский государственный университет, 2007. 144 с.
3. Дукальская И. В. Лингвокультурный код как средство формирования коммуникативной компетенции // Альманах современной науки и образования. 2011. № 4. С. 128–129.
4. Зайдадь Т. В. Паттерн как объект исследования культурной антропологии // Искусство и культура. 2017. № 1. С. 65–68.
5. Молчкова Л. В. Лингвокультурные коды как моделирующая, регулирующая и речепорождающая система // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 11. С. 147–153.
6. Папшева А. В. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 3. С. 492–494.
7. Савицкий В. М. Элементы теории кодов: гуманитарные аспекты. Самара: СГСПУ, 2021. 144 с.
8. Cognitive Patterns: Problem-Solving Frameworks for Object Technology: Advances in Object Technology (SIGS: Managing Object Technology, Series Number 14) / K. M. Gardner, A. R. Rush, V. Crist, R. Konitzer, B. Teegarden. New York: SIGS, 1998. 249 p.
9. Shugen W. Framework of Pattern Recognition Model Based on Cognitive Psychology // Geo-spatial Information Science. 2002. № 5. P. 74–78.
10. Youguo Pi, Wenzhi Liao, Mingyou Liu. Theory of Cognitive Pattern Recognition. Taiwan: National Chi Nan University, 2008. 638 p.

REFERENCES

1. Baksanskii O. E., Gnatik E. N., Kucher E. N. *Nanotekhnologii, biomeditsina, filosofiya obrazovaniya v zerkale mezhdistitsiplinarnogo konteksta* [Nanotechnology, biomedicine, philosophy of education in the mirror of interdisciplinary context]. Moscow, URSS Publ., 2010. 224 p.
2. Dornin L. N. *Elementy teorii grafov* [Elements of graph theory]. Penza, Penzenskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2007. 144 p.
3. Dukalskaya I. V. [Linguistic and cultural code as a means of forming communicative competence]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2011, no. 4, pp. 128–129.
4. Zaidal T. V. [Pattern as a subject of cultural anthropology research]. In: *Iskusstvo i kul'tura* [Art and culture], 2017, no. 1 (25), pp. 65–68.
5. Molchkova L. V. [Linguocultural codes as a modeling, regulative and generative system]. In: *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Journal of Social Sciences], 2011, no. 11 (14), pp. 147–153.
6. Papsheva A. V. [The use of "code category in linguocultorology]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 3, pp. 492–494.
7. Savitskii V. M. *Elementy teorii kodov: gumanitarnye aspekty* [Elements of code theory: humanitarian aspects]. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education Publ., 2021. 144 p.
8. Gardner K. M., Rush A. R., Crist V., Konitzer R., Teegarden B. *Cognitive Patterns: Problem-Solving Frameworks for Object Technology: Advances in Object Technology (SIGS: Managing Object Technology, Series Number 14)*. New York, SIGS, 1998. 249 p.
9. Shugen W. Framework of Pattern Recognition Model Based on Cognitive Psychology. In: *Geo-spatial Information Science*, 2002, no. 5, pp. 74–78.
10. Youguo Pi, Wenzhi Liao, Mingyou Liu. *Theory of Cognitive Pattern Recognition*. Taiwan, National Chi Nan University, 2008. 638 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.12.2021

Статья размещена на сайте: 26.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Савицкая Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета; e-mail: lampasha90@mail.ru

Ekaterina V. Savitskaya – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education; e-mail: lampasha90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Савицкая Е. В. К обоснованию понятия «когнитивный паттерн» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Savitskaya E. V. The notion of cognitive pattern: a rationale. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811'42:070

Сажина Е. В.

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
246045, г. Гомель, ул. Советская, д. 104, Республика Беларусь*

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПЕЧАТНЫХ СМИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Построение коммуникативно-когнитивной модели полемиического дискурса печатных СМИ, в рамках которой не просто осуществляется механический процесс обмена сообщениями, а образуется феноменологическое пространство, обладающее определённой структурой, наполненное значением и смыслом.

Процедура и методы. Анализ проводится на материале проблемных статей из британской газеты «The Guardian» общим объёмом 209 печатных страниц, белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» объёмом 212 печатных страниц и откликов на них общим объёмом 15120 печатных страниц. В работе применялись такие методы исследования, как дискурс-анализ, когнитивный метод, контент-анализ и моделирование, способствующие описанию особенностей функционирования языка как социального инструмента, участвующего в репрезентации ментальных процессов, и их результатов в ходе построения языковой модели коммуникации как основы обмена знаниями в рамках исследуемого дискурса.

Результаты. Проведённое исследование позволило представить коммуникативно-когнитивную модель полемиического дискурса печатных СМИ, обладающую как линейными, так и интеракционными аспектами общения, предполагающими наличие этапов стимулирования и ответной реакции в определённом контексте с акцентом на взаимодействие участников полемиического дискурса печатных СМИ.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в теории дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, типологии и т. д., а также могут быть использованы в университетских курсах по концептуальным основам лингвистики, коммуникативистике, дискурсу печатных СМИ и по прочим дисциплинам, имеющим схожие объекты исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коммуникация, когнитивная лингвистика, модель, уровень, полемиический дискурс печатных СМИ, проблемная статья, отклик

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Моделирование коммуникации в полемиическом дискурсе печатных СМИ](#)

[Многоуровневость полемиического дискурса печатных СМИ](#)

[Заключение](#)

A. Sazhyna

Francisk Skorina Gomel State University
ul. Sovetskaya 104, Gomel 246045, Republic of Belarus

THE COMMUNICATIVE-COGNITIVE MODEL OF THE POLEMIC DISCOURSE OF THE PRINT MEDIA

ABSTRACT

Aim. The aim of this research is to build the communicative-cognitive model of the polemic discourse of the print media, within which not a simple mechanical process of messaging takes place, but rather a phenomenological space is formed with its certain structure, filled with meaning and sense.

Methodology. The analysis is based on the material of problem articles from the British newspaper "The Guardian" with a total volume of 209 printed pages and the Belarusian newspaper "SB. Belarus Today" with a volume of 212 printed pages and responses to them with a total volume of 15,120 printed pages. In the work we used such research methods as discourse analysis, cognitive method, content analysis and modeling, which contribute to the description of the features of the functioning of the language as a social tool involved in the representation of mental processes and their results in the course of building a linguistic model of communication as the basis for knowledge exchange within the framework of the discourse under study.

Results. The study made it possible to present the communicative-cognitive model of the polemic discourse of the print media, which has both linear and interactional aspects of communication, suggesting the presence of stages of stimulation and response in a certain context with an emphasis on the interaction of participants in the polemic discourse of the print media.

Research implications. The results obtained contribute to the theory of discourse analysis, cognitive linguistics, communicative linguistics, typology etc., and can also be used in university courses on the conceptual foundations of linguistics, communication science, the print media discourse and other disciplines that have similar objects of study.

KEYWORDS

communication, cognitive linguistics, model, level, polemical discourse of print media, problem article, response

ВВЕДЕНИЕ

Более трёх десятилетий человек как носитель языка и представитель той или иной культуры находится в центре внимания лингвистов и знаменует собой переход от системно-структурной к антропоцентрической парадигме. Кроме того, он всегда был объектом многочисленных исследований в областях лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, коммуникативной лингвистики и др., в рамках которых анализировались «человек в языке и язык в человеке» [1, с. 37].

В рамках антропоцентрического подхода познавательная деятельность человека, её моделирование и интерпретация привлекают всё большее внимание лингвистов, поскольку в силу технического прогресса, глобализации,

цифровизации многочисленных процессов происходит трансформация как коммуникативной деятельности, так и её результата в структурно-функциональном и лингвистическом планах, что требует от исследователей детального изучения таких аспектов общения, как побуждение, цель, информационный обмен, регуляция взаимодействия партнёров по общению и организация взаимного восприятия, взаимной оценки и реакции.

Представляя собой важнейший механизм формирования человека как личности, коммуникация реализуется посредством языка в виде текста, который, вплетаясь в многослойную ткань дискурса, выступает неотъемлемым элементом взаимодействия участников коммуникации и зеркалом когнитивных структур.

Являясь центральным звеном в лингвистических исследованиях, дискурс как «речь, погружённая в жизнь»¹ развивается, изменяется и интересен для исследователей тем, что становится отражением результатов коммуникативной деятельности человека.

Так, активно изучаются языковые особенности различных типов дискурсов, их стилистическая и жанровая специфика, тематическое разнообразие, система убеждений и ценностей, культурное влияние на их вокабулярий и т. д. [3; 6]. В данной статье наше внимание обращено на полемический дискурс печатных СМИ, представляющий собой диалог в рамках печатных СМИ, в ходе которого обсуждается актуальная проблема с целью поиска пути её решения. Данный тип дискурса привлёк внимание исследователей в начале XXI в. в связи с активным переходом прессы на использование таких каналов передачи информации, как интернет, социальные сети. Изучаемый нами полемический дискурс представляет интерес для исследования с точки зрения его коммуникативно-когнитивных аспектов, поскольку коммуникация между его участниками имеет свои специфические особенности отсроченности во времени и пространстве, а также дистанции между коммуникантами. Поэтому целью нашей работы являются изучение коммуникативного поведения с его когнитивными компонентами в рамках полемического дискурса печатных СМИ, его моделирование и последующая интерпретация в рамках типологического исследования. Объектом исследования является коммуникативно-когнитивная модель полемического дискурса.

Анализ проводится на материале проблемных статей британской газеты «The Guardian» общим объёмом 209 печатных страниц, отобранных методом сплошной выборки, белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» объёмом 212 печатных страниц и откликов на них общим объёмом 15120 печатных страниц.

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Методологическую основу исследования составляет критический дискурсивный анализ, который способствует описанию особенностей функционирования языка как социального инструмента. В качестве вспомогательных методов используются когнитивный метод, а также контент-анализ, благодаря которым осуществляется сбор и анализ текстовых данных, языковая репрезентация ментальных процессов и их результатов с целью построения языковой модели коммуникации в рамках полемиического дискурса печатных СМИ [4]. В исследовании также используется моделирование, представляющее собой построение когнитивной модели исследуемого дискурса.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Как известно, существуют различные модели коммуникации, основанные в своём большинстве на базовой «линейной» схеме передачи информации [7], которая со временем была трансформирована в «кодую модель» с добавлением некоторых дополнительных элементов.

Но, поскольку коммуникация не является статичной, в дальнейшем к существующим моделям был добавлен такой элемент, как обратная связь, что позволило также ввести в обиход круговую модель [8]. Однако развитие теории моделирования коммуникативного процесса на этом не остановилось, поскольку требовался учёт каналов обмена информацией и окружающего контекста, в результате чего появились новые модели [9; 10; 11].

С точки зрения исследования дискурса вслед за А. А. Леонтьевым, А. А. Залевской, И. А. Зимней, Ю. В. Данюшиной и др. мы считаем, что коммуникативные модели невозможно представить без учёта таких факторов, как мотив, цель, контекст (условия, место и время общения), а также психологического состояния и социосферы коммуникантов [2; 5, с. 22–40], что имеет своим результатом разнообразие моделей и подходов, подчёркивающих многогранность самой коммуникации, которая рассматривается не как механический процесс обмена сообщениями, а как феноменологическое пространство, где опыт наполняется значением и смыслом, придавая структуру и цельность.

Исходя из трактовки полемиического дискурса печатных СМИ как особого рода коммуникации, мы полагаем возможным применить принципы моделирования коммуникации к моделированию исследуемого нами дискурса, в результате чего мы получим коммуникативную модель, включающую как линейные, так и интеракционные аспекты общения, производство и интерпретацию смыслов в контексте ситуации и делающую упор на взаимодействии коммуникантов в дискурсе. Дискурс при этом понимается как сочетание текста, контекста, экстралингвистических факторов с учётом средств невербального и паравербального общения.

Полемический дискурс печатных СМИ, структурными элементами которого выступают проблемная статья и отклики на неё, в линейном виде может быть представлен следующим образом (рис. 1):

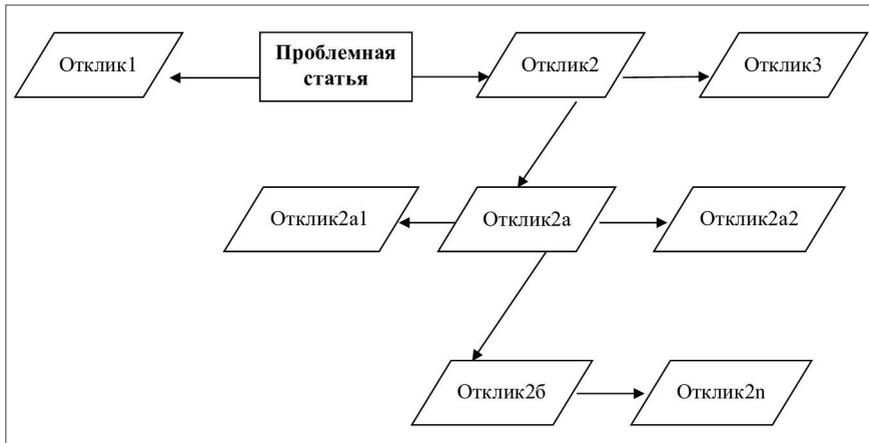

Рис. 1 / Fig. 1. Линейная структура полемиического дискурса печатных СМИ / Linear structure of the polemical discourse of the print media

Как видно из приведённой выше схемы, на проблемную статью, посвящённую рассмотрению определённой актуальной темы, поступают отклики читателей, которые могут содержать согласие / несогласие, критику в адрес автора публикации. В результате развёртывания коммуникативного пространства полемиическая дискуссия приобретает разветвлённую форму, в основе которой находится сама обсуждаемая проблемная статья в целом, на которую поступают отклики, что обеспечивает исследуемому дискурсу сложную полилогическую структуру, в рамках которой имеет место взаимодействие, помещённое в социально-культурные условия конкретной ситуации. При этом некоторые отклики (отклик 2а) способны формировать вокруг себя дополнительные информационные пространства при помощи тематического объединения откликов других читателей (отклик 2а1, 2а2 и т.д.), что способствует продолжению дискуссии и делает рассматриваемую модель полемиического дискурса печатных СМИ относительно предельной.

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПЕЧАТНЫХ СМИ

Однако, помимо линейной модели, представленные в нашей схеме двусторонние процессы коммуникации в полемиическом дискурсе печатных СМИ требуют когнитивного осмысления на основе тех процессов, которые

имеют место на ментальном уровне в ходе дискурсообразования². Поэтому построение когнитивной модели исследуемого дискурса будет способствовать пониманию механизмов порождения, передачи, получения, интерпретации и дальнейшей информационной трансформации в полемическом дискурсе печатных СМИ.

На сегодня существует широкое разнообразие моделей порождения речи. Имеется и ряд моделей восприятия речи. Будучи сторонниками отечественного когнитивного подхода, мы можем представить порождение дискурса и его анализ как следующие друг за другом процессы, протекающие на когнитивном уровне. По завершении круга синтеза и анализа начинается новый дискурсивный цикл, в который включаются и отклики читателей на проблемную статью: ответная реакция представляет собой новый синтез и т. д. Таким образом, мы получаем многоуровневую когнитивную модель дискурсного взаимодействия, отражающую механизм кодирования замысла в речь и декодирования информации с последующей ответной реакцией, которая может быть представлена следующим образом.

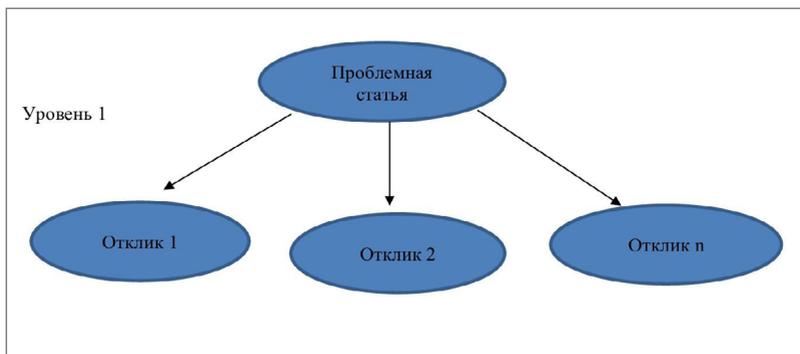

Рис. 2 / Fig. 2. Базовый уровень коммуникативно-когнитивной модели / Basic level of the communicative-cognitive model

Экономические проблемы, вызванные пандемией вируса COVID-19, стимулировали адресанта к публикации проблемной статьи «*In the coronavirus jobs wipeout, the young and low earners suffer most*» Т. Белла из газеты «The Guardian», которая, по замыслу автора, призвана стимулировать читателей к обсуждению и поиску вероятных решений. При этом статья получает определённую структуру и содержательное наполнение, которые реализуют интенцию автора. В свою очередь, на опубликованную статью поступают различные отклики читателей, принявших участие в получении, идентифи-

² Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 53–55.

кации и интерпретации текста, которые в совокупности с проблемной статьёй сформировали первый уровень коммуникативно-когнитивной модели полемики (рис. 2).

Развёртывание коммуникативно-когнитивной модели может идти двум сценариям: 1) ядерная проблема, затрагиваемая в проблемной статье, отражается в разных откликах читателей без приращения дополнительных смыслов; 2) ядерная проблема в проблемной статье затрагивается в одном из откликов читателей, в котором раскрываются один или более её аспектов, и уже в следующем отклике ведётся обсуждение не ядерной проблемы, а её периферических аспектов, номенклатура которых увеличивается по мере увеличения количества откликов читателей и раскрытия других аспектов. Две базовые модели можно представить следующим образом (рис. 3 и рис. 4):

Рис. 3 / Fig. 3. Последовательная модель полемики / Sequential model of polemical discourse

Статья	Отклик 1	Отклик 2	Отклик n
Проблема	Обсуждение аспекта 1	Обсуждение аспекта 2	Обсуждение аспекта n

Рис. 4 / Fig. 4. Ступенчатая модель полемики / Stepwise model of polemical discourse

Рассмотрим следующий пример из статьи «*If prisoners are to help with the UK’s labour shortages, they must not be exploited*» Ф. Крука из газеты “The Guardian” и отклики на неё (рис. 3):

Статья³: *If prisoners are to be employed to work for private companies, then they should have workers’ rights... They must not be exploited as cheap labour... Public acceptance of such endeavours will depend on prisoners...*

³ Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.

The barrier to expanding opportunities also lies with the extremely risk-averse attitude in the Prison Service. Currently, prisons are restricted as to how many people may apply for work in the community, but this could easily be expanded. Prisons would need to focus on getting people work-ready ... Companies would prosper, but so would the wider community, as we all know that having a job ... provides the best hope for successful reintegration after release [F. Crook].

Отклик 1: *I can see this working, however strict rules would need to be put in place to prevent exploitation. The main one would be that employers using prisoners in their firm MUST without question, pay them the normal rate of pay for that job. No 'on the cheap' labour. Now yes, the normal rates of tax and NI will also apply to these wages, just as a normal person would do.*

Now the prisons must be able to set a nominal charge rate for prisoners... [Waraila19].

Отклик 2: *A no brainer to implement all that's recommended above so that prison can rehabilitate and give inmates a second or third chance.... Instead of just punish and perpetuate more crime [Veteran574].*

Отклик n: *How this story develops is fascinating on several levels. Firstly, it reveals the appalling [...] -show that is Brexit. How it will be spun to suggest otherwise will be intriguing.*

Secondly, as this article relates, it brings to the fore the subject of prisoner rights and the promotion of rehabilitation as the key goal of incarceration. This is a very good thing ... [Hak_a_dalan].

В данном случае ядром коммуникации является проблема занятости заключённых. По мнению автора статьи, их нельзя эксплуатировать как дешёвую рабочую силу. Препятствием для расширения возможностей для заключённых принимать участие в жизни общества также является нежелание сотрудников пенитенциарной службы предпринимать шаги в направлении решения данной проблемы, поэтому в настоящее время в тюрьмах немногие могут подавать заявки на работу, что можно легко исправить путём вовлечения общества в решение данного вопроса. В свою очередь, каждый из читателей выражает реакцию на эту проблему, но в представленной схеме отклики от других читателей на уже поступившие не поступают.

Однако наибольшей популярностью пользуется последовательная модель, в которой в ходе обсуждения появляются различные аспекты проблемы, и уже именно они ложатся в основу продолжения дискуссии (рис. 4):

Статья: *If prisoners are to be employed to work for private companies, then they should have workers' rights ... They must not be exploited as cheap labour to take on the roles for which companies do not want to raise wages. Public acceptance of such endeavours will depend on prisoners ...*

The barrier to expanding opportunities also lies with the extremely risk-averse attitude in the Prison Service. Currently, prisons are restricted as to how many people may apply for work in the community, but this could easily be expanded. Prisons

would need to focus on getting people work-ready, ... Companies would prosper, but so would the wider community, as we all know that having a job ... provides the best hope for successful reintegration after release [F. Crook].

Отклик 1: It would need a lot of planning but it could work – IF we had a government with intelligence and foresight. Unhappily I cannot see this dismal lot and their acolytes implementing anything that would benefit prisoners! [tombolino]

Отклик 1 (а): Alternatively, how about solving the 'labour shortage' by offering people decent pay and conditions? [Gelion]

Отклик 1 (б): Exactly. The average age of a British HGV driver is mid 50s. It costs J3,000 + to get a licence. Many drivers are away for days at a time.

The wages are average, at an average of J32,000, and if you factor in the hours and the time away from home, they are very low, no wonder most Britons do not want to be an HGV driver ...

Same for Teaching, Nursing and Doctors, also seeing people leave in their droves, the stress, time working and conditions for the pay are poor for all of those [me2015com].

Отклик 2 (1а): 'Alternatively, how about solving the 'labour shortage' by offering people decent pay and conditions?' Nah, that'd never work [Chrispytl].

Отклик 1 (2 1а): You're right about paying HGV drivers more. But don't get dewy-eyed for the doctors.... J150k + per annum plus special pension rights and now they all work from home so you can only see them via Zoom! [tombolino]

В вышеприведённом примере мы видим развёртывание дискуссии по нарастающей, т. е. читатель 1 выражает свою реакцию на статью, а второй читатель выражает реакцию на определённый аспект проблемы, который упоминается в отклике 1, в то время как читатель 2 делает акцент на другом аспекте обсуждаемой проблемы в виде реакции на отклик 1 (а).

Как мы видим, при продолжении дискуссии на отклики самих читателей могут поступать отклики других адресатов, формируя второй уровень рассматриваемой модели. Важным является тот факт, что ядром остаётся проблема, описанная в проблемной статье и пронизывающая все уровни представленной модели. Однако тематические приращения / изменения / дополнения вероятны, они формируют следующие уровни, что делает модель относительно предельной (рис. 5).

Помимо этого следует отметить, что особенностью рассматриваемой модели является то, что адресат одновременно может являться получателем и отправителем информации, поскольку его отклик на проблемную статью может становиться стимулом для отклика другого адресата. Кроме того, отклик может представлять собой тематическое продолжение проблемной статьи либо содержать в себе ответную реакцию, ответы на вопросы адресанта; также могут присутствовать отклики одного читателя одновременно и на проблемную статью, и на отклики других читателей:

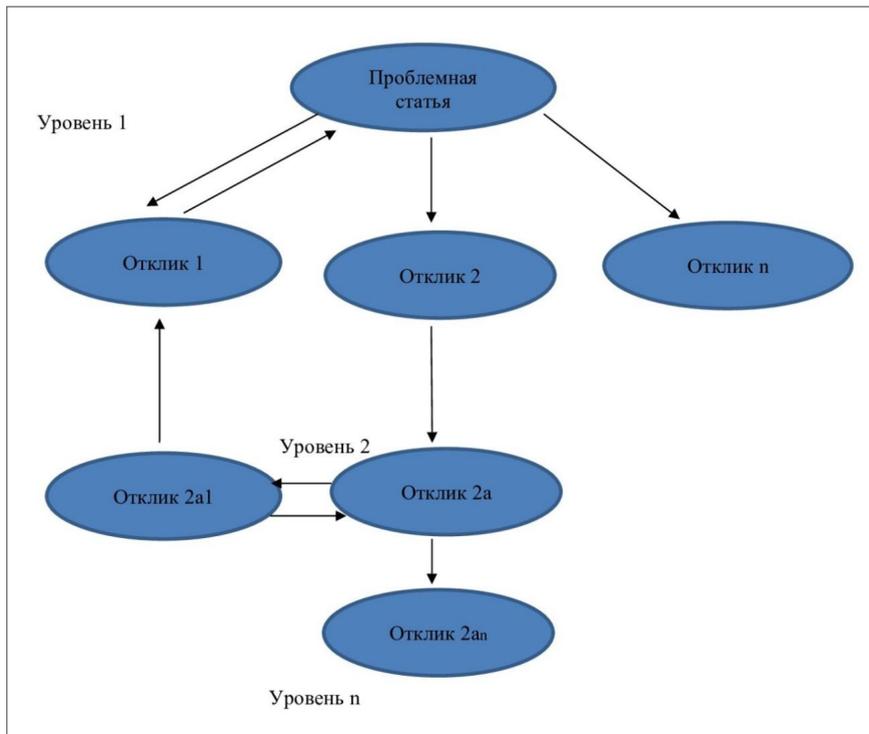

Рис. 5 / Fig. 5. Многоуровневость когнитивной модели полемиического дискурса печатных СМИ / Multi-level system of the cognitive model of the polemical discourse of the printed media

Статья: *So why is so much of the media so bloodthirsty? Why do they love bombs and bullets so much, and diplomacy so little? Why do they take such evident delight in striking a pose atop a heap of bodies, before quietly shuffling away when things go wrong?*

An obvious answer is the old adage that “if it bleeds it leads”; so there’s an inbuilt demand for blood ... [G. Monbiot].

Отклик 1: *Yes great article George. For once I am with you 100%. The media will never learn. It always seeks to marginalise, ridicule, intimidate & censor dissenting voices. But then ... [jeroenspeculaas].*

Отклик 2: *Absolutely right, George. Well said. It’s the same old, same old. The press love a good war. Great heroic headlines. Valiant war correspondents reporting from the front line. In the background the war profiteers count their inflated profits & laugh ... [OzMan88].*

Отклик 3: *“there’s an inbuilt demand for blood”. There is indeed. I agree that the media are to blame. But, as the story of the elated news editor in this article amply*

illustrates, they are catering for a bloodthirsty readership. Nor does our parliament appear to be immune to such bloodthirstiness: ... [WhewellsCourtTrinity].

В данном примере в статье «*Who's to blame for the Afghanistan chaos? Remember the war's cheerleaders*» Дж. Монбиота из газеты "The Guardian" проблема связана с выводом американских войск из Афганистана и освещением данного вопроса в прессе. Автор задаётся многочисленными вопросами, почему же многие СМИ такие кровожадные? Почему в них так много бомб и пуль и так мало дипломатии? Приводятся доводы автора о причинах такой кровожадности, а также собственные размышления, что вызывает реакцию со стороны читателей, которые вступают в дискуссию. При этом параллельно ведутся дискуссии не на одну тему, а сразу по нескольким аспектам: агрессии, роли прессы в освещении проблемы и т. д. Мы имеем дело с комбинацией двух предложенных нами схем, которые входят в состав единой многоуровневой коммуникативно-когнитивной модели исследуемого дискурса.

Рассмотрим пример из белорусской статьи «*Нехтмотолькі вслед за гитлеровцамі прызываюць убіць свой народ*» А. Муковозчика из газеты «СБ. Беларусь сегодня»:

Статья: *Заметили вы, как замагарыши – и особенно те, кто сидит далеко и в тепле, – делят наше общество на страты? На каждую пытаюсь воздействовать точно, выборочно, с учетом специфики.*

Пробовали с рабочими, с правоохранителями, со студентами, с военными, – хлопотное дельце, не получается [А. Муковозчик].

Отклик 1: *Змагарышей уже не вылечить никогда [Анна Тарасевич].*

Отклик 2: *Ну почему же не вылечить? Как говорил главный герой фильма про Ганнибала: вы просто не знаете рецепта, как их можно приготовить [Виталий Максимов].*

Отклик 3: *До какой же степени бывают глупыми умные люди... [Ольга Высокинская].*

Отклик 4: *Я про таких говорю... умный человек, а по жизни – дурак [Tatiana Muszynska].*

В вышеприведённом примере из текста белорусской прессы, посвящённого проблеме национальной безопасности, мы наблюдаем также разветвление первого уровня когнитивно-коммуникативной модели исследуемого дискурса за счёт появления откликов читателей не на саму статью, а на предыдущие отклики.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что для обоих языковых вариантов дискурса наиболее распространённой является многоуровневая модель коммуникации, позволяющая вести обсуждение проблемы по разным тематическим направлениям с максимальным вовлечением аудитории. При этом концептуальное наполнение модели представлено следующим образом: репертуар концептов, входящих в концептосферу как белорусского, так и британского полемических дискурсов печатных СМИ,

представлен в своём большинстве социальными понятиями и отношениями, затрагивающими социальную, политическую, образовательную и другие сферы. Именно проблема, представляя собой периферический признак указанных концептов вне исследуемого дискурса, в контексте последнего становится ядерной и как определяет внутреннюю логику полемики дискурса (изучение, обсуждение, поиск возможного разрешения проблемы), так и ложится в основу базового уровня коммуникативно-когнитивной модели полемики дискурса печатных СМИ.

Поскольку целью полемики дискурса является поиск решения актуальных проблем, на количество и характер которых влияют различные экстралингвистические факторы, полученная коммуникативно-когнитивная модель дискурса характеризуется отсроченностью во времени, вызванной дистантностью между адресантом и адресатом, а также открытыми границами своей концептосферы, объединяющим ядром которой будет оставаться общественно-важная проблема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведённого нами исследования, мы приходим к выводу, что в ходе коммуникации, вербализованные продукты которой представлены проблемной статьёй и откликами на неё, образуется полемика дискурс печатных СМИ, целью которого является поиск решения актуальной проблемы, являющейся стимулом для начала коммуникативного процесса между участниками, реализующегося через язык и способствующего взаимодействию коммуникантов в рамках их когнитивной и трудовой деятельностей.

Коммуникативно-когнитивная модель полемики дискурса печатных СМИ, с одной стороны, включает в себя линейные аспекты коммуникации. С другой стороны, он также представлен интеракционными аспектами, предполагающими наличие этапов стимулирования и ответной реакции в определённом контексте с акцентом на взаимодействие участников полемики дискурса печатных СМИ.

Многоуровневая относительно предельная коммуникативно-когнитивная модель дискурсного взаимодействия, представленная проблемной статьёй и откликами на неё в прессе, отражает механизм генерирования и передачи информации с последующей ответной реакцией, учитывая интенцию автора. Когнитивная составляющая данной модели представлена базовым концептом «проблема», сопровождаемым периферийными, приращение которых определяется самой природой полемики дискурса печатных СМИ, предполагающей возникновение новых тем под воздействием различных политических, социально-экономических и других факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1963. 385 с.
2. Данюшина Ю. В. Коммуникативно-когнитивные аспекты моделирования дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5. № 1. С. 111–117.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2000. С. 5–20.
4. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2012. 818 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Издательско-торговый дом гуманитарной книги «Гнозис», 2003. 280 с.
6. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология. 1998. № 14. С. 22–29.
7. Шеннон К. Математическая теория связи / пер. С. Карпова. Urbana: University of Illinois Press, 1949. 117 с.
8. Шрам У. Как работает связь. Обработка и эффекты массовой коммуникации. Urbana: University of Illinois Press, 1954. 58 с.
9. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
10. Gibson R. Intercultural Business Communication. Oxford: Oxford University Press, 2002. 123 p. (Oxford Handbooks for Language Teachers).
11. West R., Turner L. Introducing Communication Theory: Analysis and Application. New York: McGraw-Hill, 2006. 637 p.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. T. 1* [Selected Works on General Linguistics. Vol. 1]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 385 p.
2. Danyushina Yu. V. [Communicative and cognitive aspects of discourse modeling]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad state university], 2010, vol. 5, no. 1, pp. 111–117.
3. Karasik V. I. [On the types of discourse]. In: Karasik V. I., Slyshkin G. G., eds. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU "Peremena Publ., 2000, pp. 5–20.
4. Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU Publ., 2012. 818 p.
5. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Izdatel'sko-torgovy dom gumanitarnoi knigi "Gnozis Publ., 2003. 280 p.

6. Sheigal E. I. [Structure and boundaries of political discourse]. In: *Filologiya* [Philology], 1998, no. 14, pp. 22–29.
7. Shannon C. A mathematical theory of communication (Rus. ed.: Karpov S., transl. *Matematicheskaya teoriya svyazi*. Urbana, University of Illinois Press Publ., 1949. 117 p.).
8. Schramm W. The Process and Effects of Mass Communication. Urbana, University of Illinois Press Publ., 1954. 58 p.
9. Jakobson R. O. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985. 460 p.
10. Gibson R. Intercultural Business Communication. Oxford, Oxford University Press, 2002. 123 p. (Oxford Handbooks for Language Teachers).
11. West R., Turner L. *Introducing Communication Theory: Analysis and Application*. New York, McGraw-Hill, 2006. 637 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.12.2021

Статья размещена на сайте: 30.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сажина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины; e-mail: sazhina@gsu.by

Alena V. Sazhyna – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of Foreign Languages, Francisk Skorina Gomel State University; e-mail: sazhina@gsu.by

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Сажина Е. В. Коммуникативно-когнитивная модель полемического дискурса печатных СМИ // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sazhyna A. V. The communicative-cognitive model of the polemic discourse of the print media. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».